

ШОТА РУСТАВЕЛИ
ВИТЯЗЬ
В ТИГРОВОЙ
ШКУРЕ

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24429286

Витязь в тигровой шкуре:

ISBN 9781772468090

Аннотация

Престарелый царь Аравии Ростеван, не имея сына-наследника, возводит на престол свою единственную дочь, красивую и мудрую Тинатин, питающую любовь к славному рыцарю – полководцу Автандилу. Однажды во время охоты Ростеван и Автандил повстречали чужестранного витязя в барсовой шкуре, погруженного в глубокую скорбь. Все попытки заговорить с ним оказались тщетными; к тому же он бесследно исчез. Огорченного царя охватило уныние, и Тинатин поручает своему возлюбленному во что бы то ни стало отыскать загадочного чужеземца. Автандил охотно берется выполнить поручение своей повелительницы. После долгих и тяжелых странствий он находит этого витязя, по имени Тариэл. Витязь рассказывает Автандилу свою печальную историю: он – отпрыск царственного рода, военачальник и амирбар самодержца Индии Фарсадана, терзаемый страстной любовью к солнцеликой царевне Нестан-Дареджан. Царь Фарсадан решил выдать Нестан замуж за хорезмийского царевича и объявить его наследником престола, хотя по праву наследником считался Тариэл. Нестан

уговорила своего миджнура (возлюбленного) убить соперника и захватить власть. Царевну обвиняют в преступной любви к мятежнику и подвергают суровой каре: после жестоких побоев ее тайно увозят за пределы Индии. Тариэл бросается на поиски любимой, но тщетно. Потеряв всякую надежду отыскать ее, он покидает отечество, уединяется и живет в пещере. Автандил братается с Тариэлом, утешает, обнадеживает его, и они вместе отправляются на поиски Нестан-Дареджан. Наконец отыскивается ее след. Прекрасная царевна заключена в неприступной крепости Каджети Тариэл и Автандил при содействии третьего побратима, Фридона, овладевают крепостью и освобождают Нестан. Радостные, счастливые побратимы-витязи возвращаются в родные края.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	7
СКАЗ 1	13
СКАЗ 2	23
СКАЗ 3	38
СКАЗ 4	41
СКАЗ 5	65
СКАЗ 6	71
СКАЗ 7	78
СКАЗ 8	80
СКАЗ 9	82
СКАЗ 10	85
СКАЗ 11	97
СКАЗ 12	103
СКАЗ 13	106
СКАЗ 14	118
СКАЗ 15	123
СКАЗ 16	128
СКАЗ 17	130
СКАЗ 18	139
СКАЗ 19	150
СКАЗ 20	159
СКАЗ 21	162
СКАЗ 22	167

CKA3 23	168
CKA3 24	172
CKA3 25	179
CKA3 26	187
CKA3 27	189
CKA3 28	196
CKA3 29	200
CKA3 30	211
CKA3 31	218
CKA3 32	221
CKA3 33	223
CKA3 34	225
CKA3 35	228
CKA3 36	232
CKA3 37	234
CKA3 38	239
CKA3 39	243
CKA3 40	253
CKA3 41	264
CKA3 42	267
CKA3 43	269
CKA3 44	274
CKA3 45	276
CKA3 46	285
CKA3 47	289
CKA3 48	293

CKA3 49	297
CKA3 50	301
CKA3 51	304
CKA3 52	310
CKA3 53	321
CKA3 54	327

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

ВСТУПЛЕНИЕ

Ты, вселенную создавший, силой собственной велик,
Дуновеньем животворным бездыханное проник,
Людам дал весь мир – несметной многоцветности
цветник,
Странам дал владык, и в каждом отражается твой лик.

Бог единый, ты – прообраз всех земных и горних тел,
Дай мне силу, чтобы дьявол полонить меня не смел,
Дай любить еще, доколе смерть не вырубит предел,
Облегчи грехи, что телу навсегда даны в удел!

Льву приличны меч и пика, медный щит ему пристал,
Солнца блеск идет царице, чье обличье – алый лал.
Как осмелиться, не знаю, мне излить поток похвал?
Взору в дар Тамар явилась, но хвалы отдарок мал.

Слез кровавых дождь хвалебный только ей да будет мил!
Темных слов мы не сказали, и творил я без чернил:
Не перо – тростник высокий черным озером поил,
Чтоб хвалебный стих иному, точно меч, по сердцу бил.

Петь уста, ресницы, брови – долг почтительный певца,
Зубы выложены ровно, два блистающих венца;
Бело-розовый точеный люб овал ее лица.
Раздробит и камень твердый наковальня из свинца.

Мне нужны язык и сердце, чтобы славить и хвалить,
Дай уменье мне и силу с песнопеньем разум слить,
Чтоб смогли мы Тариэля словом пламенным почтить,
И да свяжет трех героев неразлучной дружбы нить!

Этот плач о Тариэле не иссякнет, вечен он.
Сядьте все вокруг Руствели, кто рожден, как он рожден.
Я пою о нем стихами, в сердце копьями пронзен,
Вышив повесть жемчугами, дал я прозе перезвон.

Я, Руствели, сказ певучий до исхода доведу
Для тебя, царица войска, иль умру здесь на виду.
Обессиленный любовью, я спасения не жду.
Коль спасти меня не можешь, схорони со мной беду!

Сказка персов по-грузински мною песенно дана,
Перешла из рук на руки, как жемчужина, она;
Мной наряженная в рифмы, здесь она вознесена.
Омрачившая мой разум, не отвергни письмамена!

Проясниться снова жаждет ослепленный ею взор,
И, стесненное любовью, сердце в доли я простер.
Я душою возрождаюсь, подымаясь на костер.

Три воспетых цвета смогут исчерпать стиха простор.

Должен каждый примириться с предназначенной судьбой:

Пусть работает работник и уходит воин в бой,
А влюбленный пусть палящий сохраняет в сердце зной,
Пребывая безупречным в сокровенной страсти той.

Есть в поэзии течение слов премудрых и святых,
Счастлив, кто благоговейно высоту ее постиг.
Весь простор могучих мыслей заключает краткий стих -
Тем прекрасна речь поэта, тем отлична от иных.

Как по длинным перегонам проверяют скакуна,
Как по взмаху и размаху ловкость мячника видна -
Так и силы стихотворца мерит повести длина.
Не должна же сокращаться в затруднениях она.

На певца тогда смотрите, как опасность велика!
Чтоб слова не поредели и не стала речь мелка,
Напрягаться всё сильнее нужно силам ездока:
В мяч без усталости чоганом пусть разит его рука.

Кто случайно два-три слова склеит рифмой тут и там,
Тщетно чтит себя поэтом, к славным тянется певцам,
Сложит стих, другой приложит, хоть нескладность видит сам,
Но твердит: "Всех превзошел я и затмил!" – как мул упряж.

Есть иного рода песни, дара малого удел,
Что сердца рассечь способных слов составить не сумел;
Словно слабый лук подростка, перед хищником несмел,
Лишь на мелкую дичину тратя мелочь робких стрел.

Есть еще род песен, годный для забавников пустых,
Для любовных объяснений, для пиров и шуток злых;
Эти песни нам любезны, если красит ясность их,
Но поэт лишь тот, кто в песнях величавости достиг.

Тратить попусту не должно дарование свое,
Для единой страсти должно в сердце выстроить жильё.
Надо всё творить искусно, коль творится для нее,
И не ждать, чтоб воздаянье протянула длань ее.

К той, что прежде восхвалял я, вновь летит моя хвала,
По достоинству я славил, и не ждет меня хула,
Жизнь моя и беспощадность леопарда в ней жила,
Пел я имя несказанной, что единственно светла.

Чувство истинное – это отраженье высших сил.
Надо, чтоб язык поэта несказанность изъяснил.
Есть возвышенная сила широко растущих крыл -
Тот, кому она открылась, всё страданию открыл.

Не поймут любви подобной и мудрейшие земли,
Коль признаньями и уши и язык уже сожгли.
Я сказал: земные чувства те, что с плотью расцвели,

Горним вторят, избирая лишь томление вдали.

По-арабски однозвучны и "безумен" и "влюблен":

Кто влюблен и кто безумен-тщетной грезой омрачен,
Кто возносится любовью – тронет дланью небосклон,
Кто телесным очарован – крылья к травам клонит он.

Коль высокой страсти служишь, то, как солнце, будь красив,

Будь свободен ты и молод, мудр, богат, красноречив,
Будь и чуток, и уступчив, и меж витязей ретив, -
Коль достоинств не имеешь, удержать сумеи порыв!

Есть краса в искусстве чувства, и рекут мои уста:

Сочетать служенье сердца с грешной скверною – тщета.
Меж любовью и развратом – грозной бездны пустота.
Меж несходными да будет непрейденною черта!

Коль возлюбленной влюбленный посвятил себя вполне,
Разлучась, он должен вздохи учащать наедине,
Должен верным оставаться и в пучине и в огне.
Бессердечных поцелуев звон веселый мерзок мне.

Пусть никто любовь такую настоящей не зовет,
Где сегодня той все ласки, завтра этой весь почет,
Лишь себе ни в чем отказа, в детской страсти, без забот.
Но влюбленный всё мирское в жертву милой принесет.

Тот, кто истинно полюбит, ото всех любовь таит,

Вдаль страдания уносит, одиночеством сокрыт.
Ведь душа в самозабвенье, если пламенем горит,
От любимой примет кротко даже горький яд обид.

Обретя любовь, не должно молвить слово ей во вред,
Надо скрыть любовь, чтоб люди не нашли ее примет.
Если чувства не заметят – и смущенья вовсе нет,
Надо пламенем одеться, счастья блеск творить из бед!

Лишь безумной люб с нескромным откровенный
разговор,
Разглашающий приносит и себе и ей позор.
Как, любимую ославив, снова встретить нежный взор?
Пусть не ранит сердца милой дорогого наговор!

Как возлюбленному верить, коль с предателем он схож?
Сам не выиграв – любимой он готовит слезный дождь.
Что ж возвел ее высоко, если низко низведешь?
На земле всего милее злomu сердцу – злая ложь.

Если плачут о любимой – эти слезы всех светлей,
Одиночество зачтется, как уход в простор полей.
В долгих думах о единой неразлучно слейся с ней;
Пусть же будет чувство это неприметно для людей.

СКАЗ 1

О РОСТЕВАНЕ, ЦАРЕ АРАБОВ

Ростеван был царь арабский, божьей милостью храним;
Войск бесчисленных властитель, был он щедрым и
простым.

Мудр, любезен, правосуден, прозорлив, неотразим.
Кроме доблести прославлен красноречием своим.

Не имел детей державный, кроме дочери одной.
Ум и сердце созерцавших уносившая с собой,
Солнцем солнц она сияла, посылала блеск и зной.
Нужен мудрый, чтобы словом славить облик световой.

Тинатин ей было имя, пусть узнает это свет.
Расцвела, восхода солнца стал ясней ее расцвет.
Царь призвал визирей, сел он, и в очах печали нет,
Усадил и обратился к ним, пришедшим на совет:

"Я спрошу у вас о деле достодожном, не о зле:
Свой цветок иссушит роза и развеет по земле,
И исчезнет, но воскреснет новым цветом на стебле,
А для нас померкло солнце, видим ночь в безлунной
мгле.

Старость, худший из недугов, смертный бой ведет со

мною,

Умирать не нынче завтра – на земле закон земной.

Что нам свет? Зачем он, если ночь за ним грозитя
тьмой?

Дочь моя светлей светила на престол воссядет мой".

Изрекли царю визири: "Не терзай себя тоской!

Если роза отцветает, то венец ее сухой,

И тогда, благоухая, все цветы затмит красой.

Блеск звезды не смеет спорить и с ущербною луной.

Царь, твоя не гаснет роза, много лет не вянуть ей!

Твой приказ, недобрый даже, доброты других добрей.

Хорошо, что речью вылил тайной горечи ручей.

Пусть над нами воцарится та, что ярче всех лучей.

Хоть царем девица будет – и ее создал творец.

Что царить она достойна, в том никто из нас не льстец,

Лишь ее лучам подобен добрых дел ее венец.

Львенок львенком остается, будь то самка иль самец".

Сын амира-спасалара был спаспетом Автандил,

Станом стройный, словно тополь, он луной и солнцем
был,

Гладкий лик имел хрустальный, молод, мужествен и мил,

Взор царевны Автандилу блеском сердце истомил.

Он, любовь свою скрывая, превратился в беглеца,

Солнца лик его лишился и лишился багреца,

Растравляла рану встреча с алым пламенем лица.
Сожаления достойна страсть, губящая сердца.

Ростеван сказал: "Царевну царь на царство воцарит".
Был спаспет, как цвет отцветший; днесь – рубином он горит,
Молвил: "Буду видеть часто тот хрусталь, что так блестит,
Может быть, от угасанья блеск мне сердце исцелит".

Повелителя веленье всей Аравии речет:
"Тинатин, по воле отчей, днесь на трон свершен восход.
Пусть, как солнце, просветляет весь подвластный ей народ,
Пусть несет ей всякий зрячий уваженье и почет".

И сошлись аравитяне всех племен со всех сторон.
Автандил, водитель войска, был как солнце озарен;
Был визирь Сограт из многих приближенных приближен;
Был двумя поставлен ими драгоценный царский трон.

И, лицом своим сияя, Тинатин возвел отец,
Возложил своей рукою на чело ее венец,
Дал ей скипетр и закутал всю во злато и багрец.
Всех пронзила взором дева, проникая в сонм сердец.

Царь и войско поклонились, отступив пред ней назад,
Днесь, царем провозглашая, все мольбы о ней творят.

Тут кимвалы загремели, и ударили в набат.
Дева плачет, льются перлы, крылья ворона дрожат.

Деве мнилось: "Недостойна я воссесть на отчий трон".
Оттого-то ливнем долгим был к земле склонен бутон.
Царь учил: "Родивший должен быть рожденным
замещен;
Буду в пламени, доколе не исполнен сей закон".

Приказал: "Не плачь и слушай, что велит отец родной:
Дочь моя, ты царь-девица, ныне призванная мной,
Ты отныне станешь править Аравийскою страной;
Будь же знающей и кроткой, мудро долг исполни свой.

Солнце розам и навозу шлет равно дары лучей:
Ты большим и малым также царской ласки не жалея,
Так отвязанных привяжешь мощной щедростью своей.
Воды снова притекают, вытекая из морей.

Щедрость царская подобно древу райскому растет,
Даже подлый покорится воздаятелю щедрот.
Снедь полезна, а хранимый бесполезным станет плод.
Что отдашь – твоим пребудет, что оставишь – пропадет".

Дева, чуткая к теченью поучающих речей,
Отчей мудрости училась, и не скучно было ей.
Царь, беседа за чарой, становился веселей.
Тщетно солнце подражало Тинатин игрой лучей.

Дева ключницу позвала и сказала: "Я звала,
Чтоб замки с моих сокровищ и печати ты сняла.
Дайте всё, что я имела, как царевною была".
Принесли сокровищ груды, блеск без меры и числа.

Всё, что в юности имела, тут же выдала она,
Знать и чернь обогатила, ошастливила сполна
И сказала: "Я учиться отчей благости должна,
Из сокровищниц не будет сокровенной ни одна.

Все сокровища откройте, не оставив тайника,
Пригоните много мулов и коней издалека!"
Привели, и раздарила, и утрата ей легка.
Как разбойники морские, загребали всё войска.

С тяжелой кладью уходили, словно с боя овладев,
С жеребцами, что стояли в царских стойлах раздобрев.
Как метель неистошима, Тинатин, свершая сев,
Без даров не отпустила ни воителей, ни дев.

Длился пир весь день. Гремело ликование кругом,
Много ратей услаждалось царской пищей и питьем,
Только царь сидел безмолвно с отуманенным челом.
Чем от был обеспокоен? – много спорили о том.

Во главе сидел, сияя, всем любезный Автандил,
Полководец славный, ловкий, словно лев в расцвете сил.
И визирь Сограт почтенный с Автандиллом рядом был.
Говорили: "Что же нынче царь так бледен и уныл?"

Он дурное, верно, мыслит, если пир ему не мил;
Ведь никто его как будто здесь ничем не омрачил.
Пусть решит наш спор". К Сограту обратился Автандил:
"С ним дерзнем шутить, за то что скукой нас он
осрамил".

Сразу встали от застолья и предстали пред царем
И, наполнив свои кубки, подошли к нему вдвоем.
Вот, коленопреклоненный, со смеющимся лицом,
Вольно речь визирь слагает изощренным языком.

"Царь, в лице твоём погасла днесь веселости заря;
Прав ты, блеск сокровищ редких столь прискорбно
гибнет зря,
Дочь раздать всё злато хочет частодарная твоя.
Что ж венчал ее на царство, горе сам себе творя?"

Слыша это, улыбнулся повелитель всеблагой,
Удивился он визирю: "Как дерзнул шутить со мной?
Хорошо ты сделал, – молвил, – полный милостью одной,
Порицать меня за скупость будет лживой болтовней.

Мне, визирь, не это в тягость, есть на сердце гнет иной:
Побелел я, исчерпавший чашу младости златой;
Не рожден в пределах наших только юноша такой,
Чтоб обычаю могучих ныне был обучен мной.

Только дочь одну имею; я любя ее возрастил;

Сына не дал мне всевышний; был бы юный сердцу мил.
Кто царю в стрельбе и в играх на арене равен был?
Хоть отчасти мне подобен мной возвращенный Автандил".

Слову царскому внимая, смелый юноша поник
И улыбкою украсил ослепительный свой лик.
Зубы снежные устлали светом бледным поле вмиг.
Царь спросил: "Чему смеешься? Или стыд меня постиг?"

Что во мне ты порицаешь? Чем постыдна речь моя?"
Кротко юноша ответил: "Если нет запрета, я,
Не сердись и не обидься, всё открою, не тая.
Не сочти за дерзость слово стража славы твоея!"

Молвил царь: "Когда же злое слово вымолвил ты здесь?"
И поклялся жизнью девы, затмевавшей свет небес.
Автандил сказал: "Дерзну я говорить с тобою днесь:
Не хвались стрельбой из лука, лучше слово точно взвесь!"

Автандил, ваш прах, пред вами. Лук и стрелы здесь
лежат,
Ваших подданных расспросим, будем биться об заклад.
Кто мне равен в ратных играх, препираться я не рад.
Пусть на деле дол и стрелы этот спор наш разрешат!"

"Если принял ты решенье, воплотить его сумей,
Коль дерзнул стрелять, старайся оказаться не слабей!
Как свидетелей правдивых мы возьмем с собой людей.
Пусть решится на арене, кто достойней и славней".

Так на том и порешили. Подчинился Автандил.
Разговор их был приветлив, и ласкателен, и мил,
Был заклад положен ими – уговор меж ними был,
Чтоб три дня, кто проиграет, не покрыв чела, ходил.

И охотникам велел он: "Обойдите всё кругом,
Всех зверей с полей стоня, для того мы вас берем".
А потом войска призвал он быть как зрителям при том,
Пир был прерван, где сидели все за радостным питьем.

Рано, стройною лилеей, вышел витязь, бел, румян.
Был хрусталь и лал он ликом, был наряжен статный стан.
Златотканый шарф накинул, при себе имел колчан,
На коне подъехал белом, приглашая на мейдан.

Снарядившись, на охоту царь поехал, и потом
Поле ратью окружил он, оцепил его кругом.
Войско поле покрывало, шумно тешась торжеством,
Ради царского заклада стрелы частым шли дождем.

Вызвал царь: "За мной, двенадцать сопричисленных
людей!

Лук и стрелы подавайте вы властителю скорей!
Верно выстрелы считайте и число добычи всей".
Звери двинулись стадами с опоясанных полей.

Стадом стад пришла добыча, велика, издалека:
Лань, кулан, коза и серна с дивной дальностью прыжка;

К ним помчались царь и витязь, созерцали их войска.
Вот стрела, и лук жестокий, и без устали рука.

Блеск небес угас, увидя отблеск конского следа.
Мчались конные, стреляя. Кровь хлестала, как вода.
Не хватало стрел, и люди подавали их тогда,
Все в крови, вперед ни шагу не могли ступить стада.

Но стрелки стада согнали и погнали пред собой;
Истребили. В небе сущий бог разгневан был резней.
Стали красными долины под кровавою рекой,
С драгоценным райским деревом юный сходен был герой.

Так долину проскакали. Наступил конец игры.
Протекал поток за полем, за потоком шли бугры.
Дичь в леса уйти успела, где и кони не быстры.
Утомились и герои, больше не были бодры.

"Ловче я тебя", – с улыбкой повторяли те вдвоем,
И смеялись, и шутили, словно равные во всем.
А потом рабы приспели, вслед скакавшие верхом.
Царь велел: "Скажите правду, вашей лести мы не ждем!"

Те осмелились: "Мы правду без боязни подтвердим;
Лук спасета на могли бы встарь мы сравнивать с твоим,
Но теперь помочь не в силах; хоть убей – он несравним.
Дичь, намеченная юным, мертвой падала пред ним.

Вместе оба вы убили сто раз двадцать, мы сочли.

Авгандил на двадцать больше. Царь властительный,
внемли!

Все им пущенные стрелы в цель без промаха вошли.
А твои мы зачастую очищали от земли".

Но царю та весть – как будто в нарды легкая игра.
Проиграть он рад питомцу, и душа его добра.
Он любил его, как розу соловей. Пришла пора,
Отошла печаль от сердца, омраченного вчера.

У деревьев для прохлады в тень сошли они с коней,
И войска стекаться стали, затопляя ширь полей.
За спиной царя двенадцать молодых богатырей,
Для очей его забавой были берег и ручей.

СКАЗ 2

О ТОМ, КАК ЦАРЬ АРАБОВ УВИДЕЛ ЮНОШУ, ТИГРОВУЮ ШКУРУ НОСЯЩЕГО

У потока сидя, чуждый, чудный юноша рыдал,
Льву подобный, в поводу он тьмы темней коня держал,
Удила, седло и сбрую крупный жемчуг покрывал,
Слезный дождь из сердца хлынул, и на розу иней пал.

Шкуры тигра одеянье стан прекрасный облекло,
И шелом из той же шкуры облачал его чело.
С длани мощного героя плеть свисала тяжело.
Это видящих виденье увидеть вблизи влекло.

Раб отправился, чтоб слово молвить юноше тому,
Что склонил чело и плакал, недоступный никому.
Озарил хрустальный ливень желобов гишерных тьму.
Раб растерянный не властен передать приказ ему.

Раб дерзнуть не смел; от страха в столбняке стоял без сил,
Долго силился промолвить, очарован и уныл;
Доложил: "Велел..." Вплотную подошел и вновь застыл.

Тот не чует и не чает, целый мир ему не мил.

Так раба и не услышал сокрушенный скорбью лев,
Шума войск не замечая, он сидел, оцепенев,
И рыдало сердце, словно в нем огней свершался сев.
Слезы, будто сквозь запруду, просочились, покраснев.

Грозных мыслей вихрь отсюда в область грез его отнес.
Повеление владыки раб еще раз произнес,
Но не внял ему чудесный, не унял теченья слез:
Он, увы, раскрыть не властен красный куст прекрасных
роз.

Раб дерзнул, представ пред очи государя своего:
"Я узнал, от вас тот витязь не желает ничего.
Ослеплял он, словно солнце, дивен, будто колдовство.
Слух его был глух к призывам: я промешкал оттого".

Царь немало удивился, стал надменен и суров
И послал к ручью двенадцать сопричисленных рабов:
"Вы оружие возьмите! Не идущего на зов,
Там сидящего, схватите, и узнаем, кто таков".

Подошли рабы, раздался гром оружия в тишине,
И тогда лишь вздрогнул юный с сердцем, плачущим в
огне.
Огляделся и увидел рать, готовую к войне,
Молчаливый и угрюмый, только крикнул: "Горе мне!"

Очи вытер, удаляя застилавший их покров,
Укрепил колчан и меч свой, в путь таинственный готов,
Сел на лошадь, не желая даже выслушать рабов.
Не внимая, повернул он и поехал вдаль без слов.

Протянуть посмели руки, пересечь дерзнули путь.
Он же – каждый пожалел бы, даже недруг злейший будь,

-

Перебил одним другого, не хотел мечом взмахнуть,
А иных ударил плетью, рассекая их по грудь.

Пуще прежнего разгневан, царь погнал рабов за ним;
Тот же, словно их не видит, равнодушен вовсе к ним,
Лишь когда его догнали, он сразил их, несразим,
Вмиг, раба в раба швыряя, всех рассеял, нелюдим.

На коней тогда вскочили Автандил и Ростеван;
Уходил тот горделиво, колыхая статный стан.
Солнце по полю несется, конь героя – как Меран.
Слышит юноша погоню, весь, как зарево, багрян.

Своего коня внезапно лишь коснулся плетью он,
В тот же миг исчез, от взоров неприметно схоронен,
Словно в бездну провалился иль взлетел на небосклон:
Вкруг нигде следа не видно с четырех со всех сторон.

След его ища, дивились, что нигде не обретен.
Только дэвы так бесследно исчезают, словно сон.
Всюду павшие остались, всюду плач стоял и стон.

Царь промолвил: "Этой встречей светлый праздник омрачен.

Я, досель счастливый, богу надоел, и оттого
Мне печалью увенчал он дорогое торжество.
Днесь до смерти уязвлен я, не спасет и волшебство.
Что ж! Хвала творцу – то было провидение его".

Так промолвив, опечален, вспять он путь направил свой,
Не продолжил он потехи, отточил тоску тоской.
Все ушли, и той охоты был расстроен стройный строй.
Кое-кто подумал: "Прав он", а иной: "О, боже мой!"

Царь вошел в опочивальню, раздосадован, устал.
Автандил его в покои, словно сын, сопровождал.
Из семейства ни единый Ростевана не встречал.
Всё расстроилось веселье, лютня смолкла и кимвал.

Тинатин тотчас узнала, что отца печаль мрачит,
Подошла к дверям, имея непосильный солнцу вид,
Тихо стольника спросила: "Ныне бодрствует иль спит?"
Доложил: "Сидит, страдает, гаснет цвет его ланит.

Автандил при нем один лишь, там сидит он перед ним.
Царь был очень опечален странным юношей одним".
Дева молвила: "Не в пору я пришла. Коль спросят, им
Скажешь: "Здесь была, к покоям в тот же миг ушла
своим""".

Скоро царь спросил о дочке: "Что с единой, что с одной,
Что с моим утешным лалом, с милой жизненной водой?"
Стольник молвил: "Приходила, схожа с бледною луной,
Всё узнав, ушла, чтоб снова скоро свидеться с тобой".

Царь велел: "Терпеть нет силы. Ты ступай, осмелся ей
Доложить: "Зачем вернулась, жизнь отца и свет очей?"
Приходи, спасенье сердца, горе нежностью развей!
Расскажу я, чем затмила ясность радости моей"".

Повелению послушна, Тинатин пришла одна,
Лик ее светился, словно неущербная луна,
Царь, целуя, слово молвил, тихо слушала она.
Он сказал: "Неужто зова моего ты ждать должна?"

Доложила дева: "Царь мой, в час, когда ты омрачен,
Кто дерзнет тебя увидеть – пусть гордится этим он.
Скорбь твоя светила свергнет, сотрясет и небосклон,
Но решимость в деле лучше, чем страдание и стон".

Молвил царь: "Хотя и ранен я свирепую судьбой,
Оживаю, лик твой милый лицезрею пред собой.
Ты, целительная, тучи разгоняешь красотой:
Всё узнав, ты оправдаешь скорбь и стон унылый мой.

Некий юноша чудесный взор мой странностью привлек,
Шел сияньем над вселенной от него лучей поток,
Он рыдал, а я не ведал, чем его измучил рок.
Не меня пришел он видеть, я за ним бежал, жесток.

Слезы вытер, сел на лошадь, чуть меня завидел он,
Я схватить его пытался – был я войска им лишен.
Не приветствуя, пропал он, словно бесом схоронен;
Так доньше и не знаю, явь я видел или сон.

Что увидел, удивило: кто он был – я не пойму;
Словно вихрь кровавый, мчался он по войску моему,
Из телесных так исчезнуть невозможно никому.
Разлюбил меня создатель, погрузил меня во тьму.

Так даров его сладчайший вкус мне горек стал потом,
О былых счастливых летах я забыл, бедой ведом.
Всё мне скорбью угрожает, нет отрады мне ни в чем,
И вовеки я сжигаем буду горестным огнем".

Дочь осмелилась: "Лукавый сердце отчее мрачит.
На судьбу зачем твой ропот? Или бог тебе не щит?
В чем винишь того, чей миру животворный взор открыт?
И зачем добра создатель злое чудо сотворит?"

Царь царей, дозвошь поведать думу дочери родной:
Ты владеешь беспредельной, безграничною страной!
Пусть пойдут искать повсюду отягченного виной
И узнают о безвестном, неземной он иль земной".

На восток, на север, запад и на юг людей тогда
Разослали, приказали: "Не боясь беды, труда,
Всюду юношу ищите, что сокрылся без следа,

А куда и не дойдете, письма шлите вы туда".

Диво-юношу искали эти люди целый год
И расспрашивали всюду ими встреченный народ,
Но не встретили выдавших, был напрасен их поход,
И вернулись, огорчаясь тщетной тягостью забот.

Те рабы дерзнули молвить: "Обошли мы лик земли,
Но того, кого искали, мы увидеть не смогли.
Кто б на свете с ним встречался – и такого не нашли.
Мы ничем помочь не можем. Средств иных искать
вели!"

Молвил царь: "Наверно, правду отгадала дочь моя:
В самом деле, злую силу у ручья увидел я.
Знать, явилось то виденье для затмения бытия.
Ни о чем уж не заботясь, грусть отрину я, друзья".

Так на радостях он молвил и умножил ряд затей:
И певцов и лицедеев повелел собрать скорей.
Раздарил подарков много верной челяди своей,
Ведь создал его создатель всех властителей щедрей.

Автандил в опочивальне был в одежде распашной,
Легкой песней услаждался, вторя арфе золотой.
Появился негр царевны передать приказ такой:
"Облик солнца, стройный тополь, склонен свидеться с
тобой!"

И досталось Автандилу дело всех желанней дел,
Встал и лучшее из лучших платье быстро он надел;
Торопясь увидеть розу, был он радостен и смел.
Приближения к желанной сладко ждуть себе в удел!

Горделивый, без смущенья устремился Автандил
И увидел ту, которой столько слез он посвятил.
Дева молнии подобна, блеск обличья грозен был,
Расстилаемый до неба, он и свет луны затмил,

Горностаи нагое тело тяготил ей снеговой,
Ниспадало покрывало, злату равное ценой,
Сердце рать ресниц разила, черных копий строгий
строй,
Шею белую ласкали кудри пышные волной.

Так пурпурно покрывало, так нахмурен, чуден взгляд.
Автандилу сесть велела, тихих слов был ровен лад;
Раб ему скамью придвинул; сел он, робостью объят...
Заглянул в глаза ей витязь, преисполненный услад.

"На устах я чую горечь, нахожу слова с трудом;
Что сказать я не хотела, умолчать нельзя о том:
Я должна тебе поведать, почему призвала в дом,
Почему мрачна сию я с помутившимся умом".

Он сказал тогда: "Ты сердце огорчить не можешь мне,
Перед солнцем лучезарным как сиять еще луне?
Догадаться я не в силах, словно вижу всё во сне..."

О, поведай все тревоги и доверься мне вполне".

Как достойно, к Автандилу обратилась дочь царя:
"Хоть вдали досель держала от себя богатыря,
Ныне радости сердечной приближается заря,
Но сперва скажу о горе, скорбным пламенем горя.

Помнишь день, когда с владыкой ланей стрелам ты
обрек,
Диво-юноша был виден, но мгновенно стал далек...
Чтобы доблестей спаспета не коснулся наш упрек,
Вслед бесследному обследуи землю вдоль и поперек.

От тебя хотя видала я почтительность одну,
Но любви твоей безмолвной понимала тишину,
День за днем слезами розе придавал ты белизну
И, подавленный любовью, сердцем был у ней в плену.

Ты служить теперь обязан мне прилежнее вдвойне:
Ни единого с тобою мы не ставим наравне,
А к тому же, как влюбленный, пребываешь ты в огне,
Так найди ж его, хотя бы в отдаленнейшей стране!

Это сделай ты и в чувстве неизменном укрепись,
Чтобы, скорбью омраченной, мне опять открылась высь.
Мне надежд фиалки в сердце насади и возвратись,
И с тобой соединюсь я, ты со мной соединишь.

Ты ищи его три года по окраинам земным,

Коль найдешь, приди с победой, провидением храним.
Убедимся в чародействе, коль не встретишься ты с ним.
Мною, розой неотцветшей, будешь встречен и любим.

Я, клянусь, твоей останусь, безупречною во всем.
Даже солнце, став мужчиной, если в мой проникнет дом,
Пусть лишусь тогда Эдема, поглощенная огнем,
Пусть любовь твоя во гневе поразит меня мечом!"

Молвил он: "Твои ресницы обратил в гишеры бог.
Что сказать еще дерзну я, и какой я дам зарок?
Я погибели страшился, ты продлила жизни срок.
Ведь себя уже издавна я рабом твоим нарек".

Вновь дерзнул: "Тебя, о солнце, бог светлейшей
сотворил.
Оттого тебе подвластны все движения светил.
Слыша сказанное слово, снова радость я вкусил.
Цвет ланит моих не блекнет, мне лучи придали сил".

Поклялись тогда друг другу посвятить себя они,
Стали речи их потоку полноводному сродни.
Он не чует больше горя, что досель мрачило дни.
Зубы, перлами сверкая, мечут молнии огни.

Сели вместе и шутили, разговор их нежным стал,
И свою вкусили радость, свив гишер, хрусталь и лал.
Молвил юноша: "Безумен, кто хоть раз тебя видал,
В грудь огонь, тобой зажженный, мне стократно

проникал".

Хоть не мог разлуки вынести, хоть в очах стоял туман,
Он ушел, не обернулся, был безумьем обуян.
Град побил цветок хрустальный, зашатался статный
стан,
Посвятил он сердцу сердце и горенье жгучих ран.

Он сказал: "Не может роза жить без солнечных лучей,
Был хрусталь и лал обличьем, янтаря я стал желтей.
Что же делать, коль надолго разлучаюсь ныне с ней?
Я скажу себе: ты жизни для единой не жалеи".

Он прилег в опочивальне, падал долго слезный град,
Будто в бурю тополь гнется, статный стан бедой объят,
Будто милую он видит, грезы дразнят и казнят.
То он вздрогнет, то застонет, то к земле он клонит
взгляд.

Он, с желанной разлученный, пожелал ее втройне,
Перлы сыпал, уподобил розу блекнущей луне.
А когда настало утро, подготовленный вполне,
Ко дворцу, к собранью свиты устремился на коне.

И послал он царедворца к повелителю послом,
Поручил сказать: "Осмелюсь доложить перед царем:
Все края земли раздольной покорили вы мечом,
Если надо, пусть узнают снова недруги о том.

Я пойду границы ваши защищать от злых племен,
Будет в честь державной девы каждый недруг усмирен,
Будет весело покорным непокорных слышать стон.
Дань царю пускай подносят, низкий делая поклон".

Царь изрек в ответ на это благодарственную речь:
"Знаю, лев, что никогда ты не боялся ратных встреч,
И твое решенье славно, как воинственный твой меч.
Но старайся гнет разлуки снять пораньше с наших плеч".

Автандил к царю явился, низко кланяясь ему:
"Царь, излишне благосклонны вы к спасету своему.
Если снова мне создатель осветит разлуки тьму,
К вам, веселому, веселый взор я снова подыму!"

Целовались, словно были нежным сыном и отцом.
Воспитатель и питомец где такие в мире сем?
Встал спасет и вышел; день тот черным стал разлуки
днем,
Слезы лить царю досталось мягкосердному о нем.

Вышел юноша походкой величавою своей,
Двадцать дней он ехал кряду, ехал столько же ночей.
Он, подобный утру мира, был всех радостей светлей;
Неотвязно мучил сердце знойный свет ее очей.

Он к своим владеньям прибыл; шла хвала ему вослед,
Знать дары несла навстречу, говоря ему привет;
Солнцеликий не отвлекся тем от шествия спасет,

Мимолетный, тешил встречных, словно радостный
рассвет.

Пограничная твердыня всем врагам была видна,
Ей скала была оградой, не на извести стена.
Лев три дня был на охоте – там была она славна, -
И решил он Шермадину сердцем ввериться сполна.

"Шермадин, мне стыдно стало, что лежит меж нами
мгла.

Хоть, со мной ходя повсюду, знаешь все мои дела,
Но не знаешь ты, что роза от бессонных слез бела;
Та, чей блеск меня измучил, днесь утеху мне дала.

Тинатин меня сразила, жизнь мою сожгла любовь.
Ливни слез цветущей розе останавливали кровь.
Лишь теперь себе я молвил: "Сердце к счастью
приготовь!
Днесь дана надежда ею, оттого я весел вновь".

Мне рекла: "Ищи повсюду ты о витязе вестей.
Всё разведаеть, вернешься, назовешь меня своей.
Не отдам иному сердца, будь он тополя стройней!"
Солнце страждущую душу исцелило от скорбей.

Как подвластный, я обязан этот выполнить зарок,
Подчиненный властелину дань уплачивает в срок.
Уняла она тот пламень, вдо на смерть меня обрек,
Твердый сердцем, не склоняясь, должен встретить

грозный рок.

Из господ и слуг с тобою мы дружнее всех друзей.
Ты, внимая этой речи, всё в душе запечатлей.
Уходя, тебя оставлю править вотчиной моей.
Всё тебе я доверяю – от сокровищ до мечей.

Заставляй войска и знатных на врагов идти войной,
Во дворец к царю с вестями пусть гонец приходит твой,
За меня царю шли письма и казну его удвой.
Скрой мое исчезновенье, замени меня собой!

Уподобься мне повсюду – на охоте, на войне,
Жди меня три года, тайну сохраняя в тишине.
Покажусь, быть может, снова я в родимой стороне.
Коль не будет возвращенья, то заплачешь обо мне.

Доложи царю о деле, не желанном для него,
Доложи ему, что тело Автандилово мертво,
Что утратил на чужбине я земное естество.
Нищим выдай медь и золото, не жалея ничего.

Там в помощнике нуждаться буду я еще сильнеей,
Не изгладь меня, прошу я, ты из памяти своей,
О душе моей заботься, горячо молись о ней
И, горя, плачь о смерти преждевременной моей!"

Ужаснулся раб, услышав о решении таком;
Слезы-перлы уронил он, застонал, клонясь челом,

И дерзнул: "Тебя утратив, сердцу чем дышать потом?!
Не останешься ты, знаю, – потому молчу о том.

Заменить тебя могу ли? И на что приказ такой?
Как господствовать сумею? Как сравниюсь я с тобой?
Без тебя я исстрадаюсь и в земле найду покой.
Лучше скроемся мы оба потаенною тропой!"

Тихо юноша ответил: "Слушай, верь и не забудь:
Коль бежит в поля влюбленный, то один свершает путь.
Разве перл дается даром, без затрат, кому-нибудь?
Ведь изменник вероломный должен пасть, пронзенный
в грудь.

Коль не ты, то кто бы тайну охранить достойно смог?
Без тебя кому спокойно вверю власть на долгий срок?
Укрепи границу, чтобы враг не ведал к нам дорог.
Возвращусь я невредимый, коль того захочет бог.

Одного иль сотню року погубить не всё ль равно?
Одиночество не губит, коль погибнуть не дано.
Не вернусь – твое да будет одеяние черно.
Дам тебе письмо, отныне власть отдаст тебе оно".

СКАЗ 3

ЗДЕСЬ ПИСЬМО

АВТАНДИЛА К ПОДДАННЫМ

"И кормильцы и питомцы, все внимайте вы сему,
Верноподданные наши, днесь я голос подниму,
Вы, скользящие как тени вслед желанью моему,
Соберитесь и внемлите Автандилову письму!

Мною, вашим властелином, сей завет подвластным дан,
Он рукой моею писан для моих аравитян:
Предпочел теперь утехам я объезд далеких стран.
Пусть меня отныне кормит полный стрелами колчан.

Дело некое имея, я далеко им влеком.
Должен, странствуя, три года я пребыть в краю чужом.
Я – проситель и сердечно умоляю об одном:
Дайте вновь увидеть царство, не разбитое врагом!

Я оставил Шермадина заменить меня в стране,
До тех пор пока известья не получит обо мне.
Пусть при нем зардеют розы и раскроются вполне;
Вредных, воску уподобив, он растопит на огне.

Я растил его как брата и с собою наравне.

Словно мне, ему служите на охоте и войне!
Коль затрубит он – собирайтесь, а не стойте в стороне.
Если в срок я не приеду, с ним скорбите обо мне".

Так письмо dokonчил, слаще слов не сыщет, кто ни будь,
Золотой надел он пояс, облачился в дальний путь,
"В поле выеду", – он молвил; рать стеклась к нему
примкнуть,
В тот же миг он вышел, в доме не замешкался ничуть.

"Мне защитников не надо!", – крикнул юный властелин;
Удалив рабов, умчался в даль неведомых равнин,
Тростники проехал быстро, опечален и один,
Вспоминая смертоносно-ясный пламень Тинатин.

Вмиг долиной проскакал он, не нашли следа войска.
Кто вдали его увидел, мчался вслед издалека,
Неспроста над ним простерся белый меч – ее рука,
От нее печали ноша и достойна и тяжка.

А когда войска узнали, что спаспета с ними нет,
Потускнели все ланиты и утратили свой цвет.
Горем радость заменяя, ожидая новых бед,
Быстроконные скакали, не могли напасть на след.

"Лев, кого ж господь возвысит? Кем ты будешь
замещен?"
Собирали вести всюду, шли гонцы со всех сторон.
Тщетно воины искали, за предел сокрылся он.

Об утраченном рыдали, был погибелен урон.

Шермадин созвал скорбящих, и пришли они на зов,
Автандилово посланье каждый выслушал без слов.
Вняв ему, сердца заныли у господ и у рабов,
Били в грудь себя, и каждый заколоться был готов.

Все дерзнули: "Хоть без солнца мы едва ли расцветем,
Лишь тебя иметь хотел бы на престоле он своем,
И тебе, конечно, будем мы покорными во всем".
Князем сделали вассала, били все ему челом.

СКАЗ 4

УХОД АВТАНДИЛА НА ПОИСКИ ТАРИЭЛЯ

Мудрый Ездра и Дионос эту правду подтвердят:
Жарких слез достойна роза, коль замерз ее наряд;
Так же тот, кто ликом лалу, станом тополю собрат,
Если он отчизну бросит, жаждой странствия объят.

Быстро по полю промчался белоконный Автандил
И, Аравию покинув, на чужбину путь продлил.
Но с возлюбленной разлука отняла немало сил;
Возгласил он: "Будь я с нею, ныне слез бы не пролил".

Свежий снег скрывает розу, чтобы цвет ее погас.
Ах! не раз кинжал хватал он, жаждой смерти разъярясь;
Молвил: "Горе стало горше и тяжеле во сто раз,
Ведь ушел я, не дослушав арфы радостной рассказ!"

Солнца нет, и роза вянет, ей дарит разлука тьму.
Потерпи", – просил он сердце, и не пал он потому.
Сколько страшных мест встречал он, верный долгу
своему!
Сколько встречных указало направление ему!

Так шли поиски, и слезы дотекали до морей.
Так рука была подушкой, ложем плат нагих полей;
Повторял он: "О, царица, сердцем преданным владей!
За тебя мне смерть была бы долголетия милей!"

Он лицо земли объехал, нетерпением гоним.
Больше места нет под небом, не исхоженного им.
Были поиски напрасны, след желанный был незрим:
Без трех месяцев три года он по странам жил чужим.

И попал он в каменистый край затерянных теснин,
И, не встретив человека, месяц ехал он один.
Вис невзгод таких не знала, не изведал их Рамин.
Днем и ночью он томился, вспоминая Тинатин.

В долгих поисках стоянки до вершины он добрел,
И оттуда показался вдалеке лежащий дол:
Там внизу потоком узким был размыт скалы подол.
Оба берега объемя, лес раскинувшийся шел.

Дням оставшимся он в страхе на вершине счет вершит:
Два лишь месяца осталось. Против рока нет защит,
"Преждевременно оплачут, буду я стыдом убит!
Вновь родиться кто сумеет? Зло в добро кто обратит?"

На вершине он в раздумье сам себе сказал тогда:
"Коль обратно путь направлю, что же выйдет из труда?
Как скажу я лучезарной, что потеряны года,
Что и слухов я не слышал, где искать его следа?"

Если вспять не поверну я – сколько времени опять
Мне искать того, о ком я ничего не мог узнать.
Шермадин слезами скоро станет щеки оmyвать
И придет к царю, утратив упований благодать.

И, моей согласно воле, скажет: "Умер Автандил".
Им, справляющим поминки, станет ясный свет не мил.
Как тогда живым вернусь я, раз обета не свершил!"
Долго в думах нестерпимых на горе он слезы лил.

"Почему ты справедливость от меня отвел, господь,
И зачем заставил тщетно путь огромный побороть?
Вырвав радости, дозволил горю сердце исколоть.
Ах! Душа устала плакать, пусть же прахом станет
плоть!..

Должен быть я терпеливым, – так подумал Автандил, -
Буду жизнь влачить, доколе мне господь определил;
Без него любое дело – лишь пустая трата сил.
Не бывало, чтобы смертный обреченье отвратил.

Был я всюду, всё живое вопрошая об одном,
И, однако, не разведал я нигде вестей о нем.
Может, вправду он, как дьявол, нас опутал колдовством,
И напрасно эти слезы проливаю я дождем?"

Но, спустившись, пересек он перелесок и поток;
Ехал долом, тростниками, скуку шелест их навлек,

Там он бодрости лишился и от горя изнемог.
Шла гишеровая поросль по полям хрустальных щек.

Он в раздумье тяжком ехал, стала даль еще мрачней.
По степи свой путь измерил взором плачущих очей;
Ехал месяц он в безлюдье и терзался всё сильней.
Став к охоте не охочим, не преследовал зверей.

Хоть стремленья все затмила в нем сердечная тоска,
Но для всех в роду Адама мука голода тяжка.
Дичь сразил стрелой длиннее, чем Ростомова рука,
И, сойдя с коня, устроил он костер из тростника.

Лишь на вертеле изжарил он добычу, как привык, -
Видит: шесть каких-то конных подъезжают напрямик;
Он разбойниками счел их; был тот край суров и дик,
Не бывало, чтобы добрый человек туда проник.

К ним направился веселый – пусть напасть они дерзнут.
Видит: двое бородатых безбородого ведут,
На челе заметна рана, струйки алые текут,
Слезы льются, жизнь уходит, взор безжизненно сомкнут.

Закричал им: "Братья, кто вы! Не добра я ждал от вас".
Отвечали: "Помоги нам, чтоб лихой огонь погас,
Коль не сможешь, разжигай же горе, горем распаясь,
И, ланиты окровавив, с нами сетуй в скорбный час!"

Он расспрашивал с участием причитающих людей,

И они рыдали, вторя горькой повестью своей:
"Мы – три брата, потому-то слезы льются всё сильнее.
Близ Хатайи много наших неприступных крепостей.

На охоту мы собрались, долго мчались, вдоль долин,
У реки остановились в окружении дружин;
Там мы вместе оставались месяц радостный один,
Дичь несметную мы били с побережий и вершин.

Мы, три брата, посрамили всех стрелявших в месте том;
И поэтому друг с другом мы поспорили потом. "Я убью!"

-

"Нет, я всех лучше!" – горячились мы втроем.
Не смогли решить и, ссорясь, похвалялись в споре злом.

Отпустили мы добычей отягченные войска
И сказали: "Днесь решится, чья разительней рука,
Чья стрела на самом деле неминуема метка.
Что указано иными – бить негоже для стрелка".

Трое трех оруженосцев взяли в путь, он был не мал;
Всем войскам уйти велели, ведь беды никто не ждал;
Обошли, охотясь, поле, и леса, и перевал,
Били зверя; и крылатый мимо стрел не пролетал.

Вдруг явился некий юный, с опечаленным лицом;
И, как будто на Мерани, он сидел на ворном.
Шкура тигра шерстью кверху хороша была на нем.
Красоты его и отблеск человекам незнаком.

Мы на блеск его смотрели, пламя вынесли едва.
То сошло на землю солнце. Что людей ему слова?
Но пленить его дерзнули мы, земные существа.
Оттого сейчас и плачем, очевидцы колдовства.

Я хотел проехать мимо, чтобы не было хлопот,
Но коня его мой младший похвалил за быстрый ход
И пленить его просился; мы сказали: "Пусть берет".
Вскачь пустились, но, красуясь, ехал так же тихо тот.

Розы бледные окрасил с лалом смешанный алмаз,
Все мечтания разрушил и развеял он тотчас,
Он опомниться не дал нам, он обрушился на нас,
Плетью дерзость наказал он так, что свет в очах погас.

Брата младшего пустили, чтоб не старший начал бой.
Он схватил его, дерзая неземному крикнуть: "Стой!"
Тот рукой не тронул сабли, береглись ее одной.
Плетью в голову ударил, и склонился брат родной.

Брату череп раскрыл он, сбил ударом лишь одним,
Он с седла его на землю сбросил, яростью палим.
Без труда он обессилил дерзко спорившего с ним
И отъехал, нами зримый, смел, надменен, нелюдим.

Больше вспять не глянув, тихо он поехал в тишине.
"Видишь: едет в отдаленье, равный солнцу и луне".
Показали Автандилу – с небосклоном наравне

Словно солнце колыхалось величаво на коне.

Автандил уже не будет орошать слезами щек.
Значит, был бесполезен трудных странствований
срок.

Если цель своих исканий человек увидеть смог,
Вспоминать ему не надо прежних бедствий и тревог.

Он сказал: "Я странник, братья, и в пустыне изнемог,
Вслед за витязем от дома отдалился, одинок.
И, лишь вас найдя, нашел я ныне цель своих дорог.
Так пускай же вас от скорби охранит отныне бог!

Как душа моя больная исцелилась навсегда,
Брату вашему пусть так же бог не сделает вреда!"
На свою стоянку братьям указал спаспет тогда;
"Брата вашего, – сказал он, – отвезите вы туда".

Мигом с этими словами он пришпорил скакуна,
Словно сокол скинул привязь и унесся в синь без дна,
Или к солнцу устремилась окрыленная луна.
Снова сердце озарилось, жгучесть мук угашена.

Догоняя, размышлял он: "Что скажу ему сперва?
Взбесят бешеного больше неразумные слова.
Без сомненья, в деле трудном достигает торжества
Тот, кто разума степенность ставит выше удалства.

Так как всюду он блуждает, свой рассудок потеряв, -

Ни взглянуть, ни молвить слова не дозволит, одичав.
Коль настигну, витязь этот свой безумный явит нрав.
Тут один из нас погибнет... ", – и скрывается меж трав.

"Почему остаться втуне должен мой тяжелый труд?
Кто бы ни был он, имеет где-то тайный свой приют.
Пусть домчится он до места, неустанен, тверд и лют.
Там найду такие средства, что победу мне дадут".

Двое суток мчались двое и вперед они и вкось,
Днем и ночью утомленным насыщаться не пришлось.
По пути остановиться им нигде не довелось,
На безлюдные пространства море слез их пролилось.

День угас, и в час вечерний ввысь вознесся очерк гор.
Там пещеры были, ниже проходил реки узор.
Обрамлял берега потока тростников густой убор,
И до края лес высокий ветви длинные простер.

От ручья до скал тот витязь доскакал во весь опор.
Автандил с коня слезает, на деревья бросил взор;
На одно из них взобрался, чтоб с него свершить обзор.
Видит: юноша тот едет, пробираясь через бор.

Облаченный в шкуру тигра лишь покинул сень ветвей,
Дева в черном из пещеры вышла, полночи мрачней.
Шумных слез ее потоки докатились до морей.
Соскочил с коня тот витязь и упал в объятия к ней.

Витязь молвил: "В бездну моря наши рухнули мосты,
Не достичь нам той, что землю озаряла с высоты".
В грудь рукою он ударил и оплакал все мечты;
Кровь с лица друг другу стерли, стали снежными черты.

Лес тот чаще стал от чащи ими сорванных волос.
Так рыдали, обнимаясь, проливая реки слез;
От стенаний их по скалам эхо долгое неслоь.
Автандилу удивляться их деяниям пришлось.

Дева слезы осушила, стала вновь она светла,
Скакуна ввела в пещеру, сняв седло и удила,
А с наездника доспехи и оружие сняла.
Лишь внутри сокрылись оба, день отцвел, спустилась
мгла.

"Как узнать их тайну?" – думал Автандил всю ночь без
сна.

Рассвело, и вышла дева снова в черном и грустна
Тонким вычистила платом вороного скакуна,
Оседлала, и доспехи тихо вынесла она.

Дома редко оставаясь, он скитаний бремя нес.
В грудь бия себя, та дева чашу вырвала волос.
Обнялись. На вороного сел струящий токи слез.
И скорбящей омрачиться пуще прежнего пришлось.

Автандил вблизи увидел вновь сияние чела,
Гладкий облик безбородый, внешность солнца столь

светла.

Кипарисный дух разнесся, сладость ветра возросла.
Мог, казалось, этот юный льва убить, как лев – козла.

Вновь поехал он дорогой, ими пройденной вчера.
Позади остались скалы и лесистая гора.
Автандил тогда подумал: "Мне сойти уже пора.
Этот случай мне поможет, ожидаю я добра.

Это было мне от бога. Что желать еще сейчас?
Я пленить обязан деву, чтобы вынудить рассказ,
У нее узнать всю правду про отрадного для глаз,
Чтоб сразившим иль сраженным здесь не стал один из нас".

Быстро с дерева спустившись, отвязав коня скорей,
Он доехал до пещеры, до незапертых дверей,
И навстречу вышла дева, жгучих слез лия ручей;
Верно, думала, вернулся свет, отрадный для очей.

Но примет того героя не найдя в его чертах,
Ужаснулась и к пещере побежала впопыхах.
Вмиг настиг ее, хватая, словно горлинку в сетях.
Крики девы повторяло эхо долгое в горах.

От него лицо сокрыла, так ей вид его претил,
Как в когтях орла голубка, быстро выбилась из сил;
Тариэль какой-то тщетно призываем ею был.
Перед нею на колени пал с мольбою Автандил.

Говорил ей: "Успокойся, я приехал не со злом.
К бледноликому герою я душою был влеком.
О подобном кипарису, что-нибудь скажи о нем.
Опасения напрасны, ты столкнулась не с врагом".

Прозвучала приговором девы жалоба тотчас:
"Коль безумен – образумься, коль умен – сокройся глаз.
Как легко услышать хочешь ты о тягостном рассказ,
Но о нем ты не узнаешь, неразумен твой приказ.

Что ты хочешь, дерзновенный? Что сказать тебе в ответ?
И пером ведь не опишут несказанных этих бед,
Раз ты скажешь: "Расскажи мне", я сто раз отвечу:
"Нет!" – Слезы смеху предпочла я, и не мил мне белый свет".

"Ты не знаешь, сколь далеких я дорог изведал жуть,
Сколько времени искал я, сколь печален был мой путь.
Отчего же для рассказа уст не хочешь разомкнуть?
Расскажи теперь всю правду, не стыдясь меня ничуть".

Та в ответ: "О, чуждый витязь, что меж нами за совет?
Ты, как иней, появился, лишь сокрылся солнца свет.
Слово длинное обидно, будет краток мой ответ:
Что ты хочешь, то и делай, – знай, о тайном речи нет".

Снова клялся и просил он на коленях перед ней;
Стал просящему противен тщетный шум своих речей:

Он, от гнева багровея, скомкал шелк ее кудрей,
Острый нож приставил к горлу бледной пленницы своей.

Ей сказал: "Угрозой стала моему ты бытию,
Хочешь ты, чтоб вечно лил я слезы так, как ныне лью;
Если ты всего не скажешь – жизнь утратишь ты свою:
Пусть врагов моих погубит бог, как я тебя убью!"

Та в ответ: "Нашел ты средство бесполезное, увы!
Ничего не отвечают те, которые мертвы.
Коль убьешь, на мне для речи уж не будет головы.
Что скажу тебе, доколе не видна мне цель молвы?"

Кто ты, чтоб допрос чинить мне, к моему придя жилью?
Повесть горькую, живая, я навеки утаю,
Я себя для убиенья добровольно предаю.
Как посланье роковое, разорви ты жизнь мою.

Смерти вовсе не боюсь я, ты того не сознаешь,
Твой меня лишит лишений и от слез избавит нож.
Мир соломинке подобен, – с ней, мне кажется, он схож.
Если я тебя не знаю, вдруг доверюсь для чего ж?"

Понял юноша: "Тут сила ни к чему не приведет.
Лучше дело мне обдумать, чтоб иной найти подход".
Отпустив ее, он рядом сел и градом слезы льет,
И речет: "Тебя разгневал; добрый где найду исход?"

Хоть она еще сердилась, ветер облако пронес.

Автандил рыдал и больше ничего не произнес.
Слез запрудилась запруда в цветнике румяных роз;
Деву тронули рыдания, сердце кровью залилось.

Слезы юноши увидев, дева слезы пролила,
Всё же чуждому чужая молвить слова не могла.
Понял витязь: "В этом сердце не осталось больше зла".
Пал пред нею на колени и склонил хрусталь чела.

Он сказал: "Мне казнь готова, чтобы я в огне угас,
Сильно я тебя разгневал, сиротою стал сейчас,
Днесь тебе я доверюсь, озари алмазы глаз:
Ибо сказано в Писанье: грех прощается семь раз.

Хоть принять меня не можешь за хорошего слугу,
Сожалеть влюбленных должно! В этом разве я солгу?
Больше нет во мне надежды, я – что роза на снегу.
За тебя отдам я душу, что отдать еще смогу?"

Лишь о страсти незнакомца довелось услышать ей,
Не ручей из водоема – ливень грянул из очей;
Снова дева застонала, зарыдав еще сильней,
Бог утешил Автандила сладкой милостью своей.

Видит витязь: этим словом взор ее преображен,
Как влюбленная в кого-то, учащает крик и стон.
Молвил ей: "Врага жалеют, если этот враг влюблен.
Знаешь ты, как жаждет смерти тот, кто страстью
уязвлен?"

Я – влюбленный до безумья, тяжек мне удел земной.
Вслед за этим лучезарным послан я моей луной,
Не бывать там, где бывал я, даже туче грозовой,
И во мраке вашей тайны вы предстали предо мной.

Лик возлюбленной прекрасный мне сопутствует везде;
Из-за этого безумный шел в огне я и в воде.
Умертви иль дай мне волю, о твоём прошу суде!
Или жизнь мне подари ты, иль прибавь беду к беде!"

Дева вновь заговорила, стал приветливее взор:
"Это слово лучше тех, что говорил ты до сих пор.
Волновал меня доселе, порождая только спор,
А теперь тебе я буду самой доброй из сестер.

Ты любовь себе на помощь в деле этом обратил,
Оттого я и смирилась, гнев мой яростный остыл;
Ты, мое упорство видя, стал растерян и уныл;
За тебя теперь умру я, большие сделать – свыше сил.

Если примешь ты покорно дружелюбный мой совет,
Ты найдешь своих исканий ускользящий предмет;
Если мне не подчинишься – будешь инеем одет,
Перед всеми осрамишься и оставишь этот свет".

Он ответил: "Это дело мне напомнило о том,
Как по некой шли дороге люди некие вдвоем,
Тот, кто сзади шел, увидел – пал передний в водоем,

Подбежал, взглянул, заохал и сказал ему потом:

"Подожди меня, товарищ, время малое будь там,
За веревкою схожу я и пропасть тебе не дам".
Друг же снизу засмеялся, удивляясь тем словам,
Закричал: "Куда я скроюсь? или ты не видишь сам?"

Лишь в твоих руках веревка с шеи сдавленной моей,
Стеснены мои движенья, и ребенка я слабей.
Ты – болящему лекарство, что захочешь, то содей.
Кто же голову обвяжет, если боли нету в ней?"

Та ответила: "Не спорю, хорошо ты рассказал,
От мудрейших ты достоин слышать множество похвал.
Эту боль претерпевая, стал ты сердцем тверже скал,
Потому скажу я: "Слушай, ты искомое сыскал!"

Этой повести не сыщешь, хоть пройдешь по всем путям,
Кто ж о нем расскажет, если не поведает он сам!
Ожидай его, покуда не вернется снова к нам;
Замолчи теперь и розу запрети разить снегам.

Я скажу, коль ты желаешь слышать наши имена:
Тариэль – тот юный витязь, чья душа омрачена,
Имя мне – Асмат, и плачу, столь печаль моя сильна.
Длятся долгих воздыханий роковые времена.

А для большего рассказа мой язык да будет нем!
В поле странствует прекрасный, тот, чей стан взрастил

Эдем;
С ним живу я и дичину, им застреленную, ем;
Мимолетный, он нагрянет, но ускочет вновь затем.

Я прошу, не уходи ты, страстотерпец молодой;
Умолю я Тариеэля, как приедет он домой,
Вас тогда сведу друг с другом, пусть подружится с тобой,
Пусть он сам тебе расскажет про удел тяжелый свой".

И, словам ее внимая, Автандил не восстает.
Оглянулись. Из ущелья плеск услышали, и вот -
Появилось то светило, выходящее из вод.
Эти двое отстранились, не промешкав у ворот.

Дева молвила: "Желаньям бог свершения дает,
Но содей себя незримым, схоронись, ведь близок тот,
Перед кем у самых буйных своеволие пропадет.
Может быть, смогу добиться, чтоб стерпел он твой
приход".

И в пещере Автандила быстро спрятала Асмаат.
Соскочил с коня тот витязь, обнял женщину, как брат;
К океану докатился слез безрадостных каскад.
В тайнике сидящий быстро устремил к ним острый
взгляд.

Стал хрусталь, в слезах омытый, сходен с желтым
янтарем.
Дева та рыдала долго с дивным юношей вдвоем;

Увела коня под своды и внесла доспехи в дом.
Нож гишерный срезал слезы, опустел их водоем.

Словно узник из темницы, Автандил глядел в окно;
Шкуры тигровые стлала та, чье сердце сожжено;
Сел на них воитель юный, вновь вздыхать ему дано,
В строй гишерных стрел прекрасных лалов пламя
вплетено.

Развела огонь та дева, дичь поджарила, горда,
Что изжаренная славно будет вкусною еда.
Взял кусок он с неохотой, видно, стоило труда;
Но уста отвергли пищу, так тяжка была беда.

Он прилег, заснул, но скоро был тоской развеян сон,
Вздрыгнул, вскрикнул, встрепенулся, явью вновь
ошеломлен;
Поражал себя рукою, бил себя в безумье он.
И Асмат терзала щеки, заглушая стоном стон.

"Что так быстро ты вернулся?" – дева молвила с трудом.
Он сказал: "Я был застигнут на пути одним царем.
Вслед войскам его несметным был обоз большой ведом;
И, охотясь там, войсками царь усеял всё кругом.

На меня тоску нагнало созерцание людей,
Приблизиться не желал я, убежать хотел скорей,
Повернул я в чащу леса и сокрылся меж ветвей,
Чтоб не встретить их и утром ускакать тропой своей".

Дева слезы заструила, от очей сокрыла свет,
Изрекла: "В лесу ты ходишь, лишь звериный видя след,
Никакого человека не приблизишь для бесед;
Это делу твоему же не на помощь, а во вред.

Ты объехал всё на свете: горы, доли, глушь и гладь,
Неужели человека не нашлось тебе под стать,
Чтобы мог он от безумья разум твой оберегать?
Ты умрешь, она погибнет – разве в этом благодать?"

Молвил он: "Сестра, хоть сердцем был совет подсказан
твой,
Нет на свете исцеленья этой муке огневой.
Разве может быть отыскан непришедший в мир земной?
Пусть же смерть скорей разрушит связь меж телом и
душой!

Бог едва ль создал иного под планетою моей,
Потому не жду я дружбы и сочувственных речей.
Кто страданья эти стерпит? Жизнь – погибели мрачней.
Брата в мире не нашел я, ты, сестра, меня жалеи".

Та в ответ: "Тебя прошу я, будь не гневен и не зол.
Так как бог в твои визири лишь меня одну возвел,
Лучше свой, тебе на благо, утвержу я произвол;
Неумеренность постыдна, ты же меру перешел".

Молвил: "Я тебя не понял, хоть внимал твоим словам.

Как для дружбы человека я без господа создам?
Что стараться мне, коль это неуютно небесам!
Нет сомненья, одичал я, подражающий зверям".

Та в ответ: "Я многословьем твой нарушила покой.
Если друга приведу я и пойдет он за тобой,
То увидишь, сколь отраден друг, ниспосланный судьбой.
Дай мне клятву, что с пришедшим ты не вступишь в
смертный бой".

Объявил он: "Я по чести повстречаться с ним хочу,
И клянусь своей луною, той, которую ищу,
Что ничем того скитальца никогда не огорчу,
Взором любящим отвечу я очей его лучу".

Встала дева и явилась к Автандилу без тревог,
Объяснила, что желанный благосклонен и не строг;
Как луну, для озаренья, в горный вывела чертог.
Тариэль, его увидев, уподобить солнцу смог.

Тариэль навстречу вышел. Стало два, подобных дню.
Стлался отблеск по долине и по горному гребню.
Их, стройнейших, даже с пальмой самой стройной не
сравню.
Как семи светил сверканье рос огонь, прильнув к огню.

Не стесняясь незнакомством, обнимаются они.
Зубы, розу разрывая, мечут молнии огни.
Целовались и рыдали – был огонь огню сродни, -

Янтари теперь, где были прежде яхонты одни.

Обернулся юный, руку Автандила взял рукой,
Сели рядом и рыдали, слезы их лились рекой;
И Асмат их утешала речью дивною такой:
"О не плачьте, солнца в небе не окутывайте мглой!"

Нежный розан Тариэля легким инеем покрыт.
Молвил: "Пусть твои скитанья твой рассказ мне озарит!
Кто ты, друг, куда идешь ты, где страна твоя лежит?
Я не светом лишь покинут, даже смертью позабыт".

Автандил ему ответил, красноречием богат:
"Слушай, лев, меня, пришельца, нежно встретивший,
как брат.
Я – араб, в стране Арабской все дворцы мои стоят;
Я любовью уничтожен, буйным пламенем объят.

Моего владыки дочью я томительно влеком,
И сама она в державе именуется царем,
Видел ты меня бесспорно, хоть со мною незнаком.
Помнишь, ты рабов могучих истребил одним бичом?

Ты, скитающийся в поле, был замечен за рекой,
Господин мой рассердился, мы погнались за тобой;
За отвергшим приглашенье понеслись рабы гурьбой,
Ты окрестности окрасил кровью алою людской.

Рассекал людей ты плетью, не оружием стальным.

Царь погнался, но напрасно ты, чудесный, был гоним.
Перед нами ты сокрылся, словно бес неуследим,
Поразив исчезновеньем неожиданным своим.

Избалованный властитель, ставший мрачного мрачней,
Чтоб тебя искали всюду, разослал своих людей;
Не нашли нигде нашедших даже след ноги твоей,
А потом меня послала та, что пламени светлей.

Повелела: "Весть разведай про исчезнувший тот свет,
Твоему тогда я сердцу дам желаемый ответ!"
Без нее страдать велела в продолжение трех лет.
Нестерпимое терпел я, твой выслеживая след.

Я блуждал, тебя узревших в мире целом не узрев;
Вдруг нашел я тех, дерзнувших рассердить тебя, о лев.
Одного ты плетью ранил, и упал он, обомлев.
На тебя мне указали испытавшие твой гнев".

Тариэль тогда припомнил с аравийской ратью бой.
Молвил: "Помню, хоть и было дело давнею порой;
Воспитатель твой, как видно, на охоте был с тобой
Там рыдал я, вспомнив облик смертоносно-дорогой.

И зачем же был вам нужен я, столь чуждый и чужой?
Вы беспечно забавлялись, я рыдал, объятый мглой;
Чтоб схватить меня, послали вы рабов отряд большой,
Но, конечно, не меня вы – мертвых взяли вы с собой!

Оглянулся я, увидел, господин твой был за мной.
Как царя, его жалея, не коснулся я рукой
И избрал исчезновенье вместо дерзости иной;
Ведь подобен невидимке конь мой верный вороной.

Человек ни глаз зажмурить не успеет, ни моргнуть,
Как умчусь я, если встречный неприятен чем-нибудь.
Турок тех вдали увидя, не желал им зла ничуть,
Поплатились, потому что мне пресечь посмели путь.

Ныне ты пришел на благо, милый взору моему,
Станом равный кипарису, ликом – солнцу одному.
Ты измучился безмерно, в этом я тебя пойму,
Нелегко найти безумца, богом брошенного в тьму".

Автандил сказал: "От мудрых ты хвалы достоин всей,
Что ж меня превыше меры славишь ты, кто всех славней!
Ты – любимый облик солнца, блеск небесных областей,
Изменить тебя не властны слезы, сколько их ни лей!"

Этот день забыть заставил всё затмившую во мне,
Я служить тебе намерен, твой отныне я вполне.
Яхонт радостней эмали и прекраснее вдвойне.
Быть с тобой до смерти жажду, мир оставлю в стороне!"

Таризель сказал: "От сердца твоего мое в огне,
Чем за дружбу отплачу я, что питал наедине?
Ведь любовнику любовник посочувствует вполне:
Разлучать тебя с любимой не приличествует мне.

Ты во славу господина своего ушел за мной,
Нелегко меня нашел ты, трудолюбец и герой,
О себе мне что поведать? Путь зачем влачу земной?
Коль скажу – огнями вспыхну, лягу легкою золой!"

Изрекла Аснат: "Слезами не потушишь ты огней;
Как просить мне изложенья жгучей повести твоей!
Ты воителю, как видно, света белого милей;
О причине ран узнавший врач их вылечит верней!"

О тебе узнать старался, исторгал моря из глаз;
Как могла я твой чудесный пересказывать рассказ?
Если он про всё узнает, это будет в добрый час.
Чую я, что осчастливить PROVIDENЬE хочет нас".

Страстью в пепел обращенный, призадумался; потом
Он сказал Аснат: "В скитаньях долгих были мы вдвоем,
Как не знаешь, что спасенья нет в мучении моем?
Но и этот витязь юный, плача, жжет меня огнем".

Молвил юноша: "Кто брата иль подругу обретет,
Ради них да не страшится пасть под бременем забот!
Как спасет одних создатель, коль других не обречет?
Хоть умру, но всё, что было, расскажу тебе вперед".

Он Аснат сказал: "Воды мне подносить не позабудь,
Если в обморок паду я, обмывай мне ею грудь,
Если мертвого увидишь, доброй плакальщицей будь

И сама могилу вырой, где бы мне навек уснуть".

Обнажил он грудь, уселся, приподняв свои плеча,
Как заоблачное солнце не бросал еще луча,
Уст еще открыть не в силах, он, зубами скрежеща,
Глубоко вздохнул и, плача, громко крикнул сторяча.

Причитал он: "Дорогая, не найти твоих дорог!
О, надежда, жизнь и чувство, сердце, полное тревог,
Насажденное в Эдеме кто срубить алоэ смог?
Опаленного стократно, как огонь меня не сжег?"

СКАЗ 5

ТАРИЭЛЯ ПЕРВЫЙ

РАССКАЗ О СЕБЕ, АВТАНДИЛУ ПОВЕДАННЫЙ

"Я хочу, чтоб со вниманьем ты в рассказанное вник,
В то, что я едва заставлю выговаривать язык.
От которой стал безумен, безутешен, бледнолик,
Та вдали, а я, скорбящий, кровью плачущий, поник.

Всем известно, что царило в Индостане семь царей,
Парсадан шесть царств индийских сделал вотчиной
своей;
Был царящий над царями всех богаче и щедрей,
Станом – лев, а ликом – солнце, побеждал других
вождей.

Был седьмым царем отец мой, устрашитель вражых
стран.
Не таясь, вступал в сраженье мой родитель Саридан.
В царство враг войти боялся, был он ждан или неждан,
И охотой услаждался царь, удачей осиян.

Но свобода надоела, стало сердце тосковать,

Он сказал: "Врагов привык я отражать и поражать,
Отовсюду их отбросил, и велик мой пир опять.
Что ж, отправлюсь наше царство Парсадану передать!"

И тогда же к Парсадану он гонца послать велел,
Поручил сказать: "Ты целым Индостаном овладел;
Силу сердца твоего я днесь изведать захотел,
Пусть же верной службы слава мне достанется в удел!"

Парсадан веселый молвил: "Пусть на пир все поспешат",
Саридану весть отправил: "Славию бога многократ,
Ибо, в Индии мне равный, царь ко мне явиться рад.
Приезжай, тебя я встречу, как родитель и как брат!"

Амирбарством и уделом был отец мой наделен;
Там амиром-спасаларом амирбару быть – закон.
В этой должности высокой славы всей достигнул он.
Амирбар царю подобен, только цезарства лишен.

Царь с отцом моим достойным обращался, как с равней,
Говорил: "Тебе подобных нет в державе ни в одной".
Шел он в бой, – с мольбой о мире шли враги наперебой.
С ним настолько я не сходен, сколь со мною кто иной.

Были царь с женой бездетны, труден был их жизни путь,
Неутешно горевали, и в тоске сжималась грудь.
День пришел, и я родился – день несчастный проклят
будь!

Царь сказал: "Взращу, как сына, нам не чуждого

отнюдь".

Я, четою царской взятый, к царской пышности привык,
Для господства был воспитан, чтоб над войском стал
велик;

Мудрецы меня учили по велению владык.

Стал я львиной силой славен, словно солнце светолик.

Сколь померк я, знает это свет мой видевшая там,

Мне завидовало солнце, словно сумерки утрам.

Все шептали: "Он подобно древу рая, свеж и прям".

Днесь я тень того сиянья, прежним преданного дням.

Зачала царица наша, было мне тогда пять лет,

Разрешилась дочерью..." – молвил и вздохнул, теряя
цвет.

Грудь ему Асмат омыла и очам вернула свет.

Вновь сказал: "Светлейшим солнцем был тогда же мир
согрет.

Я сказал о несказанном, и мала моя хвала,

Парсадан развеселился, торжествам пора пришла,

И сошлись цари с дарами дорогими без числа.

Рать навек даров раздачей осчастливлена была.

Так окончились родины, Стали нас растить вдвоем.

Солнца треть она являла и тогда в лице своем.

Были мы равно любимы и царицей и царем.

Назову я ту, мне сердце заменившую костром".

Чувств лишился витязь юный, вспомнив имя дорогой,
Авандил заплакал также, тронут горестью такой,
Свет очам Асмаат вернула, грудь обрызгала водой.
Таризель промолвил: "Слушай, ныне смерть пришла за мной.

Царской дочери той имя было Нестан-Дареджан.
Был царевне семилетней богом ясный разум дан,
Облик, лунному подобный, был чудесно осиян.
Даже сердцу из алмаза не стерпеть подобных ран!

В бой вступить я мог, она же взоры нежила, созрев.
Царь гордился, для правленья в ней помощницу узрев.
Был отцу обратно отдан я, стройнее всех дерев,
Не однажды, словно кошка, был растерзан мною лев.

Царь для дочери особый приказал построить дом.
Безоар, рубин и яхонт заменяли камень в нем;
Брызгал розовой струею водомет перед дворцом,
Где жила та дева, сердце мне спалившая огнем.

День и ночь к ней из курильниц вился ладан голубой.
То она сидела в башне, то сходила в сад густой;
И Давар, вдове каджетской, что была царю сестрой,
Дочь свою отдал в ученье он, владеющий страной.

Во дворце парча повсюду взор узорностью влекла,
Там росла для нас незримо эта роза из стекла;

Лишь Асмат и две рабыни знали дверь, что к ней вела.
Как возвращенным в Габаоне станом там она росла.

Парсадан меня, как сына, лет пятнадцать опекал,
Был я с ним все дни, меня он даже спать не отпускал;
Силой льву, красою солнцу, станом пальме равен стал,
На полях и на арене всех похвал я достигал.

В поле промаха не зная, била дичь моя стрела,
А с охоты на арену в мяч игра меня влекла,
После игр на пир веселый шел с друзьями без числа;
Но теперь меня та дева с милой жизнью развела.

Мой отец ушел из мира, смертный час его настиг.
Царь индийский омрачился, всех утех лишенный вмиг.
С облегченьем те вздохнули, что дрожали, как тростник.
Каждый враг отвык от плача, каждый друг в слезах поник.

Целый год я находился в черной келии одной,
И, горюя днем и ночью, позабыл я свет дневной;
Чтобы вывести из мрака, от царя пришли за мной,
Он велел: "Прошу, как сына, Тариэль, расстанься с
тьмой.

Мы ведь больше сожалеем, был он с нами наравне".
Подарил мне сто сокровищ, траур сжечь велел в огне,
Сан пожаловать отцовский Парсадан изволил мне:
"Тариэлю амирбартство в нашей отдано стране".

Я огнем горел, горя о родном отце своем,
Но из мглы меня исторгли слуги царские силком.
В честь мою назначен праздник был царицей и царем,
Далеко навстречу вышли, как родители, вдвоем.

Ими был, как сын, посажен я поближе к их местам,
И поведали, что надо мне защитой быть царям.
Попытался отдалиться, стал от робости упрям,
Но цари не отступились, Амирбаром стал я там.

Много лет прошло, о многом я забыл, судьбой гоним,
Труден мне рассказ подробный. Витязь, верь словам
моим!

Мир изменчивый и лживый в злых делах неутомим,
На меня упали искры, высекаемые им".

СКАЗ 6

ТАРИЭЛЯ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ВПЕРВЫЕ ОН ПОЛЮБИЛ

После долгих вздыханий он рассказ продолжил свой:
"Помню я, с охоты доброй возвращались мы домой,
Царь сказал мне: "Дочь увидим", руку взял мою рукой.
Удивляюсь, что дышу я, вспоминая день былой.

Турачей велел властитель отнести в покой ее.
Дичь забрал я, отправляясь на сожжение свое;
Жизни долг платить я начал, стало грозным бытие.
Сердце каменное ранит лишь алмазное копьё.

Краше радостного рая сад расцвел передо мной:
Птицы там сирен искусней пели в зелени густой,
Водоем многофонтанный брызгал розовой водой;
В башню вход был занавешен тяжкой тканью золотой.

Знал я, царь хотел царевну уберечь от всех очей,
Я остался пред завесой, он вошел в покои к ней;
Ничего не мог я видеть, слышал только шум речей,
Был приказ: у амирбара взять в подарок турачей.

Подняла Асमत завесу, заглянул я в то жилище,

И узрел ее, и в сердце мне ударило копьё.
Турачей Асмаг просила, тело вспыхнуло мое.
Горе мне, с тех пор не гаснет жар, палящий бытие!

Но исчезло то светило, что светило для светил!"
Он не снес воспоминанья, пал без чувств, лишенный сил.
Плач Асмаг и Автандила эхо долгое будил:
"Ах, зачем врагоубийца длани грозные сложил!"

Грудь ему Асмаг омыла, вновь глаза открыл герой,
Время долгое молчал он с сердцем, скованным тоской,
Сел, заплакал, и смешались слезы с черною землей;
Крикнул: "Множит боль и ужас отзвук радости былой!

Пробавляется ничтожным, кто влеком к мирским
вещам,
Под конец дарит измену этот мир, любезный нам.
Жизнью сей непокоренным мудрецам хвалу воздам,
Слушай дальше, если дух мой не взовьется к небесам.

Турачей Асмаг я отдал и дошел до забытья,
Там упал и обмер, сила изменила мне моя;
А когда очнулся, слышал – громко плакали друзья,
Окружив меня, как будто те – пловцы, а я – ладья.

Во дворце на пышном ложе я лежал, как неживой.
Царь с царицей неутешно горевали надо мной,
На своих щеках ногтями след чертили кровяной.
Маги званные сказали, что сражен я сатаной.

И лишь только я очнулся, чуть коснулся свет очей,
Царь воззвал: "Ты жив, о сын мой, слово вымолви
скорей!"

Не разжал я уст и вздрогнул, как безумный средь людей.
Снова я упал и обмер, кровяной лия ручей.

Все ученые смущались тяжким недугом моим,
Все в руках Коран держали и читали над больным,
Я не слушал их, болтали, будто – бесом одержим,
Был три дня в бездушном теле тот огонь неугасим.

Лекаря, дивясь, решили: "Знаем мы, чем болен он:
Не томим ничем лечимым, но тоскою истощен.
Зачастую, как безумный, гнал я выкриками сон;
Царских слез росой обильной был я щедро окроплен.

Так, ни жив ни мертв, лежал я во дворце три дня без сил.
А потом господь сознание мне внезапно прояснил,
Догадался я, несчастный, отчего мне свет не мил,
И терпения у бога всемогущего просил.

Я сказал: "Создатель, сжалясь над повергнутым рабом,
Превозмочь мученья дай мне, позаботься о больном,
Здесь любовь свою я выдам, отведи меня в мой дом".
И железным стало сердце, закаленное творцом.

Я привстал. Ко мне ходили люди царские гурьбой,
И царю они сказали: "Встал без помощи больной.

Властелин вбежал в волнение с обнаженной головой,
Он творца прославил громкой, люди – тихую хвалой.

Дали мне испытать чего-то, отхлебнул я влаги той
И промолвил: "Государь мой, тело вновь сошлось с
душой".

Захотел я дол изъездить вдоль излучины речной;
Привели коня, и сел я, и поехал царь со мной.

Мы пробрались по долине, долгий видели поток,
К дому царь со мной доехал, я вступил на свой порог:
Дома вновь предался власти прежних болей и тревог,
Прошептал: "Приблизься гибель, я от жизни изнемог!"

И от слез неосушимых стал шафрана я желтей,
Думы сердце пересекали, словно тысячи мечей,
Вратарем, вошедшим в спальню, уведен был казначей;
Думал я: что знает этот или тот? И ждал вестей.

"Раб Аснат", – "Впустите!" – было приказание дано,
Тот вошел с письмом любовным, странно было мне оно,
Усмехнулся: как другою будет сердце сожжено?
Мог ли эту заподозрить? Мне ли это суждено?

Изумился я: чем вызван дерзкой женщины призыв?
Если буду несговорчив, то, невеждою прославь,
У нее, отняв надежду, злобный вызову порыв.
Мой ответ на то посланье был любезен и красив.

Проходили дни, и сердце всё жесточе пламень жег.
В поле шли войска для игрищ, я ж, веселью чуждый,
слег;
Во дворец не шел; врачами наполнялся мой чертог;
И долги земные начал я уплачивать, как мог.

Но врачи не помогали, стал мне белый свет не бел,
И никто не мог заметить, что в огне я пламенел,
Тяжесть крови усмотрели, царь мне руку вскрыть велел;
Разрешил я, чтобы спрятать рой застрявших в сердце
стрел.

Так лежал со вскрытой жилой я, сжигаемый огнем.
С чем вошел мой раб, я взором спросил его о том,
"Раб Аснат пришел", Велел я, чтоб его впустили в дом,
Осудив ее за дерзость в помышлении своем.

Вновь пришлось отдать вниманье неманящему письму,
В том письме желанье встречи было видно по всему;
Я в ответ: "Пора возникнуть удивленью твоему, -
Призовешь, и я поспешно приглашение приму".

Сердцу молвил: не откройся, хоть печали натиск лют!
Ведь индийцы амирбара, ими правящего, чтут,
И меня они осудят, если слухи к ним дойдут,
И по всей стране прохода мне тогда уж не дадут.

Человек явился царский, объявил: "Царь вести ждет;
Кровь пустил ли? – вопрошает, преисполненный забот",

Я ответил: "Руку вскрыл я, улучшение настает,
К блеску царскому из мрака будет весел мой приход".

Я к царю вошел, он молвил: "С этих пор всю боль
забуди".

Дал коня мне, тетиву же не дозволил натянуть;
В небо ястребов пустил он, турачей сковала жуть,
В поле лучники усердно славословили наш путь.

А когда пришли с охоты, царь затеял славный пир
С неустанным пеньем хора, с ликованием арф и лир;
Драгоценности швырял он тем, кто немощен и сир,
Одарил и приглашенных, и немолчно певший клир.

Тосковал я, не терпевший ни притворства, ни лганья,
Вспоминал, ярилось пламя, содрогалась грудь моя;
Взял ровесников к себе я, любовались мной друзья, -
Чтобы скрыть страданья, праздник я устроил, скорбь
тая.

Тихо на ухо сказал мне мой домашний казначей:
"Дева спрашивает, можно ль амирбара видеть ей?
Хоть чадрой лицо закрыто, но видна краса очей".
Я сказал: "В опочивальню отведи ее скорей".

Встал я; те, что пировали, повскакали второпях,
Я сказал: "Вернусь немедля, оставайтесь на местах",
Заходя к себе, поставил копыеносца при дверях.
Обязал к терпенью сердце, волю всю свою напруг.

В дверь вошел я, Вижу, дева пала наземь, Я смущен.
Слышу: "Истинно, да будет этот час благословлен".
Я дивился: кто ж содеет пред возлюбленным поклон?
Тихо села бы, коль ею навек страсти обретен.

Я взошел на возвышенья; в отдалении, одна,
Та на край ковра присела, уважения полна,
Я промолвил ей: "Приблизься, раз любовью зажжена".
На слова скупясь как будто, не ответила она.

Наконец проговорила: "Ныне стыд мне сердце жжет:
Ты подумал, что предприят мой для этого приход?
Но теперь твоя же скромность мне надежду подает;
Недостойна и не знала я божественных щедрот.

Я сознание теряю, правит страх моей душой:
Ведь направлена к тебе я солнцеликой госпожой;
Эта царственная смелость подобает ей одной,
Вот письмо от повелевшей мне беседовать с тобой".

СКАЗ 7

ПЕРВОЕ ПИСЬМО НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Я узрел письмо той девы, что казнит, огнем одев;
Солнца луч писал: "Ты рану скрой, мучения стерпев:
Обмирание и мленье только вызовут мой гнев.
Я в уста Асмат влагаю речь мою к тебе, о лев.

Эти обмороки, слезы я за службу не сочла,
Соверши ты для любимой небывалые дела.
Многолюдная Хатайя нашей данницей была;
Нам терпеть не должно ею причиняемого зла.

Я иметь хотела мужем лишь тебя, желанный мой, -
Дело давнее сказалось только нынешней порой;
Из светлицы я узрела: обезумел ты, герой;
Всё слышала я оттуда о случившемся с тобой.

Верь словам моим правдивым, не печалься ни о чем
И, нагрянув на Хатайю, там прославь меня мечом.
Не терзай напрасно розу слез томительных ручьем!
Я рассеяла твой сумрак, споря с солнечным лучом".

СКАЗ 8

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ТАРИЭЛЯ К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Тут Асмат уже со мною говорила без тревог.
Ясность радостей несметных мой наполнила чертог;
Я дрожал в самозабвенье, сладкий трепет сердце жег.
И шафран в хрусталь и лалы превратить я снова смог.

Положил я пред очами дорогие письма
И ответил: "Можно ль солнцу одолеть тебя, луна?
Бог свидетель, что не будешь мною ты огорчена.
Ах, живу я или умер, или это грезы сна?"

Я сказал Асмат: "Отвечу то, что сердце изречет:
Доложить осмелюсь: солнце, мне ниспослан твой восход,
Ведь меня ты воскресила, указала мне исход,
Сослужу тебе я службу, не отвергну я забот".

Та сказала: "Мне царевны повеление гласит:
Пусть ко мне его прихода здесь никто не проследит,
Увлеченного тобою сохранять он должен вид;
Пусть по совести поступит, чтобы не было обид!"

Мне понравился столь мудрый девы царственный совет;

Даже солнцу стал угрозой огневой ее расцвет,
Мне досталась от любимой не обида, а привет.
Ах! В лучах ее терялся полдня яростного свет!

И камня дорогие в чаше подал я Аснат;
Дева молвила: "Не надо, всем довольна я стократ".
Лишь одно взяла колечко небольшое, наугад:
"Пусть оно на память будет, не хочу других наград".

И ушла Аснат, из сердца моего копьё изъяв,
Тьму надежда осветила, я почувал счастье въявь,
И к пирующим вернулся для питья и для забав;
Одарил друзей, веселый, – веселее стал их нрав.

СКАЗ 9

ПИСЬМО, К ХАТАЙЦАМ НАПИСАННОЕ, И ОТПРАВЛЕНИЕ ГОНЦА

Я послал с письмом в Хатаю человека моего,
Написал: "Царю индийцев мощь дарует божество;
Царь покорное любое насыщает существо:
Кто проявит непокорство – пострадает оттого.

Вы, наш брат, не пожелайте стать причиной скорбей,
Сей приказ прияв, придите к нам по-братски поскорей;
А когда не поспешите – звон услышите мечей,
Берегитесь, чтобы кровью не окраситься своей".

С тем послал я человека. Стал я сердцем веселей
И, воскреснув, услаждался снова в обществе царей.
Одарял меня в то время мир изменчивый щедрей;
Ныне я, лишась рассудка, мерзок даже для зверей.

Я хотел уйти скитаться, но потом огонь утих,
На пирах я появлялся среди ровесников моих;
Но желаний разрастанье отравляло радость вмиг,
Мной печаль овладевала, белый свет казался лих.

Как-то раз домой вернулся я из царского дворца,
Вспоминал ее, не спалось, реял свет ее лица;
Я письмо держал во мраке, сладко грезя без конца,
Тут рабу сказал привратник о прибытии гонца.

"Раб Асмаг". Велел я в спальню провести его живей.
Был я призван той, что в сердце мне всадила сталь мечей.
Мне во мгле блеснула радость, легче стал мне груз
цепей;
Взяв с собой раба, поехал, чтоб увидеть свет очей.

Неприметно в сад безлюдный я пробрался без помех,
Вдруг Асмаг пошла навстречу и промолвила сквозь
смех:

"Шип я вырвала из сердца, и дождешься ты утех.
Подойди! Увидишь розу, что цветов прекрасней всех".

Тяжкий занавес с усилием кверху вздернула Асмаг,
Засверкал престол, большими бадахшанами богат, -
Там сидела та, чей солнце ослепит внезапный взгляд.
Черных двух озер сверканьем был я, замерший, объят.

Долго я стоял, Безмолвно восседая предо мной,
Дева сладостно смотрела, словно был я ей родной,
Подошла ко мне служанка, пошептавшись с госпожой:
"Уходи, невмочь сегодня ей беседовать с тобой".

Мне Асмаг открыла выход, снова занавес подняв;

Произнес я: "Мир мгновенный, я познал твой низкий нрав;
Исцеляя, ты готовишь для принятия отрав,
Пустоту приносишь сердцу, нежной грезой истерзав".

Но Асма, когда мы с нею проходили сад густой,
Прошептала: "Уходящий, не терзай себя тоской
И, закрыв калитку страха, двери радости открой:
Та безмолвием спасалась от смущенья пред тобой".

Я сказал ей: "Врачеванья от тебя, сестра, я жду, -
О, не дай с душой расстаться, удали мою беду;
Посылай почаще письма, не покинь меня в саду;
Знаю, ты не будешь скрытной, в письмах правду я найду".

Я в слезах уехал, чуя в сердце трепет огневой,
Угасить не смог я в спальне неусыпный пламень свой,
И хрусталь и лал в безумье облекая синевой,
Предпочел я ночь и утра не желал, полуживой.

И пришла пора вернуться из Хатаяи вестовым;
Лишь заносчивые речи там пришлось услышать им:
"Мы не трусы, крепостями не бедны и постоим!
Кто такой ваш царь, и как он господином моим стал?"

СКАЗ 10

ПИСЬМО ЦАРЯ ХАТАЙЦЕВ К ТАРИЭЛЮ, В ОТВЕТ НАПИСАННОЕ

"Таризель, к тебе посланье начертал я, царь Рамаз.
Удивился я, увидя твой предерзостный приказ.
Как ты звал к себе владыку, победившего не раз?
Никаких посланий больше не хочу иметь от вас!"

Прочитав письмо Рамаза, я велел созвать войска.
Рать индийская, как чаща звезд небесных, велика.
Шли войска из мест окрестных, шли ко мне издалека,
Наполняя поле, скалы, лес и дебри тростника.

Все пришли без промедленья и предстали предо мной,
На смотру я любовался их доспехов красотой,
Чудной удалью, с которой перестраивался строй,
Быстротой коней и славной хорезмийскою броней.

Черно-красный стяг я поднял, извещая воевод,
Что назавтра выступленья, лишь светило дня взойдет,
Но подумал: без свиданья как судьба нас разведет?
С лучезарной не увидясь, как отправлюсь я в поход?

Я пришел домой в раздумье, полный горестных тревог,
Ливнем слез неудержимых сердце скорбное разжег,
Говорил: "Благоприятным и теперь не стал мой рок;
Коль схватил рукою розу, что ж сорвать ее не смог?"

Раб вошел, и мне досталась утешенья благодать:
От Асмаат письмо вручил он; быстро я сломал печать
И прочел: "Желанным солнцем ныне призванный опять,
Лучше ты приди, чем дома на судьбу свою пенять!"

Взволновал меня чрезмерно новый знак ее щедрот;
Я пошел, едва стемнело; снова в сад открылся вход,
И Асмаат, как и впервые, появилась у ворот;
Улыбаясь, объявила: "Льва луна в чертоге ждет".

И вошел я в дом красивый, где терраса не одна;
В очи хлынула оттуда блеска белого волна.
Там, за занавесом сидя, вся в зеленом, та луна
Мне открылась одинока, огнеока и стройна.

Я вошел и перед нею стал поодаль у ковра;
Проясняться стало сердце, омраченное вчера.
Та придвинула подушку, лучезарна и добра,
Открывала и скрывала лунный лик ее игра.

Приказала: "Амирбара пригласи присесть, Асмаат".
Та подушку положила у источника услад;
Злой судьбе противореча, сел я, радостью объят.

Как, слова ее промолвив, я из жизни не изъят?

Изрекла: "Уход безмолвный пал, как снег, на цвет ланит,
И, от солнца отлученный, изменил цветок свой вид.
Вижу я, в твоих нарциссах долгих слез роса дрожит.
Мне пред взором амирбара быть стыдливой надлежит.

Хоть стыдливость пред мужчиной деве следует, но я
Наихудшее познаю, муки смертные тая;
Улыбалась я, но в сердце ощущала сталь копья;
Знаешь сам, тебе сказала всё прислужница моя.

С той поры, как поделились этой тайной мы с тобой,
Знай, тебе не изменю я и за гранью гробовой!
Это слово я скрепляю ныне клятвой роковой:
Коль солгу, пускай утрачу этот мир и мир иной.

На неверную Хатайю ты направь свое копьё
И вернись ко мне с победой, если даст господь ее.
Буду света ждать, в разлуке проклиная бытие.
Мне отдай навеки сердце и возьми себе мое!"

Я ответил: "Для тебя я брошусь в бурный вихрь огней!
Мне дозволив жить, убийцей ты не сделалась моей;
Значит, ты, подобно солнцу, станешь светом для очей!
На хатайцев я обрушусь льва могучего грозней.

Чем меня ты удостоишь, то земным не входит в часть.
Ты, неожиданная, – как милость, что спешит с небес

упасть,
Озаряя, не дозволишь сердцу в сумраке пропасть.
Буду твой, пока не скроет плоть мою могилы пасть".

Я над книгою поклялся; дорогая в свой черед
Страшной клятвой подтвердила, что себя мне отдает:
"Если мне любовь другая кровь когда-нибудь зажжет,
Да убьет меня всевышний, да замкнет небесный вход!"

Мы для нежных слов остались время некое вдвоем;
Сладко яства мы вкушали за беседой, а потом
Уходить настало время, встал я с горестным лицом,
Надо мной ее мерцанье звездным ширилось венцом.

Трудно было мне покинуть облик тот, хрусталь и лал.
Обновился мир. Я много новых радостей познал.
Блеск, эфир объявший, мнилось, только мне
принадлежал.
Ныне дивно, что в разлуке стал я сердцем тверже скал.

Утром, выехав, велел я затрубить во все рога.
Не исчислить, сколько войска ополчил я на врага;
Всех направила в Хатайю, для войны, моя рука.
Потекла по бездорожью войск бесчисленных река.

Так в хатайские пределы за отрядом шел отряд.
Вдруг навстречу раб Рамазов вышел, робостью объят,
Передал мне он посланье, услаждающее взгляд:
"Ведь волков хатайских даже ваши козы поедят".

Получил я от Рамаза ряд невиданных щедрот;
Царь писал: "Пусть меч твой острый смерти нас не
предает!
Нерушимую присягу принесет тебе народ
И к тебе с детьми своими и с имуществом придет.

Днесь повинную приносим мы, стгорая от стыда;
Коль простишь, то войск несметных не вводи в страну
тогда, Чтобы небо не обрушил бог на наши города;
Крепость в дар прими, с дружиной небольшой войди
туда".

Но сказали мне визири на совете боевом:
"Амирбар, ты млад, мы седы, оттого сказать дерзнем,
Что не раз измена сладким изъяснялась языком.
Берегись, или хатайцы умертвят тебя тайком!

Ты с храбрейшими отправься, мы даем тебе совет,
Пусть войска неподалеку за тобой идут вослед;
Коль не лгут хатайцы, клятву пусть дадут не делать бед,
А когда не покорятся, не прощай творящих вред".

Я решил, что не напрасно так судил визирей ряд,
Поручил сказать Рамазу: "Я, прочтя письмо, был рад.
Жизнь ты выбрал, а не гибель, от не знающих преград;
Я иду к тебе без войска, малый взяв с собой отряд".

Триста юношей храбрейших мой составили конвой;

Войск несметность я покинул, им отдав приказ такой:
"Всюду следуйте за мною, втайне, той же стороной,
Вас на помощь позову я, если встретят нас войной".

Шли три дня, потом с хатайским снова встретились
гонцом,

Им богатых одеяний дар чудесный был несом;
Речь Рамаза передал он: "Солнца блещущего ждем!
Знай, даров подобных много амирбару поднесем!

Изреченное правдиво от начала до конца!
Тороплюсь навстречу свету Тариелева лица;
Твой приказ я выполняю; не узришь во мне лжеца;
Наша встреча будет слаще встречи сына и отца".

Мы, уйдя оттуда, стали на привал, под сень дерев,
И опять пришли посланцы, сладко льстили нараспев;
В дар ведя коней ретивых, что блестили, раздобрев,
Говорили: "Царь возжаждал повидать тебя, о лев!"

Он сказал: "Тебе навстречу я иду со всем двором,
Завтра утром я увижу солнце в облике твоём".
Тех посланцев задержал я под раскинутым шатром,
Обласкал их и устроить на ночлег велел потом.

Не приходится за добрым делу доброму пропасть.
Из послов один прокрался, чтоб к ногам моим припасть,
Он сказал: "Должник твой вечный, жажду выплатить
хоть часть,

Я тебя отдать не в силах лютой гибели во власть.

Знай, отцом твоим возвращенный, начинаю эту речь.
Про измену я разведал и пришел предостеречь.
Страшно думать, что решили розы щек земле обречь.
Всё я выскажу, дослушай до конца и не перечь!

Ты не верь напрасно людям этой ласковой страны:
Ведь стотысячная скрыта рать с одной лишь стороны,
Со второй же тридцать тысяч на тебя напасть должны.
Если ты упустишь время, то мгновенья сочтены.

Выйдет царь, спеша увидеть всем желанный облик твой;
Тайно в латы облачится рать, сокрытая листвою,
Пыль вздымая, окружая, отовсюду выйдут в бой.
Руки тысяч, коль ударят, верх одержат над тобой".

Я сказал тому, чьим словом был сей умысел раскрыт:
"Дар получишь, если недруг Тариэля не сразит;
А теперь вернись к уснувшим, Пусть никто не
проследит.
Если я тебя забуду, богом буду я забыт".

Эта весть от приближенных мной была утаена,
Будь что будет. Всем советам одинакова цена.
Но к войскам людей послал я, хоть дорога и длинна,
Дал приказ: "Пройдите быстро горы, пропасти без дна".

Утром я сказал посланцам: "Да услышит царь Рамаз:

Мы идет к нему навстречу, пусть и он встречает нас".
Я до полдня без боязни шел на смерть, и взор не гас.
Где я скроюсь, коль захочет рок приблизить смертный
час?

На хребет горы вступая, в поле пыль увидел я,
Крикнул: "То расставил сети царь Рамаз, вражду тая!
Всё же меч мой их настигнет, пригвоздит удар копыя.
Над моим затихшим войском загремела речь моя:

"Братья, ныне нас изменой род хатайский встретить рад.
Ваша твердость не уступит, не отступите назад.
За царя в бою погибших души на небо летят.
Приготовьтесь! Не напрасно ведь мечи у вас висят!"

Надевать скорей доспехи был приказ мой громовой.
Быстро в латы облачаясь, снарядилось войско в бой;
Строй построив, устремился я с большою быстротой.
В этот день удары сеял меч над вражеской толпой.

Враг заметил, что в доспехах мы идем, не для забав,
Мне отдал гонец посланье, от Рамаза прискакав.
Царь писал: "Не злой, а добрый мы выказывали нрав,
Но, как видно по доспехам, род ваш злобен и лукав".

Передать велел я: "Вижу ваших мыслей злую тьму,
Все затеи ваши зная, говорю – не быть тому!
Подходите и сразимся по закону своему!
Я на вас для истребления ныне руку подыму!"

Возвратился к ним посланец – с чем прислали бы опять?
Дым поднялся: этим знаком приглашая выступать,
Из-за двух прикрытий сразу вышла их двойная рать,
Строй сомкнулся многорядный, но меня им не сломать.

Взял копьё и шлем надел я, к бою жаркому готов,
Возбужденный сильной жаждой истребления врагов;
Поле быстро перерезав, доскакал до их рядов;
Вид построенного войска был недвижим и суров.

Я приблизился. "Безумец!" – мне кричали их войска.
К чаще копий устремился, точно в заросль тростника,
Поразил копьем тяжелым и коня и седока;
Хоть копьё мое сломалось, сталь меча была крепка.

Бил я, коршун, куропаток, расшибал врага врагом;
Я из конных и неконных воздвигал холмы кругом;
Мною брошенный вертелся воин вражеский волчком.
Их войска передовые истребил я целиком.

Подошли и остальные, завязался бой большой;
Где ударю – строй расстроен; на седло в той сече злой
Я разрубленного вешал переметною сумой.
Вскачь летел, враги бежали, чтоб не встретиться со мной.

Вечеру их караула со скалы раздался глас:
"Поспешайте! Небо снова грозно глянуло на нас!"

Пыль, клубясь, до нас доходит, чтобы каждый взор погас.
Истребит нас без остатка рать несметная сейчас".

То войска мои, что мною взяты не были с собой,
Шли всю ночь, когда известье им доставил вестник мой.
Долы, заросли и горы захлестнул бойцов прибой;
Грозно грянули литавры с громозвучною трубой.

Всё узрев, хатайцы в страхе разбежались второпях;
Мы прошли войной долины, воцарились в тех местах;
Я с коня Рамаза сбросил, с ним сразился на мечях,
Все войска его пленил я, не добил разбитых в прах.

Был настигшими бегущий неприятель окружен,
С лошадей их посшибали и забрали всех в полон,
Вместо сна пришла к неспавшим ночь, похожая на сон,
А плененным, и здоровым, и больным – достался стон.

Отдохнуть мы захотели от губительных забот;
Длань мою отметил раной той неистовый поход.
Для хвалы и созерцанья приходил ко мне народ,
Говоря, что слов достойных языку недостает.

Всей доступной людям славы мне досталась благодать.
Те меня благословляли, те хотели целовать;
Воспитавшие героя стали знатные рыдать.
Мной разрубленных увидя, там давалась диву рать.

Разослал бойцов, чтоб каждый, дерзок, яростен и смел,

Волю полную имея, всей добычей овладел;
У искавших крови нашей, кровь я выточил из тел;
Крепостей врага не руша, взять без боя повелел.

Объявил Рамазу: "Видно, в злых делах ты несравним.
Ныне пленный, оправдайся, постарайся стать иным,
Сдай все крепости по счету, допусти свободно к ним,
А иначе сей проступок я причту ко всем иным".

Отвечал Рамаз: "Я ныне всех бессильней и бедней.
Одного лишь царедворца мне оставь из свиты всей,
Чтобы мог его послать я к гарнизонам крепостей,
И тебе отдам я в руки всё, что есть в стране моей!"

Я дозволил, и поехал царедворец по стране,
И привел он гарнизоны, передавшиеся мне;
Сдали крепости. Хатайя в той раскаялась войне,
И несметностью сокровищ я пресытился вполне.

Я вошел в Хатайю, чтобы обозреть ее кругом,
И ключи от всех сокровищ принесли, бия челом.
Повелел я: "Да вернется каждый житель в мирный дом".
Равный солнцу, всех простил я, не спалив своим огнем.

Рассмотрел я по порядку дань, доставшуюся нам,
Тех сокровищ непомерных обозреть нельзя очам;
Шарф и платье обнаружил удивительные там;
Взорам собственным не веришь даже если видишь сам.

Я не мог понять искусства, что с волшебюю наравне;
Ткань не видана такая ни в одной земной стране;
Не ковровой, не шелкбвой эта ткань казалась мне,
Точно выкована кем-то, точно спаяна в огне.

Для пресветлой предназначил я наряд чудесный тот.
Для царя дары собрал я, не жалеющий забот;
Нагруженных кладью мулов и верблюдов десять сот
Я послал к нему с известьем, что удачен был поход.

СКАЗ 11

ПИСЬМО ТАРИЭЛЯ К ИНДИЙСКОМУ ЦАРЮ, ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НАД ХАТАЙЦАМИ НАПИСАННОЕ

Написал я: "Царь, да будешь ты счастливей всех царей!
Мне хатайцы изменили, но прияли тьму скорбей;
Потому вестей отправить я не мог к тебе скорей.
Привезу добычу, пленных и царя Хатайи всей".

Так в Хатайе всё устроив, к возвращению готов,
Все сокровища унес я из Рамазовых дворцов;
Мне верблюдов не хватало, и навьючил я волов;
Я желаемое сделал, славным стал среди бойцов.

Увлечен был царь хатайский мною в Индию, в полон,
И пошел ко мне навстречу Парсадан, покинув трон;
От его похвал безмерных был я, радостный, смущен,
Развязал и мягкой тканью обвязал мне руку он.

Царь на площ, ади раскинул не один большой шатер,
Говорить со мною жаждал, не выдавши с давних пор.
Был веселый пир затеян в тех шатрах, что он простер;

Видел я перед собою полный ласки царский взор.

На пиру мы ночь сидели, радость шла тоске взамен;
Поутру, покинув площадь, городских достигли стен.
Царь велел: "Войска сберите. Этот день для нас блажен.
Вы покажете сегодня нам хатайцев, взятых в плен".

Я к царю привел Рамаза, с трона свергнутого мной,
Был он принят Парсаданом, словно сын его родной.
Верноподданным я сделал покривившего душой.
Так выказывает храбрость благородную герой.

Пленный был, как гость, обласкан, принял царь его тепло.

Слово царское хатайца исцеляло, а не жгло.
На заре меня позвали. Молвил царь, подняв чело:
"Враждовавшему доньне, я теперь прощаю зло".

Я ответил: "Как прощает нас владыка неземной,
Так прости того, чьи силы уничтожены войной".
Царь велел ему: "Прощенный, ты отправишься домой,
Но себя таким позором ты вторично не покрой".

Был Рамаз обложен данью в десять тысяч серебром;
Шелк, парчу, атлас он взялся присылать еще притом;
Царь одел его и свиту – засияли в золотом.
Был плененный не задержан, награжден за зло добром.

Благородный, пред владыкой он склонился, прошептав:

"Бог изменника заставил изменить свой низкий нрав,
Страшной казнию казните, если стану вновь лукав".
Смолк Рамаз и удалился, всех своих с собою взяв.

Царский раб ко мне явился, передал приказ такой:
"Я три месяца томился и не виделся с тобой,
Не вкушал я дичи, в поле убиваемой стрелой.
Если ты не утомился, приходи, воитель мой".

Там увидел я гепардов и псарей большую рать,
Столько соколов сидело, что нельзя и сосчитать.
Вышел царь вооруженный, солнцу ясному под стать;
Было радостно владыке стан мой статный созерцать.

От меня таясь, тихонько царь сказал жене своей:
"Тариэль, с войны пришедший, так желанен для очей!
Озарит он даже сердце, что темней густых ночей.
Не откладывая, надо дело сделать поскорей.

Без тебя обдумал это, но узнай и ты о том:
Так как дочери в наследство Индостан мы отдаем,
Да увидит пальма рая, кто судьбою к ней вedom.
Во дворце встречайте обе, как с охоты мы придем".

Поохотились мы в поле, обошли подножье гор,
Много ястребов пускали, много соколов и свор;
Лишь окрестностей ближайших совершили мы обзор,
Не сыгравши в мяч, обратно понеслись во весь опор.

С крыш разубранных и улиц люди зрели облик мой,
После долгого похода я в одежде вырезной
Красовался бледной розой, чей расцвет омыт росой.
Чувств лишался каждый зритель, так хорош я был собой.

Был хатайский шарф чудесный украшеньем удальца,
И вокруг сердца безумных волновались без конца.
Царь сошел с коня. Вошли мы в двери царского дворца.
Оробел я от сверканья лучезарного лица.

Был оранжев солнцеравной огневеющий наряд,
И прислужницы стояли позади, за рядом ряд.
Дом и улицу лучами осыпал слепящий взгляд,
Средь кораллов красовался жемчугов блестящий ряд.

Длань моя повязкой белой перевязана была.
Встала Индии царица и навстречу мне пошла.
Словно сыну, не жалела поцелуев без числа,
Говорила: "Разве может враг сразить тебя, орла!"

Был посажен с ними рядом, и досталась радость мне;
Солнцеликая – напротив; сердце дрогнуло в огне.
Друг на друга наши взоры набегали в тишине;
Отведешь глаза – и снова жизнь со смертью наравне.

Мощи собственной приличный пир устроил властелин.
Кто бы вспомнить мог такое изобилье яств и вин!
Чаша каждая сверкала, бирюза или рубин,
И царем отпущен не был даже пьяный ни один.

Там усладам беспредельным был я предан, близкий к ней;

Только встречусь с нею взглядом, затихает вихрь огней;
Хоть скрывать безумье должно сердцу в обществе людей,

Что блаженней созерцанья обольщающих очей?

Замолчать цари велели музыкантам и певцам;

Мне сказали: "Сын любезный, несказанно сладко нам,
Что тебя имеем ныне мы на зависть всем врагам.

Ты достоин восхваленья, это каждый видит сам.

Хоть должны одеть на славу мы защитника царей,

Но одежды не найдется здесь прекраснее твоей;

Сто сокровищ в дар прими ты, свет, желанный для очей,
И, пред нами не стесняясь, что желаешь, то и сшей!"

Сто ключей от ста хранилищ поднесли в подарок мне;

Поклонился я державным, равным солнцу и луне,

И меня облобызали дорогие всей стране;

Всех осыпали дарами побывавших на войне.

Снова сел владыка славный, стали пить и петь кругом,

Снова пиршество продлилось и веселье за столом.

Пир оставила царица вместе с кончившимся днем.

Мы до часа сна беспечно услаждались вином.

А потом большие кубки стали тяжкими для нас.

Разошлись. В опочивальню я направился тотчас.
Стал беспомощен, плененный, пламень яростный не гас.
Утешала только память о спасительной для глаз.

Раб вошел в мои покои с вестью радостной такой:
"Видеть вас желает дева, белой скрытая чадрой".
Догадался и вскочил я, от смущенья сам не свой, -
То Асмат ко мне явилась, по велению дорогой.

Ради властного светила и рабыне был я рад.
Ниц упасть я не дозволил, быстро обнял я Асмат;
Усадил с собою рядом эту вестницу отрад
И спросил: "К себе пришла ли пальма, нежащая взгляд?"

Расскажи о ней, иного мне теперь не перенести".
Та ответила: "Услышишь речь правдивую, не лесть.
Друг на друга вы глядели, не могли очей отвести;
Вновь Нестан меня послала о тебе доставить весть".

СКАЗ 12

ПИСЬМО НЕСТАН-ДАРЕДЖАН, К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ НАПИСАННОЕ

От Асмат письмо я принял, мне писало пламя дня:
"Чистоту воды алмаза в светлом облике храня,
Статным станом красовался ты, пришпоривший коня.
Ах, недаром так обильно слезы льются у меня!

Мой язык тебя прославит, бог его обогатит.
Коль покинешь, то погибну я без жалоб и обид.
Для тебя гишер и розы блеск небесный да взрастит.
Твоему, о солнце, лику мой приличествует вид.

Знай, не тщетно слезы лились, не бесплодные они!
А теперь уйми стенанья, скорбь от сердца отгони!
Увидать тебя стараясь, люди ссорятся в тени.
То, чем лоб твой был окутан, для меня ты сохрани!

Подари мне тот хатайский шарф, что так тебе идет,
Чтоб твоей красоты прикрасу я надела в свой черед.
Сей браслет надень ты, если дар мой радость принесет!
Для тебя рассвет подобный пусть вовек не рассветет!""

Тариэль заплакал, дрогнул, страшным пламенем задет,
Молвил: "Вот он дар любимой, с дорогой руки браслет".
Драгоценность снял, которой и цены на свете нет,
Приложил к лицу и обмер, как мертвец, утратил цвет.

Так лежал подобно трупу иль тому, кто обречен
Дланью мощной, поразившей грудь нагую с двух сторон.
Взяв кувшин, Асмаг, чей облик был истерзан, искажен,
Вновь струей воды смывала с Тариэля страшный сон.

Вздрогнул юноша, увидев, что повергнут в прах герой,
Дева камень просверлила жгучей слезною струей,
Льву сознание возвратила, угасив огонь водой.
Молвил он: "Я жив, хоть кровью вновь упился мир
земной".

И привстал он, побледневший; озираясь, он утих.
Облик розы, прежде алый, белизны теперь достиг.
Говорить не мог он долго и не мог смотреть на них;
Этой жизни ужасался вновь оставшийся в живых.

Он сказал: "Хотя мой разум затемнен судьбою злой,
Доскажу, что испытал я со своею госпожой.
Рад в тебе увидеть друга повстречавшийся с тобой.
Удивляюсь, как не умер я, от мук полуживой!

Я в Асмаг сестру увидел, возвратившую мне свет,
И когда письмо прочел я, мне дала она браслет.

Дар тот на руку надел я и отдарок дал в ответ:
Снял с чела тот шарф, имевший искрометно-черный
цвет.

СКАЗ 13

ПИСЬМО ТАРИЭЛЯ К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ, В ОТВЕТ НАПИСАННОЕ

Написал я ей: "О солнце, к твоему припав лучу,
Сердце я пронзил, и смелость стала мне не по плечу.
Ослеплен твоим сияньем, весь от страсти трепещу,
За нежданное блаженство чем тебе я отплачу?"

Ты с душой не захотела разлучить меня вполне,
Столько блеска не бывало ни в одном прошедшем дне.
Твой браслет надев на руку, не погибну я в огне;
Всех отрад прошедших слаще радость нынешняя мне.

Шарф, который ты просила, я спешу тебе послать.
Посылаю также платье, что одной тебе под стать.
Не покинь меня, больного, вспомни скорбного опять.
Лишь тебя одну хочу я в мире этом плчитать".

Вышла дева, и, улегшись, впал я скоро в забытье,
Вздрогнул я, во сне увидя солнце жгучее свое.
Лишь проснулся, всё исчезло. Мерзким стало бытие.
Так провел я ночь, не слыша даже голоса ее.

Рано вызванный к державным, чуть забрезжила заря,
Ко дворцу я устремился, нетерпением горя:
Там нашел я трех визирей, и царицу, и царя.
Усадили тут же рядом и меня, богатыря.

Изрекли: "Изнемогая, обрели мы седину,
Время старости настало для утративших весну.
Нам наследник не дарован, мы имеем дочь одну;
Но не тужим, вместо сына озарит она страну.

Для нее теперь, как должно, мужа доброго найдем,
Свой престол ему оставим, воплотим наш образ в нем,
Власть над царством предоставим, нам да будет он
цитом,
Чтобы враг на одряхлевших не обрушился с мечом".

Я сказал: "Не скрывать от сердца, у достойных сына нет,
Но достаточно надежды в ней, затмившей солнца свет.
Вам в зятя отдавший сына будет радостью согрет.
Сами знаете, что делать. Что скажу еще в ответ?"

Сердце обмерло, услыша об утрате неземной.
Я подумал: не поставишь им преграды никакой.
Царь сказал: "Хорезмшах правит Хорезмийскою
страной,
Если он отдаст нам сына, кто сравнится с ним другой?"

Что давно свершили выбор, говорил их каждый знак.

Так слова согласовали, переглядывались так;
Не дерзнул я прекословить замышлявшим этот брак.
Сразу в прах я превратился, поселился в сердце мрак.

И царица подтвердила: "Хорезмиец славный нам
Сына даст в зятя, который не под стать ничьим сынам".
Я поспорить не решился о желательном царям,
Согласился я, и день тот жизнь рассек мне пополам.

И в Хорезм пошел посланец взять наследника в зятя.
"Без царевича, – сказали, – наша Индия – ничья.
Дочь у нас одна, как солнце, украшение бытия.
Ничего не опасаясь, дай нам сына для нея!"

Человек привез, вернувшись, много платьев, покрывал;
Хорезмийский шах воспрянул, просиял, возликовал,
Приказал сказать: "Стремленью бог свершенье
ииспослал!

Нам желанна дочь такая, что превышает всех похвал".

Вновь послали за желанным хорезмийским женихом,
Поручив просить: "Идите и не медлите, мы ждем!"
Наигрался в мяч, устал я, отдохнуть вошел в свой дом.
Беды сердце обступили, стал богатый бедняком.

В грудь свою клинком ударить я, не медля, был готов.
Раб Асмаат вошел, и снова стал я весел и здоров;
Взял письмо, прочел: "Стан пальмы, цвет невянущих
садов,

Днесь тебе повелевает: поспеши прийти на зов!"

К саду быстро подскакал я, бурной радостью объят,
И увидел – там, под башней, трепеща, стоит Асмаат,
И невысохшие слезы на щеках ее дрожат.
Ни о чем не вопрошал я, всё сказал печальный взгляд.

Первый раз Асмаат при встрече так была невесела,
Смех былой она забыла, из очей глядела мгла,
Мне и слова не сказала, слезы чистые лила,
Старых ран не исцелила, много новых нанесла.

Больше в сердце упование не сияло ни одно.
В башне занавес открылся, точно в божий рай окно.
Я вошел, увидел солнце, стало больше не темно.
Сердце сразу озарилось, но растаяло оно.

Упадал на ту завесу блеск безрадостных лучей,
Был, накинутый небрежно, златотканый шарф на ней;
Возлежащая в зеленом, божьих гроз была грозней.
Обливали слезы очерк огнемечущих очей.

Так над бездною тигрица огневзорая лежит.
Был блистательнее солнца пальмы властвующий вид.
Сесть Асмаат мне предложила, был я зрелищем разбит.
Встала грозная во гневе, перлы падали с ланит.

Объявила: "Удивляюсь, как явился во дворец
Ты, предатель и изменник, преступивший клятву лжец?"

По достоинству заплатит за дела твои творец!"
Я сказал: "Непониманьем скован слов твоих ловец.

Если правды не постигнем, объяснения не найдем,
Обвиненный, я с причиной обвинения не знаком".
Вновь сказала: "С вероломным мне беседовать о чем?
Я по-женски обманулась и теперь горю огнем!

Хорезмийцу отдана я, это знаешь или нет?
Дал на то и ты согласие, приглашенный на совет.
Ты свою нарушил клятву и служения обет.
Я, оставленная, страшный на тебе оставлю след!

Помнишь, как стенал, слезами омывая ширь полей,
Как лежал ты, окруженный целой ратью лекарей?
Что же может быть в мужчине этой лживости гнусней?
Знай, отвергшего отвергнуть я смогу еще больней!

Кто великим и обильным Индостаном ни владеет,
Я владычицей пребуду, не останусь без путей!
Не бывать тому. Ступай же ты в ловушку лжи своей!
Мысли все твои подобны самому тебе, злодей!

На изгнание из царства, знай, ты мною осужден;
Коль посмеешь ты остаться, будешь тут же умерщвлен.
Равной мне не сыщешь, даже тронув дланью
небосклон!"
Речь свою прервал прекрасный и опять заплакал он.

Молвил: "Я обрел надежду, возвращенный бытию,
Вняв речей ее горячих возмущенному ручью;
Но над бездною безумья я теперь опять стою.
Что ж ты, мир непостоянный, пьешь так долго кровь
мою!"

Я привстал, Коран открытый в изголовии нашед,
Восхвалил творца, а после – расстилающую свет,
Ей дерзнул сказать: "О солнце, свод небес тобой согрет!
Ты меня не убиваешь, я одно скажу в ответ.

Если сказанное мною будет низкой клеветой,
Пусть разгневается небо и сокроет светоч свой!
Некривящего душою правосудья удостой!"
Соизволившая слушать мне кивнула головой.

Я промолвил: "Коль нарушил я зарок, что мною дан,
Божий гнев да покарает оскорбившего Коран!
Для меня чужой не станет облик солнцем, пальмой стан.
Коль копые пронзит мне сердце, как я жить смогу,
Нестан?"

На совет меня позвали, хоть жених, угодный им,
Для тебя давно был выбран, в царских помыслах таим.
Неучтиво было б спорить с повелителем своим.
Я сказал себе: покорствуй, будь пока невозмутим!

Как дерзнул бы я перечить, если даже Парсадан
Позабыл, что без владельца не остался Индостан,

Что лишь мне он весь подвластен и иным не будет дан.
Коль прибудет соискатель, то себя введет в обман.

Я решил – необходимо средство тяжкое весьма:
Не спасешься в этом деле изворотами ума.
Зверем по полю блуждал я, поселилась в сердце тьма.
Отдана ты мной не будешь, не украл себя сама!"

Обратил я в рынок башню, за любовь я душу дал.
Дождь утих, что прежде розу непрерывно заливал.
Улыбнулся войско перлов окружающий коралл.
"Как могла я так подумать, – голос ласковый сказал. -

Нет, не верю, чтоб изменой ты ославился, герой,
Чтобы господу за щедрость не был верным ты слугой,
Помолись, чтоб дал тебе он власть над Индией и мной.
Мы на трон воссядем вместе полновластною четой".

Всю жестокость угасила, состраданием смягчена,
Мир собою осенила, словно светлая луна,
Разрешила сесть мне близко, вновь безоблачно-ясна.
"Стих огонь, меня сжигавший", – тихо молвила она.

Приказала: "Кто разумен – от поспешности далек:
Надо здраво поразмыслить и спокойно встретить рок.
Царь вспылит, коль ты непустишь хорезмийца на порог.
Спор ваш Индию рассек бы и пустыней стать обрек.

Только впустишь хорезмийца, обвенчают деву с ним,

Мы расстанемся навеки, радость в траур обратим;
Победителями станут, от печали мы сгорим,
Не позволю сделать перса я наперсником своим".

Я сказал: "От сей женитьбы бог его да отвлечет!
Только станет мне известен персов в Индию приход,
Покажу себя пришельцам, с ними вмиг свершу расчет,
Ни один из них обратно невредимым не уйдет!"

Та в ответ: "Природы женской не хочу менять ни в чем,
Потому не допущу я, чтоб лилася кровь ручьем.
Войск чужих не истребляя, жениха срази мечом!
Правый суд плоды рождает и на дереве сухом.

Сделай так, мой лев, сильнейший из живущих ныне
львов:

Жениха убей, подкравшись. Не прибавь к нему рабов,
Не закальвай несчастных, словно мулов и коров.
Удержи свою десницу, тяжела невинных кровь!

Жениха убей, а после ты царю дерзни сказать:
"Я не дам презренным персам наше царство пожирать.
И ни драхмы не позволю им из Индии отдать.
Покорись, иль в прах твой город я сумею разметать!"

Перед ним не уподобься ты несчастным женихам;
Нежеланием женитьбы больший вес придашь словам,
И с надломленною выей умолять начнет он сам.
Я тогда твоею буду, блеск, дарованный очам!"

Эту речь дослушав, мудрость я нашел в ее словах,
И врагам своим сулил я моего меча размах.
Я поднялся. Хоть склонялась та с улыбкой на устах,
Не дерзнул желанный тополь ощутить в своих руках.

И, промедливши немного, я ушел, огнем объят.
Щедро слезы проливая, предо мною шла Асмаг.
Так единой стала радость, боль – сильнее во сто крат.
Я оглядывался часто, не спешил, бредя назад.

Человек пришел и молвил: "Хорезмиец к нам грядет!"
Но не знал жених, что будет роковым его приход.
Этой вестью царь индийский услаждался без забот,
Мне сказал он: "Приходи же, ныне празднествам черед!"

Объявил он: "День сей будет для меня утешным днем.
Свадьбу праздновать мы станем, как достойно, с
торжеством;
Мы сокровища для свадьбы отовсюду соберем,
Всё раздарим! Ведь не стану я, владетельный, скупцом!"

Я послал людей повсюду совершить сокровищ сбор.
И жених приехал также, не медлителен, а скор.
Вышли встретить хорезмийцев наша рать и царский
двор,
Войск, собравшихся в долине, не вмещал ее простор.

Царь велел: "Шатрами площадь разукрасьте, взяв шелка,

Отдохнет наш гость, прибывший в Индостан издалека.
Пусть пойдут ему навстречу царедворцы и войска,
Ты же встреть его в чертоге, и достаточно пока".

Там на площади поставил я шатров атласных строй.
Зять приехал, день, казалось, был не пятницей
страстной.

Выход начался придворный, поразрядный, не простой,
И войска навстречу вышли многостенной пестротой.

Я к закату утомился от обязанности той,
Так меня ко сну клонило, что вернулся я домой.
Раб Асма с посланьем новым появился предо мной:
"Пальме стройной непременно надо свидеться с тобой".

Я с коня не слез, поехал, поспешил что было сил,
Всю в слезах Асма я встретил, о причине спросил.
Та сказала: "Кто ж, с тобою встреться, щек не оросил?
Обеляемый пред милой, вновь себя ты очернил".

Мы вошли, и сдвинул брови на лице светила гнев,
Мир, как солнце, та царица озаряла, заалев;
Объявила: "Что же медлишь, бранный день узревший
лев?
Лучше скройся, если предал, к тайне нашей охладев!"

Огорчился и воскликнул, быстро выйдя от нея:
"Обнаружится сегодня, кто возжаждал, коль не я!
Девой послан в бой, как будто ослабела длань моя!"

Я домой пришел, убийство в быстрых помыслах тая.

Сто рабов тогда собрал я, и в порядке боевом,
Оседлав коней, за город мы поехали тайком.
Я в шатер вошел: царевич там лежал, объятый сном.
Я убил его без крови, не рубил меча мечом.

Я полотнище палатки острой сталью раздвоил,
Гостя за ноги схватил я, головой о столб хватил.
Плач нежданно пробужденных всю долину огласил.
Я, в кольчугу облаченный, поскакал что было сил.

Доносился крик погони, хорезмийцев дикий вой.
Изрубить пришлось мне многих, устремившихся за мной.
В город собственный, высокой опоясанный стеной,
я сокрылся, не затронут ни единою стрелой.

Вестовому приказал я: "Все войска собрать на сход:
Каждый, кто помочь захочет, пусть ко мне сюда придет!"
Появлялся неприятель темной ночью у ворот,
Но, узнав меня, спешил он защититься в свой черед.

Встал я в час, когда ночное небо стало розоветь.
Царь устами трех визирей мне изволил повелеть:
"Ты, возвращенный вместо сына, мой воспитанник, ответь,
Для чего мое веселье ты заставил потускнеть?"

Почему невинной кровью запятнал ты царский дом?

Если дочь мою хотел ты, почему молчал о том?
Почему покрыл кормильца несмываемым стыдом,
Почему же не подумал ты о дряхлом и седом?"

Передать ему велел я: "Царь, я тверже, чем гранит!
Оттого огонь смертельный жизнь мою не прекратит.
Должен печься лишь о правде, кто порфирию покрыт,
От меня желанье брака ваша мысль да отстранит!"

Знаем, сколько в Индостане и дворцов и тронов есть,
Все повымерли владельцы, вам досталась власть и честь.
И того добра наследник, что пришлось вам приобрести,
Днесь лишь я один по праву на престол могу воссесть.

Отстою права! Клянусь я в этом вашей добротой!
Сыном бог не одарил вас, только дочерью одной;
Если трон отдать чужому, что же будет взято мной?
Меч возьму я, коль на царство сядет в Индии иной!

Вашей дщери не ищу я и не стану женихом.
Здесь хозяин я! Другому не царить в краю моем!
Кто забрать мое захочет, распростится с бытием!
В этом деле не нуждаюсь я в содействии ничьем".

СКАЗ 14

ТАРИЭЛЬ УЗНАЕТ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Отослав послов, остался я от мук полуживой;
Ничего о ней не зная, убивал себя тоской.
Встал на стену, что воздвигнул я над ширью полевой.
Головы не потерял я, устрашаемый судьбой.

Двое пеших показались, к ним я кинулся бегом;
Раб и женщина предстали, я узнал ее с трудом:
То Асмат, с облитым кровью, изменившимся лицом,
Больше мне не улыбаясь, шла безмолвно за рабом.

Обезумел, растерялся, размышлять едва я мог;
Крикнул издали: "Что с нами? Кто же счастье наше
сжег?"

Прерываясь от рыданий, голос горестный изрек:
"Почему на нас, несчастных, небосвод обрушил бог?"

Подошел я, вопрошая: "Что за горе принесла?"
Дева снова зарыдала, снова слезы пролила,
Бед своих десятой доли рассказать мне не могла,

Грудь ее алела кровью, что с ланит ее текла.

Наконец проговорила: "Слушай правду, свет очей!
Как тебя утешу ныне, так меня ты пожалей:
Не давай мне жить на свете! О, внемли мольбе моей,
Коль спасешь меня от жизни, станешь господу милей.

Слух дошел, что хорезмиец умерщвлен твоей рукой;
Царь вскочил, от боли дрогнул, словно раненный
стрелой,
Громко звал тебя, и стража понеслась к тебе домой;
Но ни с чем пришли те люди, что ходили за тобой.

Доложили: "В доме пусто, видно, он пустился в путь".
Царь сказал: "Не удивляюсь происшедшему ничуть:
Дочь любя мою, дерзнул он поле кровью захлестнуть.
Как увидятся, не могут друг на друга не взглянуть.

Головой клянусь: Давар я уничтожу без суда,
Сети дьявола раскинуть приходившую сюда.
Чем ее околдовали эти твари без стыда?
Коль прощу ее, да буду проклят господом тогда!"

Редко клявшийся, поклялся царь своею головой;
Исполнял всегда немедля он зарок ужасный свой,
Потому служитель некий, услышав о клятве той,
Всё тотчас поведал тетке, достигавшей звезд волшбой.

Так Давар, сестре владыки, молвил этот божий враг:

"Царь главой своей поклялся превратить тебя во прах".
Та сказала: "Я невинна, видит бог на небесах,
И расстанусь я с душою не у брата на глазах".

Как при вашем расставанье, облик розы был пунцов,
Был на ней тобою данный тот сверкающий покров.
И Давар заголосила, – я таких не знала слов:
"Блудодейка, ты нас губишь, но и твой удел суров!

Для чего ты приказала жениха убить, змея?
Чтоб за кровь его безвинно пролилась теперь моя?
За твои проделки брат мой надо мною судия,
Но твоей злодейской страсти помешать сумею я!"

И за косы потащила ненаглядную она,
Беспощадно избивала, став лицом, как ночь, темна.
Дева ей не отвечала, лишь стонала, смятена.
Я была ей бесполезна, страха дикого полна.

Ведьма удержу не знала в озлоблении своем.
Черноликие, как бесы, два раба явились в дом,
Принесли с собой носилки, не сказали ни о чем,
Солнце, взятое под стражу, усадили с торжеством.

Быстро к морю устремились, и пропало пламя дня.
Ведьма взвыла: "Кто камнями не побьет теперь меня?!"
Ныне казни я избегну, лишь сама себя казня!"
Закололась и упала, жизнь погибшую кляня.

Диву дайся, что дышу я, не пронзенная копьем!
Поступи как подобает с известившей о таком.
Лев, избавь меня от жизни! Гибель будет мне добром!"
Из очей ее молящих слезы падали дождем.

Я сказал: "За что я должен убивать тебя, сестра?
Госпоже твоей подвластный, я хочу тебе добра,
Ныне в море отправляться за исчезнувшей пора!"
Сердце в горе стало тверже, чем гранитная гора.

В жар и дрожь меня бросало; говорил я сам с собой:
"Умертвив себя, помочь я не сумею дорогой.
Лучше в поисках объехать неоглядный круг земной.
Час настал, и кто захочет, пусть последует за мной!"

На коня я сел, увидел юных сверстников отряд,
Удальцов, со мной возросших, на подбор, сто
шестьдесят.
Вслед за мною поскакали, стройно выстроившись в ряд;
С ними к морю я примчался, морем горести объят.

На корабль я сел, желая вдалеке искать вестей,
Не оставил без осмотра проходящих кораблей;
Ничего я не разведал и с ума сходил по ней,
Стал я богу ненавистен, стала боль еще сильней.

Целый год не расставался я с пустыней водяной.
И во сне мне не являлся ее видевший земной!
Все повымерли, погибли люди, бывшие со мной.

И сказал я: "Не дерзаю спорить с богом и судьбой".

К берегам я возвратился, больше плавать я не мог,
Не внимал ничьим советам, одичал и изнемог.
Растрыв людей, лишь горе нестерпимое сберег.
Вряд ли вынесшего столько человека бросит бог.

Два раба с Асмат остались от моей прислуги всей;
Вразумлять меня старались, но страдал я всё сильней.
Даже равной весу драхмы вести не было о ней,
Плач казался мне отрадой, кровь сочилась из очей.

СКАЗ 15

ПОВЕСТЬ О НУРАДИНЕ- ПРИДОНЕ, КОТОРОГО ТАРИЭЛЬ ВСТРЕТИЛ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Ночь проездив, я увидел на побережии сады,
Близость города являли в скалах выбоин ряды.
Избегать людей старался я под бременем беды,
В чаще отдыха искал я, несший тяжкие труды.

Под деревьями уснул я; те рабы вкушали хлеб;
После встал, теряя силы, обращая сердце в склеп.
Не узнал ни лжи, ни правды, от растерянности слеп.
Слезы землю оросили, натиск горести окреп.

Крик послышался, взглянул я: вижу – витязь молодой,
Разъяренный болью раны, объезжает брег морской:
Сабли рдеющий обломок сжав могучею рукой,
Всё кому-то угрожает и врагов зовет на бой.

Моего коня ты видишь; он сидел тогда на нем;
Словно бурный ветер мчался, оглашал поля кругом.
Я раба послал вдогонку в жажде встречи с удалцом;

Поручил спросить героя: "Кто же дерзок был со львом?"

Моего раба не слушал этот бешеный ездок.

Я на лошадь – и вдогонку, хоть он был уже далек.

Крикнул: "Стой! Я тоже буду ко врагам твоим жесток!"

Он взглянул, остановился; вид мой витязя привлек.

Вопросил творца тот витязь: "Как столь стройный тополь взрос?"

После мне сказал: "Отвечу я теперь на твой вопрос.

Бескольчужный, натерпелся я изменничьих угроз,

Львами стали, кто доселе обращались мною в коз".

Я сказал: "Постой, не сетуй, здесь под сень дерев сойдем;
Не попятится отважный от разящего мечом".

Он пошел со мной охотней, чем любимый сын с отцом,

Я дивился, видя нежность в ратоборце молодом,

Раб мой, лекарем служивший, перевязку сделать мог;
Безболезненно из раны острие стрелы извлек.

И спросил героя: "Кто ты? Кто с тобою был жесток?"

Рассказать он согласился, зазвучал речей поток.

"Кто ты будешь? С чем сравню я твой печальный, гордый вид?

Что тебя, о тополь, сушит, или что тебя казнит?

Что покрыло белизною лепестки твоих ланит?

Бог зачем светильник гасит, что, зажженный им, горит?"

Недалек отсюда город, где на царство я воссел.
Нурадин-Придон мне имя, Мулгазар мне дан в удел.
Там, где вы остановились, царства нашего предел.
Край наш, малый, но богатый, и теперь не оскудел!

Моего отца и дядю разделил когда-то дед.
Остров на море мне в долю предназначен с давних лет,
Но теперь захвачен дядей, чьи сыны творят мне вред:
Больше места для охоты мне, ограбленному, нет.

Нынче вышел на охоту, увидел морскую гладь;
Не хотел с собой на остров я большую свиту брать,
И войскам своим велел я возвращенья ожидать;
А сокольничьих с собою взял на остров только пять.

Островной косы достигли, берег тронуло весло.
Я своих не остерегся и подумал: что за зло?
Если воины трусливы, безразлично их число.
Хоть кричал я на охоте, к нашим эхо не дошло.

Чада дядины, не помня, что Придон из их семьи,
На отряд мой покусились в безрассудном забытии
И, меня опережая, обнажив мечи свои,
Чтобы путь мне перерезать, сели в быстрые ладьи.

Увидал я блеск металла, клич военный услышал.
Быстро прыгнув на галеру, громозвучно я вскричал.
В море встала предо мною вражья рать, как бурный вал,
Повалить меня пытались, но пред ними я не пал.

Сзади войско появилось, больше первого втрое,
Отовсюду обступили, но привычен я к войне.
Все приблизиться боялись и стреляли в спину мне.
Меч могучий мой сломался, и колчан иссяк вполне.

На коне я спрыгнул в волны и уплыл, неудержим,
Неприятели, галеру окружив кольцом сплошным,
Всех людей моих убили, я же тщетно был гоним;
Вспять быстрееших обращал я, обращая взоры к ним.

Да грядет судьба, что людям их создателем дана!
Долг отдам я, коль угрозам будет мощь моя равна;
Станет жизнь их днем и ночью одинаково черна,
Воронье на пир покличу-станет прахом их страна". -

Взволновал меня тот юный львиной яростью своей.
Я сказал: "К чему поспешность? Ты сдержать себя
сумей!
Я пойду с тобой, те люди не сберут своих костей;
Распадутся в прах, увидя нас, двоих богатырей.

Не сегодня расскажу я повесть мрачную мою;
Если будет время, после ничего не утаю".
Он вскричал: "Ты возвращаешь блеск и радость бытию,
И отныне до кончины жизнь тебе я отдаю".

Мы вошли в его столицу. Город был красив, но мал.
Все войска его встречали, каждый грудь свою терзал,

Обнажал чело и пеплом в знак печали посыпал,
Целовал края одежды и меча его металл.

Я им также полюбился, полюбившийся ему,
И хвалу мне воздавали: "Солнце, ты рассеешь тьму!"
Шло сверканье отовсюду, взор на что ни подыму:
Всё в парче, богатство было там заметно по всему.

СКАЗ 16

ПОМОЩЬ ТАРИЭЛЯ ПРИДОНУ И ПОБЕДА ИХ НАД ВРАГАМИ

Зажила рука, окреп он для доспехов и коня,
На корабль взошли отряды, снаряжением звеня,
Лицезреть отрадно было храбрецов при свете дня.
Как отмстил воитель юный, ты услышишь от меня

И враги надели шлемы. Доносился шум большой:
Лодок восемь, или больше, появилось предо мной.
Я переднюю повергнул, не ушел никто живой;
Раздробил ее пятою, прекратил их бабий вой.

Я настиг ладью вторую и рукой за борт схватил.
В море вверг ее с бойцами, безрассудных утопил;
Лишь на бегство к побережью остальным хватило сил.
Кто увидел – удивился, похвалил, не осудил.

Мы на твердь сошли. Помчалась вражья конница на нас,
Но для них творец в несчастье обратил сраженья час.
Поражал врагов нещадно Нурадин и в этот раз,
Был, сияющий как солнце, ослепителен для глаз.

И с коней двух братьев скинул острой саблею Придон.

Кисти рук он отрубил им, забирая их в полон,
Вместе пленников связал он, жаждой мести распален.
Смех в войсках его раздался, в стане вражьем – плач и
стон.

Отступающие быстро мы рассеяли войска,
Ниспровергли укрепления, простоявшие века;
Нами взятая столица стала грудой песка,
И была добычи тяжесть непомерно велика.

Всех сокровищниц печати в этот день сломал Придон.
Злые родичи героя понесли большой урон,
был в отмщение их кровью берег моря окроплен.
Бога славили за то, что я столь стройным сотворен.

Мулгазар наполнил шумом наших воинов приход,
И молитвенной хвалою нас приветствовал народ.
Восхищаясь, горожане оказали нам почет,
Говорили: "И доньне с ваших дланей кровь течет".

Звали все царем Придона, а меня – царем царей,
Мне кричали: "Всеми нами, как рабами, ты владей!"
Только я не улыбался среди ликующих людей,
И не ведали те люди грустной повести моей

СКАЗ 17

ПРИДОН РАССКАЗЫВАЕТ ТАРИЭЛЮ ИСТОРИЮ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Поохотиться однажды мы поехали вдвоем,
На хребет поднялись горный, в море вдавшийся углом.
Говорил Придон: "Однажды проезжая здесь верхом,
Нечто странное узрел я в отдалении морском".

Рассказать его просил я, и поведал мне Придон:
"На охоту я поехал. Конь мой черный закален:
На волнах он – словно утка, в поле – словно сокол он.
Я отсель следил, как ястреб рассекает небосклон.

Часто очи в даль морскую обращал я с этих гор,
Был отмечен точкой малой моря блестящий простор.
Бег ее, едва заметной, удивительно был скор,
Распознать ее старался мой упорствующий взор.

Зверь диковинный иль птица мчится по морю, как бес?
Нет, корабль подъемлет крылья многоскладочных завес.
Широко глаза открыл я, видя чудо из чудес:
В паланкине облик лунный краше всех семи небес.

Два раба на сушу вышли, словно дьяволы черны,
Деву высадили. Вижу: косы чудной толщины
Обрамляют белый облик бесподобной той луны.
Светом взора страны света были все освещены.

Тело радость окрылила, боль и дрожь вложила в грудь,
Розу неба полюбил я, в ней увидел жизни суть.
Вознамерился к светилу в тот же миг направить путь.
Разве даст мой конь умчаться от него кому-нибудь!

Тростников свистящих трепет я прорезал второпях,
Те почуяли чужого и растаяли в очах;
Я достиг волны. В закатных, еле видимых лучах
Уходящая терялась, обратив меня во прах".

Задрожало сердце, сжалось, жгучий выслушав рассказ.
Ослабев, с коня упал я, проклиная мир сто раз.
В кровь ланиты истерзал я, слезы хлынули из глаз.
Я сказал: "Ее ты видел! О, срази меня сейчас!"

И, страданиями моими несказанно поражен,
Заклучив меня в объятья, утешал как мог Придон;
Обласкал меня, как сына, и унял немолчный стон,
Снегом слез своих жемчужных угасил мой пламень он.

"Ах, зачем поведал это я, безумием тесним!"
Я сказал: "Не плачь! Слезами мы тоски не истощим.
Мне пылать осталось, был я лучезарною любим.

Всё скажу тебе, раз хочешь быть товарищем моим".

Рассказал я, что содеял злого рока произвол.

Он ответил: "Как безумец, я с тобою речь повел.

Ты, высокий царь индийский, для чего бы ни пришел,

Одному тебе пристали и чертоги, и престол.

Тело пальмы бог возвысит, стан прекрасный укрепит,

Удалит стрелу из сердца, хоть сначала грудь пронзит;

С неба милости нахлынут, гром гремевший отгремит.

Горе в радость обратится, возвратится цвет ланит".

Во дворец, грустя, вернулись двое с горестью одной,

Я сказал: "Ты щит единый, обретенный в мире мной,

Бог тебе не угодил освещаемых луной.

Я твою изведаль дружбу, и не надо мне иной.

Подарило небо друга не имевшему друзей,

Помоги же мне, страдальцу, речью мудрою своей!

Посоветуй, как добиться приближенья встречи с ней!

Если здесь не сыщем средства, вдаль поеду поскорей!"

Он сказал: "Сулил мне счастье царь заоблачных глубин,

И пришел меня утешить ты, индийский властелин!

Знай, иных утех вовеки не захочет Нурадин!

Для служенья предстоящий раб твой верный я один.

Этот город – путь идущих отовсюду кораблей

И прилежный собиратель всевозможных новостей.

Здесь расспросим о лекарстве против немощи твоей.
Если бог того захочет, станет жизнь твоя светлей.

Мореплавателей славных мы повсюду разошлем,
Светозарную пусть сыщут, о которой слезы льем.
Потерпи, уйми пыланье в сердце горестном своем!
Позабыть заставит радость о страдании былом".

И, созвав людей тотчас же, он пришедшим дал завет:
"Корабли вы снарядите, оплывите белый свет,
Лучезарную найдите, чтоб очам вернула свет,
Бедствий тысячу вкусите, а не семь иль восемь бед!"

Он из гаваней окрестных моряков отправил в путь,
Приказал: "Ищите всюду, чтоб разведать что-нибудь!"
Было счастьем ожиданье, и вздохнула легче грудь.
Дни бессолнечных веселий я хотел бы зачеркнуть!

На престол в своих палатах посадил меня Придон
И сказал: "Я ошибался и поднесь не умудрен,
Как почтить того, кто вправе занимать индийский трон?
Величавостью твоею кто не будет покорен?"

Срок истек, и возвратились те искатели вестей,
Но напрасно исходили тьму нехоженных путей,
Ничего не разузнали, не разведали о ней.
Неуемный ливень снова заструился из очей.

Я Придону молвил: "Снова испытанье мне дано!

Должно выговорить слово, хоть и горькое оно.
Без тебя и днем и ночью одинаково темно.
Ныне радости лишен я, сердце с горем сращено.

Мне в неведение тяжелом пребывать не станет сил,
И поэтому прошу я, чтоб меня ты отпустил".
Услыхав, Придон заплакал, ливнем поле оросил,
Молвил: "Мир отныне станет мне, царящему, не мил".

Хоть колена преклоняли все войска передо мной,
Но, не внемля их молениям, я простился со страной;
Обнимали и лобзали умолявшие с тоской:
"Оставайся и господствуй! Мы рабы твои, герой!"

Я сказал: "Разлука с вами нелегко дается мне,
Но без милой нет веселья в самой ласковой стране.
Я изменником не стану той украденной луне,
Не поддамся увещаньям, доносящимся извне!"

Был тогда мне конь подарен Нурадином дорогим,
Он сказал: "Ты, солнцеликий, станом с тополем
сравним,
Знай, останешься доволен иноходцем вороным;
За горячность и ретивость будет он тобой любим!"

Проводил меня скорбящий, слезный дождь одел холмы.
После долгих поцелуев, застонав, расстались мы,
Все войска рыдали громко, в этой горести прямы.
Как родные, разлучились, обретая бремя тьмы.

И опять искать я начал счастья, взятого в полон,
Все края земли изъездил, обозрел со всех сторон,
Но нигде ее следами взор мой не был озарен.
Уподобился я зверю, тщетной страстью разъярен.

И, размыслив, что напрасно буду в поисках упрямым,
Возомнил найти забвенью в приближении к зверям;
С увещаньем обратился я к Асмаг и двум рабам:
"Знаю, горя и страданий причинил я много вам.

Но теперь меня оставьте и спасайтесь кто куда,
Позабудьте слезы наши, что струятся, как вода!"
Люди выслушали это и сказали мне тогда:
"Отмени приказ жестокий. Да минует нас беда!

Нам иного господина да не даст вовеки бог.
Да позволит нам всевышний у твоих остаться ног,
Чтобы ты, прекрасный тополь, возвышаясь, взоры влек.
Как влагает бессердечье в сердце благодное рок?"

Отослать рабов не смог я, внял молящим их словам,
Обиталища людские опротивели очам;
Где зверей жилища были, останавливался там.
Всё покинул, протоптал я путь по долам и горам.

Вот пещерные жилища дэвов мерзостной гурьбы,
Завоеванные мною после яростной борьбы.
Были дэвами убиты в схватке той мои рабы.

Вновь познал я вероломство злого мира и судьбы.

С той поры я здесь уныло увядаю, милый брат,
Убегаю в поле, плачу, забываюсь, тьмой объят.
Об утраченной со мною плачет верная Асмаат.
Мне отраднa только гибель, жизни больше я не рад.

В чудном образе тигрицы прозреваю я ее,
Оттого я взял у зверя одеяние свое.
Эта женщина то плачет, то берется за шитье.
Раз пронзить себя не властен, что ж острил я острие?

Ту достойно не прославишь, не родившись мудрецом.
Об исчезнувшей мечтаю, истомясь в краю чужом.
С той поры звероподобен, и, живущий со зверьем,
Кроме гибели у бога не прошу я ни о чем".

Разорвал безумный розу, лепестки кровоточат,
И хрустальное обличье раздробил жемчужный град.
Автандил рыдает рядом, влажен стрел гишерных ряд.
На коленях умоляет, утешает их Асмаат.

Тариэль промолвил другу, полюбившему его:
"Я тебе доставил радость, не имея ничего.
Рассказал я, как терзало злого рока торжество,
А теперь иди навстречу блеску солнца своего!"

Автандил сказал: "В разлуке станет жизнь еще страшней:

Если я с тобой расстанусь, хлынут слезы из очей.
Не разгневайся, прекрасный, правду выслушать сумей,
Для возлюбленной ты гибнешь, оттого не легче ей.

Если врач, хоть самый славный, поражен болезнью злой,
То, познав врача другого, он недуг откроет свой,
Все мученья изъясняет, ощущая дрожь и зной.
Знай, советчик наилучший для чужого – лишь чужой.

Слушай! Мудро, не безумно, говорю тебе сейчас:
То, что враз нельзя запомнить, надо выслушать сто раз.
Разве доброе содеет распаленный, разъярясь?
Я теперь хочу увидеть ту, что заревом зажглась.

Поспешу я убедиться в том, что ею я любим,
Доложу ей всё, что слышал, не займусь ничем другим.
Если бога считаешь, увещаньям верь моим!
Заклучим союз навеки, дружбу клятвой утвердим.

Дай мне клятву, что отсюда не уедешь в край иной,
И клянусь, что никогда я не пожертвую тобой!
Возвращусь к тебе, играя жизнью брэнною земной.
Да поможет бог умерить мне жестокий пламень твой!"

Тариэль сказал: "Как близок ты чужому бытию!
Жаль тебе меня покинуть, словно розу соловью.
Как же я тебя забуду, тополь, выросший в раю?
Дай мне бог еще возросшей высоту найти твою!"

Если снова, тополь стройный, ты вернешься к чужаку,
Сердце в поле не ускачет, словно серна к ручейку.
Если лгу я, гнев небесный на себя да навлеку!
Только лик твой светлый сможет разогнать мою тоску".

Расцветая, обменялись этой клятвою святой
Зори пламенных рубинов, славных слова красотой.
Так друг друга полюбили, опаленные судьбой,
Два товарища прекрасных были вместе ночью той.

В скорбном сердце Автандила лютый пламень не утих;
Рассвело. Поцеловались. Час пришел разлуки их.
Таризель с душой угрюмой грани горестей достиг.
Автандил с челом склоненным исчезал меж трав густых.

Тут Асмаг за Автандилом со скалы спустилась вслед,
Увядала, как фиалка, повторяла свой завет,
На коленях умоляла: "Возвращайся к нам, спаспет". -
"Кроме вас кого я вспомню? – прозвучало ей в ответ. -

Возвращ, усь без промедленья, не забуду к вам дорог;
Лишь бы снова не покинул он угрюмый свой порог.
На два месяца уеду, не продлится этот срок,
Если даже растерзает сердце любящее рок".

СКАЗ 18

ВОЗВРАЩЕНИЕ АВТАНДИЛА В АРАВИЮ

Он, оттуда отдаляясь, стал от смерти недалек,
Превратил в скребницу руку, расцарапал розы щек;
Звери кровь его лизали – так он был к себе жесток.
Долгий путь ездою быстрой укорачивал ездок.

Автандил туда приехал, где оставил он войска.
Увидали, распознали, стала радость велика;
Шермадина известили: "Прискакал издалека
Тот, без коего была бы пышность пиршества горька".

Шермадин к нему помчался, приложил уста к руке,
Целовал, и слезы счастья уподобились реке;
Говорил: "Ужель положен въявь предел моей тоске?
Разве я достоин видеть облик твой недалеке?"

Господин рабу ответил и лицом к лицу припал:
"Небесам хвала, коль счастлив ты, достойный всех
похвал!"

Пали ниц пред ним, и лучших, удостоив, он лобзал.
Всюду люди веселились. Ликовал и стар и мал.

Автандил вошел в готовый для его приема дом;
Лицезреть его собрались обитавшие кругом,
Сел он, трапезу возглавил, схожий с пальмовым стволом.
Дня наставшего отрадность не расскажешь языком.

Он поведал Шермадину всё увиденное им,
Как нашел того героя, что, как солнце, несравним;
И ресницы задрожали, подступили слезы к ним.
"Без него дворец – лачуга", – молвил видевшийся с ним.

О делах своих поведал Шермадин ему потом:
"Никому не рассказал я об отбытии твоём".
Целый день он пробыл дома, отдыхая за питьем,
А когда рассвет забрезжил, в путь отправился верхом.

Место пиршества покинул он, желанный для очей.
Шермадин к царю помчался с вестью светлую своей,
Кончил путь десятидневный в продолжение трех дней:
"Переспорившую солнце хочет лев узреть скорей".

Он послал сказать: "Ты, царь наш, горд, возвышен и велик;
Со смирением и страхом молвит рабский мой язык:
Об исчезнувшем не знал я, устыдился и поник,
А теперь могу поведать, ибо в тайное проник".

Восседавшему во славе властелину ратных сил,
Всей Аравии владыке раб усердный доложил:
"Диво-юношу нашедший к вам приехал Автандил".

Молвил царь: "Узнал я ныне то, о чем творца просил!"

Той, не знающей затмения, Шермадин сказал, вошед:
"Пред тобой предстанет ныне с вестью светлую спасет".
Ею, сладоствее солнца излучающего свет,
Был он, с близкими своими, в ткани яркие одет.

На коня воссел властитель, встретить славного спешит;
Вновь возрадовался витязь, чей подобен солнцу вид,
И волнение увлажняет гладь стеклянную ланит.
Царедворцев радость встречи озаряет и пьянит.

Автандил царя встречает и спешит сойти с коня,
Ростеван его лобзает, за провинность не вина.
Во дворец они въезжают, вид сияющий храня,
Радость всех обурекает, повстречавших солнце дня.

Перед солнцем солнц склонился юный воин, лев из
львов,
Тут хрусталь, гишер и розу разукрасила любовь.
Тем, чей блеск светлее света, не пристал домашний кров,
Надлежало бы воздвигнуть им дворец из облаков.

Все на празднество собрались, полилось вино рекой,
По-отцовски Ростеваном юный встречен был герой.
Снова розы засверкали, окропленные росой.
Царь для собранных рассыпал перлы щедрою рукой.

Кончен пир, уходят гости, опьяненные вином;

Лишь визири остаются с Автандилом и царем,
Рассказал спаспет о трудном испытании своем
И о странном незнакомце стал рассказывать потом:

"Не дивитесь, что о нем я буду тягостно вздыхать;
Лишь краса светил небесных красоте его под стать.
Он в безумие ввергает всех дерзающих взирать.
Увядающую розу терний злых терзает рать".

Кто несчастье в мире стерпит? Он лишен терпенья сам.
Стал хрусталь с шафраном сходен, а тростник сродни
шипам.

Автандил о друге вспомнил, волю дал своим слезам,
Здесь рассказывая повесть, им услышанную там.

"Витязь, взятую у дэвов, обратил пещеру в дом,
И его луны служанка там находится при нем.
Сделав платьем шкуру тигра, не нуждается в ином
И теперь не видит мира, пожираемый огнем".

Досказал внимавшим чутко он рассказ печальный свой
Про не знающего равных, ослеплявшего красой,
Увлеченные рассказом отмечали похвалой:

"Славы большей не бывало! Из героев ты герой!"

Повесть выслушав, отраду ощутила Тинатин,
Проходил сей день отрадный в быстрой смене яств и вин.
С Автандилом возле спальни повстречался раб один,
Доложил: "С тобою встречи лучезарный чаёт крин!"

И, к любимой поспешая, юный воин засиял,
Лев могучий, что со львами злые дали разделял.
Был жемчужиною мира нежно радующий лал,
Но для сердца он на сердце всё же сердце променял.

Словно солнце на престоле возвышалась Тинатин,
Орошенная Евфратом пальма пламенных равнин.
Был гишером изукрашен бело-розовый рубин.
Смолкну. Пусть ее прославят все философы Афин!

Та, прекрасная, спаспета посадила пред собой;
Озарялись два светила нежной радостью одной.
Их беседа веселила. Дева молвила: "Открой,
Сколько горя перенес ты в долгих поисках, герой!"

Молвил: "Если исполняет мир мечтаемое, верь,
Вспоминать уже не должно прежних болей и потерь.
Отыскал я тополь стройный, мне в Эдем открылась
дверь;
Он лицом подобен розе, цвет теряющей теперь.

Угнетенный статный тополь, он вздыхает тяжело
И твердит: "Хрусталь утрачен, остается мне стекло.
Нас, двоих скитальцев, пламя равносильное сожгло".
Рассказал, с безумцем бедным в жизни что произошло.

Все страданья трудных странствий перечислил перед
ней.

Как желанного достигнул – говорил еще грустней.
Тяготит того, как зверя, приближение людей;
Скорбный, с тиграми блуждает вдоль безрадостных
полей.

Нет хвалы, его достойной; он сиянием одет;
Для людей, его узревших, больше нравящихся – нет.
Юный облик мучит взоры, словно солнца жгучий свет.
Гаснет роза, и ланиты обрели фиалки цвет.

Всё, что слышал, знал и видел, рассказал он дорогой:
"Как в берлоге тигр, в пещере поселился тот герой,
С ним служанка пребывает, умаляет пламень злой.
Ах, на муки обрекает всех живущих мир земной!"

Повесть чудную услышав, успокоилась она;
Просветленный лик явила восходящая луна
И сказала: "Что на это я ответственность должна?
Чем же тягостная рана может быть исцелена?"

Он ответил: "Двоедушный в ком доверие найдет?
В день условленный приеду я к достойному забот;
Я тобой ему поклялся, солнце, полное щедрот.
В ожиданье он сожжению ныне сердце предает.

Друг пусть другу верно служит, не щадя себя ни в чем;
Должно сердцу быть для сердца и дорогой и мостом;
От влюбленного влюбленный проникается огнем.
Все отрады безотрадны мне, грустящему о нем!"

Солнце молвило: "Свершилось, внял господь моей
мольбе:

Ты с победою вернулся и любезен стал судьбе.
Насаждаемое мною чувство выросло в тебе,
И мое окрепло сердце, ослабевшее в борьбе.

С человеком, как погода, поступает мир земной:
То обрадует лучами, то обрушится грозой.
Горе в радость обратилось, луч блеснул передо мной.
Если в мире есть отрада, для чего дружить с тоской?

Вижу: данная тобою клятва истинно крепка.
Другу предан ты на деле, и разлука с ним горька,
Отыскать лекарство надо, хоть задача нелегка;
Но уедешь ты, и солнце облачится в облака".

"Горе с близостью твоею возросло, – сказал спасет, –
Чтоб замерзшему согреться, дуть на воду толку нет.
Кто свои целует вздохи, истомясь, теряет цвет.
Если я с тобой – беда мне, без тебя – не счислю бед.

Горе мне, коль буду брошен на сожжение в простор.
Ныне целью стало сердце, стрелы бьют его в упор,
Потому две трети блеска потерял цветок с тех пор.
Больше скрыть нельзя страданий, распознает правду
взор.

Внял я сладостным реченьям; этот мир теперь не лих,

Знаю я, с шипами роза, но зачем встречать лишь их?
Будь мне светом неущербным, чтоб огонь во мне утих,
Дай мне что. – нибудь на память, ради всех надежд
моих!"

Витязь юный, сладкогласный, средоточие красот,
С лучезарною царевной речь почтительно ведет.
Дева жемчуг подарила совершившему поход.
Этой радости создатель полноту да ниспошлет!

Сладко витязю гишером овевать рубинов гладь
Или тополь возле пальмы посадить и поливать,
Налагать лучи на зрящих, на незрящих – тьмы печать.
Разлученному с любимой остается горевать.

Созерцание друг друга наслаждением было им.
Автандил простился, вышел, вновь отчаяньем казним;
Солнце плачет, слезы льются, хлещут ливнем кровавым,
Стонет: "Кровь мою вкушая, этот мир неумолим!"

В грудь себя ударил витязь, лег синяк близ синяка.
В сердце любящее входит нестерпимая тоска;
Солнце землю затемняет, заходя за облака.
Омрачающая душу с ней разлука нелегка.

Кровь и слезы бороздили белизну его ланит.
Молвил: "Бывшее защитой солнце больше мне не щит,
Как ресницы те пронзили сердца гордого гранит?!
До свидания с любимой мир для радостей закрыт.

Был вчера в эдеме тополь насажден и орошен,
А теперь кинжалом острым я безжалостно пронзен.
Истязаемое сердце взято пламенем в полон.
Все дела земного мира лишь бессвязный, лживый сон".

С причитаньями такими молодой скакал храбрец;
Стан красивый изгибался, стал шафрановым багрец.
Расставаньем омрачилось озаренье двух сердец.
Облекается лишь в саван жизнь мирская под конец.

Он вошел в опочивальню, лег, печалью опален;
Только мыслью неотступной он с возлюбленной срашен.
Как под снегом луг зеленый, цвет лица теряет он, -
Увядает куст цветущий, с ликом солнца разлучен.

Ненасытное людское сердце проклято судьбой,
В жажде ласки все терзанья выносящее порой,
Сердце, удержу не зная, страсти отдано слепой,
И над ним ни смерть не властна, ни сильнейший царь
земной.

Те сердечные от сердца сердцу высказав слова,
Снял с руки подарок солнца витязь, видящий едва;
Перлы белые, как зубы дорогого существа,
Приложил к устам, и слезы обагрили очи льва.

На заре приказ прислали: "К нам немедленно скачи!"
Не сомкнув очей, помчался расстилающий лучи.

Толпы шли его увидеть, суматошно-горячи.
Царь собрался на охоту. Затрубили трубачи.

На коня воссел владыка, гулко дрогнула земля.
Затрещали барабаны, оглушая, веселя,
Солнце соколы сокрыли, псы наполнили поля.
Орошали землю кровью, славу поровну деля.

Все натешились охотой и вернулись во дворец;
Всех вельмож ввели с войсками, всякий принят был
стрелец.
В зале, к пиршеству готовой, сел в веселье царь-отец.
Отзывался чанг чагану, затмевал певца певец.

Спасалара сын за чарой разговаривал с царем,
И уста казались лалом, зубы – молнии огнем;
Рядом правящие были, дальше – воинство кругом;
Все далекого героя вспоминали за питьем".

Он пришел с тяжелым сердцем, слезы по полю текли.
Перед взором ходит солнце, мирно спящее вдали.
Он то встанет, то приляжет, сон виденья унесли.
Чьи сердца внимали просьбам и терпенье обрели?

Лежа в спальне, стонет: "Сердцу нет надежды в мире зла,
В отдалении отцвел я, ты в эдеме расцвела;
Очи видящих сияют, а незрящих мучит мгла.
Наяву не удостоишь, хоть во сне бы ты пришла!"

Причитал прекрасный витязь, чья тревога глубока:
"Да протянется терпенье, словно мудрости река,
От несдержанного сердца да отвяжется тоска,
День узревший должен видеть и ночные облака!

Не спеши распасться, сердце, обрати себя в алмаз!
Жить, служа своей любимой, благороднее в сто раз.
Пусть твои страдания станут незаметными для глаз.
Ведь любви не подобает выставляться напоказ".

СКАЗ 19

ПРОСЬБА АВТАНДИЛА, К ЦАРЮ ОБРАЩЕННАЯ, И РАЗГОВОР С ВИЗИРЕМ

Рассвело, и, снаряженный, вышел рано Автандил;
Возгласил: "Помилуй, боже, скрыть мученья дай мне сил!"

О терпении он сердце своенравное просил,
А потом поехал к дому, где советник царский жил.

Рек визирь: "Сегодня солнце гостем сделалось моим!
Светлый знак добро вещает, значит небом я любим".
Он уважил Автандила восхвалением большим.
Гостю должно быть желанным, а хозяину благим.

С обхожденьем благородным тот советник был знаком,
И легла под ноги гостю ткань хатайская ковром.
Как светило землю, витязь осветил собою дом,
И рекли: "Дыханье розы, ветром данное, вдохнем!"

Сел, Сердца затрепетали, восхищенья не тая;
Видя блеск, с ума сходили, доходя до забытья;
Удивлялись и вздыхали, слезы радости лия,

Но уйти им повелели; удалилась вся семья.

Обратил к визирю витязь речь сердечную свою:

"Царских тайн хранитель, ходишь ты по царскому
жилию,

Царь, какую пожелаешь, просьбу выполнит твою.

Что лечимо, залечи мне! Ран сердечных не таю.

Я того героя горем бурнопламенным палим,

Без него я погибаю; мой прекрасный побратим,

Он во мне души не чаял, и в долгу я перед ним.

Независтливый и щедрый, друг да будет дорогим!

Расстилаясь в сердце сетью, жажда встречи возросла.

Там остался друг любимый, чья наружность столь светла,

Что взирающего греет силой света и тепла;

И Асмаат себя сестрою Автандила нарекла.

Уезжая, дал я клятву перед небом и землей:

"Я приеду и увижу непоблекший облик твой;

Для тебя ищу я света, друг, окутавшийся тьмой".

Час отъезда наступает, предо мною – путь прямой.

Только правду изрекаю, не хвалюсь я, видит бог!

Там он ждет, а я не еду, словно другом пренебрег.

Знай, горящего, горящий, не предаю огню тревог!

Где же клятвы нарушитель торжества достигнуть мог?

Доложи ты Ростевану, во дворец пойди к нему;

Головой его клянусь я, голос к небу подниму!
Коль не свяжет – я отправлюсь, свяжет – буду ни к чему,
Помоги мне, чтобы сердце не низвергнулось во тьму!

Доложи: "Тебя прославит всякий, кто правдив и строг!
Как страшусь я, пусть покажет сам источник света – бог!
Но меня тот витязь юный, тот прекрасный тополь сжег,
Навсегда красою сердце пораженное привлек.

Без него я жить не в силах, слово горестное взвесь!
У него оставив сердце, вновь к нему стремлюсь я весь.
Коль помочь ему сумею – ты прославлен будешь здесь,
Не нарушится присяга, повторяемая днесь.

Пусть же вас не опечалит мой негаданный уход,
Пусть я, путник, испытаю, что создатель мне пошлет,
Пусть господь мне даст победу, вам же вашего вернет;
Вы господствуйте во славе и не ведайте забот!"

Вновь сказал подобный солнцу: "Ты явись его очам
До прихода приближенных, доложи, припав к стопам;
Отпуск вымоли спаспету, не щади себя ты сам.
Золотых за то в награду я тебе сто тысяч дам".

Отвечал визирь со смехом: "Придержи свое, спаспет;
И того с меня довольно, что навел меня на след,
Лишь услышит царь об этом, озарит визиря свет:
Наградит меня по-царски, а добро стяжать – не вред.

Им клянусь, меня убьет он, в тот же миг, на месте том;
Ты останешься со златом, я же стану мертвецом.
Хоть убей, а лучше жизни ничего мы не найдем.
Нет, такого не скажу я, хоть пронзи меня мечом!

Не пойду к нему напрасно жизнью жертвовать своей.
Царь накинется и крикнет: "Отчего же ты, злодей,
Не сказал ему о дерзкой пустоте его затей?!"
Жить приятней, чем погибнуть, – это мне всего ясней.

Если царь отпустит – рати не обманешь ты, спасет,
И зачем же отпускать им расстилающего свет?
Ты уйдешь, а нас потопчет враг, в Аравию вошед.
Как орлом не станет голубь, так тебе исхода нет".

Молвит юноша сквозь слезы: "Поражу себя ножом!
О визирь, ты, очевидно, с чувством дружбы незнаком!
Или ты нигде не видел клятвой связанных вдвоем?
Если видел, как сулишь мне свет в разлуке с белым
днем?!"

Солнце чудное очнулось; думал, вряд ли оживет;
Если мы ему поможем – нам лучи оно пошлет,
Кто ж верней меня изведаль, в чем несчастье, в чем
исход!
Разговор с людьми дурными только горе принесет.

Чем служу царю и войску я, терзаясь всё сильней,
Ливни слез неистошимых источая из очей?

Лучше я поеду; клятва – испытание друзей.
Он изведаль все страданья, убивавшие людей.

Как стерпеть сумело сердце свой немолчный плач и стон?
Будешь, будучи железным, легче воска размягчен;
Не воздашь ему за слезы, хоть из глаз излен Джеон.
Помоги мне, и не будешь мною помощи лишен.

Не отпустит – не останусь, тайно сяду на коня,
За того безумца кинусь в средоточие огня.
Знаю, царь тебя не будет обижать из-за меня.
Отправляйся ради дружбы, в сердце мужество храня!"

Рек визирь: "Меня затронул неумный пламень твой;
Для тебя я постараюсь, хоть бы рухнул мир земной!
Иногда полезно слово, но и пагубно порой.
Чтоб тебе прибавить жизни, я пожертвую собой".

Ко двору визирь тотчас же устремился напрямик.
Царь сидел уже одетый, и сиял владыки лик.
Опечалить не решаясь, придержал визирь язык,
Как сказать ему, не ведал и в смятении поник.

Царь, его безмолвным видя, соизволил спросить:
"Что же так тебя смутило и заставило грустить?"
Отвечал визирь: "Не знаю, что и как вам доложить...
Вы глашатая такого вправе будете убить.

Властелин, моей заботой трепет сердца побежден.

Я страшусь, хотя не должен быть посланец уstraшен.
Автандил уйти желает, он тоской отягощен,
Жизнь в разлуке с тем скитальцем ни во что не ставит
он".

Убеждал царя он речью осторожною такой:
"Передать я вам не в силах, как болеет он душой,
Как терзается и плачет столь прославленный герой!
Вправе будете вы гневом разразиться надо мной".

Царь, услышав это, сразу стал запальчив и сердит,
Содрогаясь и бледнея, он свирепый принял вид,
Закричал: "Лишь сумасшедший так со мной заговорит!
Раньше всех узнать дурное человек дурной спешит.

Поспешил ты, словно радость, принеси печаль сюда.
Лишь убийца тайный больше смог бы сделать мне вреда.
Как язык твой повернулся? Слуг таких иметь – беда!
Ты визирем быть не можешь, не годишься никуда!

Разве раб робеть не должен пред лицом своих господ?
Разве должно пустословью предаваться без забот?!
Пусть оглохну, не услышу, как болтает сумасброд!
Коль убью тебя, безумца, на меня же кровь падет!

Если б ты не Автандилом был сейчас подослан к нам,
То пришлось бы распрощаться с головой твоим плечам.
Прочь, безумец, вон отсюда! Что за дерзость, что за
срам!

Полюбуйтесь человеком, чьи слова равны делам!"

Стул схватил Ростен и в стену бросил, вдребезги разбил,
Промохнулся, злобно глянул и во гневе возопил:
"Как дерзнул мне доложить ты, что уедет Автандил?"
Задрожал визирь, слезами щеки бледные облил.

Произнести не в силах слова, ош, ущая страх и стыд,
Как лисица прошмыгнул он, пожелтевший от обид.
Вышел в страхе царедворец. Так беду язык творит.
Больше, чем врагу противник, человек себе вредит.

Он подумал: "Наказует за грехи меня благой.
Ах, зачем я так зазнался, стал заносчивым слугой!
Коль войдет к нему кто-либо снова с дерзостью такой,
Пусть его постигнет то же и утратит он покой!"

Так домой визирь вернулся, проклиная свой удел.
"Как тебя благодарить мне, – он спаспегу прохрипел, -
Что сегодня ради дружбы я успех такой имел?
Жизнь и счастье потерял я, положил всему предел".

Как шутить еще он может, словно горем не убит?
Он сквозь слезы Автандилу о подарке говорит:
"Тот хадатая обидит, кто его не одарит,
Ибо сказано: "Пред взяткой даже ад не устоит".

Как меня бранил владыка – передать не станет сил:
Он меня и злым, и глупым, и безумным объявил.

Обещен я навеки. Всё погубило, Автандил!
Одному лишь удивляюсь, как меня он не убил!

Хорошо я знал, что делал, и, представ перед царем,
Я предвидел, что беседа не окончится добром.
Кто спасется, если роком он к гибели влеком?
За тебя я рад погибнуть, мне мученье нипочем!"

"Не могу я не уехать, – отвечал ему спаспет, -
Соловью не надо жизни, коль увянет розы цвет;
Чтоб найти ей каплю влаги, он обыщет целый свет;
Чем же сердце он излечит, коль нигде лекарства нет?"

Без него мне жизнь постыла, силы нет ее терпеть;
Предпочту, в лесах скитаясь, одичать и озвереть.
Здесь, как воин заболевший, чем полезен буду впредь?
Без друзей остаться лучше, чем унылого иметь.

Вновь скажу царю, какая б ни грозила мне беда,
Что за огонь меня снедает, пусть рассудит он тогда.
Если снова не отпустит, тайно выведу туда,
Иль моя, со мною вместе, знай, закатится звезда".

Царедворец тот устроил в честь спаспета пир горой
И поднес ему подарки, поражавшие красотой;
Свиту гостя одарил он также с щедростью большой.
На закате распрощались, гость отправился домой.

Дома тысячу червонных солнцеликий отсчитал,

Триста штук атласа – щедрость, всех достойная похвал, -
Шестьдесят камней бесценных, чей оттенок нежно-ал,
И в подарок царедворцу с человеком отослал.

Повелел сказать визирю: "Да прославится твой дом!
Что найду в отплату? Стал я неоплатным должником.
Если жить дано – останусь вечно я твоим рабом,
Чтоб любовь моя с твоею поравнялася потом".

Доброту его большую восхваляю многократ;
Поступал всегда достойно он, достойный всех наград.
Пусть нуждающимся братьям так всегда благотворят, -
Ведь в нужде бывает нужен человеку друг и брат!

СКАЗ 20

БЕСЕДА АВТАНДИЛА С ШЕРМАДИНОМ ПЕРЕД ТАЙНЫМ ОТЪЕЗДОМ

Шермадину светозарный Автандил вещает весть:
"Наступает день счастливый, чтобы радостям расцвести.
А тебе дает он случай заслужить на службе честь",
Чтобы повесть их прославить, надлежит ее прочесть.

"Царь и слушать не желает про желанный мне уход, -
Очевидно, он не знает, кто, зачем и кем живет.
Мне без друга жизнь и дома, и вдали – тягчайший гнет.
Никому на злое дело бог согласия не дает.

Я зарока не нарушу – слышит речь мою творец;
Обещанье забывая, забывает бога лжец.
С ним в разлуке стало сердце самым скорбным из
сердец,
Все утехи оттолкнуло и измучилось вконец.

Есть три рода доказательств, чтобы дружбу доказать:
Горькой мучаясь разлукой, вечной близости желать,
Щедро всё без сожаленья дорогому отдавать,

Угождать ему и счастья для него везде искать.

Но не буду многословен, день сегодня не такой,
Мне одно лишь остается – мчаться тайною стезей;
Перед скорым расставаньем обещаю, служитель мой,
Свято выполнить в разлуке завещаемое мной!

Ты слугою царским станешь по отбытии моем.
Прояви своих достоинств высоту перед царем.
Предводительствуй войсками, охраняй добро и дом,
Будь и впредь таким усердным и рачительным рабом!

Охраняй границы наши, укрепись, не оскудей,
Не скупись для слуг усердных, а неверных не жалеи.
Возвратясь, тебя за службу награжу я всех щедрей.
Власть имущему полезных как не жаловать людей?"

Шермадин, рыдая горько, отвечал ему с тоской:
"Не боюсь один остаться, господин пресветлый мой,
Но когда тебя не будет – облачится сердце тьмой...
Послужу тебе, чем хочешь, коль возьмешь меня с собой!

Кто слышал, чтоб одинокий совершал подобный путь,
Чтоб от горя господина раб стремился ускользнуть?
Будет подлостью скитальца издалека помянуть".
Автандил сказал: "Слезами не смягчишь меня ничуть.

Я в тебе не сомневаюсь, не боишься ты забот,
Но твои стремленья тщетны – жизнь по-своему идет.

Мой дворец кому доверить, если ты уйдешь в поход?
Нет! Велю тебе остаться близ властительных господ.

Я, любовью распаленный, к одиночеству влеком.
Разве можно быть на людях слезы льющему ручьем?
Думать некогда о смерти сердцу в бегстве роковом.
Так-то создан мир мгновенный, наконец уверься в том.

По отъезде, как и прежде, продолжай меня любить.
Сам себе приду на помощь – враг не сможет утратить.
Даже в бедствиях отвагу муж обязан сохранить,
Он в постыдном положении никогда не должен быть.

Жизни сей ценою равен перезревший огурец.
Ради друга я с весельем встречу дней своих конец.
Как, отпущенный светилом, здесь останется беглец?
И кого же не покинет, кто покинул свой дворец?

Я тебе для Ростевана завещанье передам,
Да хранит тебя властитель, навсегда любезный нам!
Коль погибну, не теряйся – это на руку врагам,
Но оплачь меня, как должно плакать преданным
сердцам!"

СКАЗ 21

ЗАВЕТ, ОСТАВЛЕННЫЙ РОСТЕВАНУ АВТАВДИЛОМ ПЕРЕД СВОИМ ТАИНЫМ ОТЪЕЗДОМ

"Ныне сел я, полный скорби, начертать тебе завет,
Снова к солнцу устремляюсь, расточающему свет.
Если с пламенным не встречусь – для меня спасенья нет.
Ты пошли благословенье и прощание вослед!

Знаю, после не осудишь, хоть поступок мой неждан.
Разве мудрым будет брошен друг в огне сердечных ран?
То, что сказано Платоном, не забудь, о Ростеван:
"Вслед за телом губят душу двоедушье и обман".

Коль во лжи лежит начало всех несчастий и утрат,
Как могу в беде покинуть друга, лучшего, чем брат?
Надругательство над дружбой – это с мудростью разлад:
Ведь с божественным порядком нас науки единят.

Царь, апостолов читал ты, о любви они твердят,
Прославляют, объясняют, сердцу знание дарят.
"Нас любовь возносит!" – миру неспроста они гласят.

Ты не веришь, как же неуч этой правде будет рад?

Кто создал меня, тот волен в битве дать мне торжество;
От его незримой силы всё земное не мертво.
Он, бессмертный, властен мощью помышленья своего
Одному дать силу сотни, сотне – слабость одного.

То, что богу не желанно, не исполнится вовек.
Коль цветков не видит солнца, то наряд его поблек.
Льнут к чудесному все очи и сомкнуть не могут век.
Без него и я не в силах до конца дожить свой век.

Не сердись, что повелению твоему я изменил:
Мне, как пленному, в томленье пребывать не стало сил.
Кроме бегства, я, палимый, чем бы пламя погасил?
Где бы ни был я, мне воля и простор открытый мил.

Слезы горю не помогут, понапрасну их не лей,
Предрешенное не сходит с предначертанных путей.
Не ропща встречать нам должно все невзгоды жизни сей,
Из телесных кто способен избежать судьбы своей?

Да приидет всё, что вышний начертает надо мной,
И вернусь, приемля в сердце, вместо горести, покой.
Пусть, пирующих, найду вас в блеске славы боевой,
Мне ж, коль другу буду в помощь, славы надо ли иной?

Пусть беда меня настигнет, коль достоин я суда.
Царь, ужель на ясный лоб твой ляжет гнева борозда?

Если друга я забуду, то под бременем стыда
Как лицом к лицу в надмирном мире встречу с ним
тогда?

Дума долгая о друге сердцу зла не принесет.
Проклинаю пламя лести, сокрывающее лед.
Как державному герою друг единственный солжет?
Кто презренней ратоборца, опоздавшего в поход?

Кто презренней ратоборца, приходящего на брань
И дрожащего от страха, видя близкой смерти длань?!
Человек трусливый сходен со старухой, ткущей ткань.
Всех стяжателей богаче, кто стяжает славы дань.

Нет дороги, что для смерти показалась бы узка,
Слабых с мощными равняет и разит ее рука,
Зарывает прах младенца вместе с прахом старика.
Жизнь покрытого позором горше смерти смельчака.

А теперь, о царь, подходит слова трудного черед.
Слаб, кто каждое мгновенье той безжалостной не ждет,
Что, сливая ночь и полдень, в каждый дом находит вход.
Помяни меня, державный, если жизнь моя уйдет!

Если буду я погублен беспощадною судьбой,
Если в странствии безвестном припаду к земле сырой,
Путник, в саван не одетый, не оплаканный родней, -
Пожалей меня, властитель, всепрощающе-благой!

Раздари мои богатства, пусть сойдутся все на зов:
Сделай бедных богачами, отпусти моих рабов,
Обеспечь несчастных сирот, нищих, немощных и вдов.
Будет каждый одаренный помянуть меня готов.

Из того, в чем для владыки не окажется нужды,
Часть отдай на богадельни, часть на новые мосты.
Пусть наполненные станут все хранилища пусты.
Кто мое потушит пламя, если в том откажешь ты?

От меня уже известий не получишь ты потом,
Я тебе вверяю душу завещательным письмом.
Никому не будет прока в сделке с дьяволом-лжецом.
Дай прощенье, ибо тяжба невозможна с мертвецом.

Будь не строг с моим подручным, Шермадином дорогим;
Этот год он долгим рядом бедствий яростных язвим;
Успокой своею лаской столь привычного к моим,
Чтобы слез кровавых токи не струил, тоской палим.

Вот рукой моей подписан этот горестный завет;
Я бегу с безумным сердцем вожделенному вослед.
О цари! Не облакайтесь мглой моих докучных бед
И на страх врагам царите без печали много лет".

Дописал и к Шермадину обратился он потом:
"Отнеси к владыке это и поведай обо всем,
Ты в усердии великом несравненным был рабом".
Он, обняв слугу, излился слез кровавым родником.

СКАЗ 22

МОЛИТВА АВТАНДИЛА ПЕРЕД ТАЙНЫМ ОТЪЕЗДОМ

Он молитву произносит: "Боже неба и земли,
Приближающий утехи, наступающий вдали,
Всех властителей властитель, истомленному внемли!
Ты, царящий над страстями, силу сердцу ниспошли!

Роком грозным разлученный с блеском солнечных
лучей,
Я молю тебя, владыка неба, суши и морей,
Для любви любовь создавший и законы давший ей,
Не давай любви угаснуть у возлюбленной моей!

Мой единый покровитель, вездесущий, всеблагой,
Защити меня в дороге, огради своей рукой
От врагов, от ураганов и от нечисти ночной!
Если выживу, то жертвы принесу тебе с хвалой".

Сел на лошадь, помолившись, тайно выехал он в путь;
Отпустил и Шермадина; горя вновь пришлось хлебнуть.
Слезы льет слуга усердный, бьет себя нещадно в грудь, -
Как, не видя господина, сможет раб легко вздохнуть?

СКАЗ 23

ЦАРЬ РОСТЕВАН УЗНАЕТ О БЕГСТВЕ АВТАНДИЛА

Я начну иную повесть, поспешу за беглецом.
В день тот не было приема: во дворце своем пустом
Изрыгал, казалось, пламя царь, снедаемый огнем.
Привели визиря; в страхе он трепещет пред царем.

Устрашенного увидев, царь тотчас же объявил:
"Всё сегодня позабыл я, что вчера наговорил;
Я в сердцах не удержался: так меня ты рассердил,
Что усердного визиря бессердечно я бранил,

Что хотел он? И о чем ты приходил здесь умолять?
Ведь известно, огорченье – огорчений многих мать.
Знай, оплошности подобной ты не должен повторять.
Мне подробно о вчерашнем расскажи теперь опять".

И визирь доклад вчерашний повторил перед царем.
Властный, выслушав, спاسету передать велел потом:
"Будь я Левием-евреем, если ты богат умом!
От тебя я отрекаюсь, коль напомним вновь о том!"

Не нашел нигде спасета тот, покинувший царя,

Но когда пришли, о бегстве со слезами говоря,
Молвил: "Как явлюсь к владыке, от вчерашнего горя?
Пусть докладывает смелый; я осмеливался зря".

Царь визиря не дождался и послал за ним тогда.
Раб, узнав дурные вести, разомкнуть не мог уста.
Над смятенным Ростеваном всё сгущалась темнота,
Молвил он: "Бежал, наверно, выходящий против ста!"

Он задумался и, горем угнетаемый, поник;
Оглушил слугу владыки негодующего крик:
"Приведи лжеца, и снова пусть развяжет он язык!"
Возвратясь к царю, советник был смущен и бледнолик.

Во дворец визирь явился с опечаленным лицом,
Царь спросил: "Исчезло снова солнце в сумраке
ночном?"
Рассказал визирь подробно, как ушел герой тайком:
"Озарявшийся лучами день окончился дождем".

Своды криком оглашает старец в горести своей,
Рвет он бороду в порыве, удивляющем людей:
"О питомец, ты навеки от моих ушел очей!
Ах, куда ты закатился, золотой венец лучей?"

Ты не будешь одиноким, находясь с самим собой,
А Ростену лишь недуги будут посланы судьбой;
И кому я буду нужен с искаженной душой,
Полный мук неизъяснимых, в беспросветности ночной!

Не увижу, как с охоты мчишься весело домой;
Наигравшись, тополь стройный, не предстанешь предо
мною,
Здесь не будет раздаваться сладкозвучный голос твой.
Без тебя престол не нужен и господство над страной!

Не умрешь ты, ускакавший в чужедальние края,
Знаю я, тебя прокормят стрел твоих же острия,
Но ужель неисцеленной боль останется моя?
Коль умру с тобой в разлуке, кем оплакан буду я?"

Весть разносится повсюду, ко дворцу спешит народ,
Царедворцы в исступленье не щадят своих бород,
Лица яростно терзают, по ланитам кровь течет,
Говорят: "Светило скрылось, тяжек сумрака приход!"

Царь, вельмож своих увидев, зарыдал, тоской палим,
И промолвил: "Солнце стало для Аравии скупым:
Чем его мы огорчили? Для чего ушло к другим?
Кто сберечь сумеет войско, здесь оставленное им?"

Все оплакивали долго солнцеликого уход;
Царь спросил: "Один уехал иль подвластных взял в
поход?"
Вот робеющий, смущенный Шермадин к нему идет
И, рыдая, завещанье Автандила отдает.

Говорит: "Нашел я это, заглянув в его альков;

Ныне все осиротевший мы оплакиваем кров,
Он сокрылся потаенно и не взяв проводников.
Осудить меня вы вправе, ныне к смерти я готов!"

Завещанье прочитали, зарыдали вновь.
Потом Всем войскам одеться в траур было велено царем:
"Ныне сироты и вдовы пусть помолятся о нем,
Чтобы странника всевышний вел счастливейшим
путем".

СКАЗ 24

ВТОРИЧНЫЙ ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА И СВИДАНИЕ ЕГО С ТАРИЭЛЕМ

Уходя от солнца, ярче разгорается луна,
Солнце жжет ее, приблизясь, уплывает вдаль она,
Но без света роза вянет, жаркой ласки лишена, -
Так с возлюбленной разлука будит горести от сна.

Я начну рассказ о бегстве, за скитальцем проследим.
Едет он и горько плачет, злой разлукою казним,
Озираясь, молит солнце беззакатно быть над ним,
Оторвать не может взора, предается мукам злым.

Так в беспамятстве не мог он языком пошевелинуть,
Из очей волнами Тигра слезы падали на грудь,
Обращался вспять порою, чтобы сердце обмануть,
А когда вперед стремился, был слезами застлан путь.

Молвил: "Проклят, кто спокоен, потеряв красу лучей!
Пусть и сердце к ней вернется, раз остался разум с ней.
Взор со взором жаждет слиться, слезы льются из очей,
Лучше любящим отдаться огневой любви своей!

Чем утешиться смогу я? Без единственной как быть?
В жажде смерти не прерву я этой жизни жалкой нить,
Ибо смерть моя могла бы облик солнца омрачить.
Лучше с жизнью помириться, боль слезами облегчить".

Солнце, образ светлой ночи! Ведь в тебе отображен
Тот один, единосущный и стоящий вне времен,
Чей и сонмы звезд смиряет неизменчивый закон!
От меня твой лик прекрасный да не будет отвращен!

Ты, кого за образ божий встарь философы сочли,
Мне, закованному в цепи, милосердье ниспосли!
Я при поисках рубина потерял эмаль вдали;
Близость жгла, огни разлуки сердце смерти обрекли".

Как свеча, горел и таял всадник, сердце сокрушив,
Опоздания страшился, страстный мчал его порыв,
В темный вечер восторгался, как небесный свод красив,
Вел со звездами беседу, их с возлюбленной сравнив.

Заклинал луну страдалец грозным именем творца:
"Ты влюбленных вдохновляешь, страсть влагаешь в их
сердца,
Знаешь средство, как с терпеньем не расстаться до
конца,
Лик, тебе подобный, встретить дай зеницам беглеца!"

Витязь радовался ночи, предпочтя заре закат,

И с коня сходил, увидя вод стремительных каскад,
С ними смешивал он реки слез, не знающих преград,
И опять в седло садился, жаждой странствия объят.

Телу тополя подобный источал потоки слез;
По ущельям пробираясь, убивал он диких коз,
У костра вкушал и дальнее сердце раненое нес,
Говорил: "Фиалки ныне заменили яркость роз".

Передать я не сумею жалоб, высказанных им;
Мы слова тех уст прекрасных только с перлами сравним!
Розу казни предавал он, снег – потокам кровавым,
Вид пещер его утешил, поскакал скиталец к ним.

От восторга растерялась та, чья преданность крепка,
Из очей ошеломленной вышла слезная река;
Обнял деву прискакавший в этот край издалека.
С долгожданным человеком радость встречи велика.

"Где владыка твой сокрылся?" – молвил женщине ездок.
Шумно к морю покотился из очей ее поток.
"Ты исчез – и он умчался, оставаться здесь не смог".
Я в неизвестности тяжелой пребываю долгий срок!"

Простонал спаспет, печалью распалемый опять:
"Ах, таким одна лишь гибель в состоянье благо дать!
Не солгал я Тариэлю; как решился он солгать?
Если выполнить не в силах, для чего же обещать?"

Я скорбел без побратима, он же мною пренебрег,
Позабыл меня он скоро, горя вынести не смог.
Как забвению он предал данный верному зарок?
Но зачем дивлюсь я, видя мне сопутствующий рок?"

"Хоть печаль твоя уместна, – молвит юноше она, -
Не сочти меня пристрастной, буду истине верна!
Чтобы выполнить обеты, разве воля не нужна?
Он же твердости лишился, только смерть ему красна.

Воля, сердце и сознание цепью связаны одной:
Если воля исчезает, остальных берет с собой.
Человек, утратив сердце, жизнью брезгует людской.
Ты не знаешь, что за мукой он терзаем огневой!

Можно гневаться, не встретишь брату с братом дорогим,
Но не знешь ты, насколько господин мой стал иным,
Ведь язык иссохнет, сердце изведется перед ним;
По тому сужу, что видеть довелось очам моим.

О его страстях услышав, задрожит и хладный прах,
Даже камни вздрогнут, видя облик сладостный в слезах.
Что и Тигр вместить не смог бы в необъятных берегах;
Впрочем, прав ты, что ни скажешь, – всякий мудр в чужих делах.

Знай, когда он в путь собрался, спросила я тогда:
"Что же делать Автандилу, как приедет он сюда?"
Молвил: "Пусть меня отыщет, я не скроюсь без следа,

Этих мест не брошу, клятву не нарушу никогда.

Мой обет не будет мною позабыт иль обойден.
Буду ждать его до срока, умножая плач и стон;
Коль найдет мой труп, да буду добрым братом погребен,
А когда в живых застанет, удивиться должен он!"

Так свершилось расставанье солнца красного с землей;
На равнину льются слезы бесконечною рекой;
Обрекаемая роком, что я сделаю с собой?
Я, увы, забыта смертью и растерзана судьбой!

Есть в земле китайской камень и начертано на нем:
"Не разыскивая друга, станешь сам себе врагом.
Прежде с розой несравнимой стал шафрановым потом.
Сделай то, что подобает, поищи его кругом"".

Витязь молвил: "Осудила ты упрек неправый мой,
Но пойми, что я для друга был усерднейшим слугой.
Бросив дом, к нему я мчался, как олень на водопой,
И разыскиваю друга средь полей, объятых мглой.

Был я там, где в перламутре беспримерный перл сокрыт,
И ушел, не наглядевшись на расцвет ее ланит;
Омрачил я бегством старца, что в Аравии царит,
И за все его щедроты дал в отплату боль обид.

Изменил царю, что к славе приближал меня, взрастив,
Что, как небо, щедр, возвышен, всемогущ и справедлив;

Изменил ему, умчался, дерзкий выказав порыв,
Божьих благ не жду я больше, пред кормильцем
согрешив.

Из-за друга я на сердце принял тяжкий этот гнет:
Днем и ночью поспешал я, чтоб ускорить свой приход.
Но спешил я понапрасну, и потерял снова тот,
И сквозь слезы вижу тщетность мной испытанных
невзгод.

Оборвем беседу, ибо мчится времени ладья;
Слову мудрого покорный, о былом не плачу я.
Будет мною найден друг мой или злая смерть моя,
Как начертано судьбою в темной Книге бытия".

Смолк и вдаль, скорбя, поехал, чтобы выполнить обет;
Миновав поток и чащу, в поле выехал спаспет.
Бушевал холодный ветер, блекнул розы алый цвет.
Он судьбу корил: "Зачем ты от меня сокрыла свет?"

Вопрошал творца: "Что сделал я, не знающий грехов,
Что с любимыми жестоко разлучен тобою вновь?
За двоих один страдаю, жжет вдвойне меня любовь,
И не стану сожалеть я, коль моя прольется кровь.

Друг изранил так неожиданно сердце мне шипами роз,
Обещанья не исполнил и страдание принес.
Грозный рок, разлука эта горше всех твоих угроз!
Ах, другой ему в замену в мире этом не возрос".

"Горю мудрого дивлюсь я, – снова молвит свет очей, -
Ни к чему рыданиям долгим предаваться средь полей.
Лучше дело мне обдумать, чтобы действовать верней,
Чтобы статное светило отыскалось поскорей".

Так с собою говорил он и блуждал в краю чужом,
Звал, кричал, искал собрата черной ночью, белым днем;
Он в три дня объехал дебри, оглядел поля кругом,
Но не встретил Тариэля, не узнал нигде о нем.

Воскликнул: "О боже правый, чем тебя прогневал я?
И за что тобой от сердца все оторваны друзья?
Просьбу выслушай одну лишь, вездесущий судия:
Сократи мои страдания, пусть прервется жизнь моя!"

СКАЗ 25

АВТАНДИЛ НАХОДИТ ТАРИЭЛЯ, ЛЬВА И ТИГРИЦУ УМЕРТВИВШЕГО

Снова юноша, рыдая, до вершины путь вершит,
А внизу в лучах заката дальний дол меняет вид.
Перед порослью, чернея, конь разнузданный стоит.
"Это он!" – воскликнул витязь, и зарделся цвет ланит.

Лишь увидел побратима, засиял он ярким днем,
Сразу радость разгорелась и погасло горе в нем.
Солнце розу озаряет, и хрусталь горит огнем,
Словно вихрь, в долину мчится всадник, сросшийся с
конем.

Витязь видом Тариэля был безмерно поражен:
Там сидел, как перед казнью, с искаженным ликом он,
Бледный, с грудью оголенной, весь изранен, обагрен;
Жизни грань перешагнул он, погруженный в грозный
сон.

Слева меч в крови валялся и лишенный жизни лев,
Распластался бездыханный справа тигр, окоченев;

Витязь был меж них безмолвен, совершая слезный сев;
Не угас губящий пламень, скорбным сердцем овладев.

Тариэль в оцепененье тяжких век не мог поднять,
Приближалась гибель к сердцу, что устало тосковать.
Автандил напрасно кличет: спит гишерных копий рать.
Соскочив с коня, спешит он другу дружбу доказать.

Другу слезы отирает, преисполненный забот,
И, подсаживаясь, кличет, громким голосом зовет, -
Неужели не узнает призывающего тот?
Обомлевший не внимает, даже бровью не ведет.

В повествуемом от правды я нигде не отступил.
Возвратил сознание другу понемногу Автандил,
Тот узнал, вскочил и брата вмиг в объятия заключил.
Видит бог, ему подобных в небе не было светил.

Тариэль сказал: "Не лгал я, был с тобой правдив и прям,
И живой, исполнив клятву, я предстал твоим очам,
Но уйди, остаток жизни горю и тоске отдам.
Погреби, не дай останков на съедение зверям!"

Витязь молвил: "Что с тобою? Что творишь ты над собой?"

Кто из смертных не метался в вихре страсти огневой?
Но как ты не поступает исступленный никакой,
Ты себе желаешь смерти, совращенный сатаной!

Мудрых знать обязан мудрый, их совет одноглас:
Надо быть мужчине твердым и поменьше сеять слез;
Надо в горестях окрепнуть, словно каменный утес!
В жизни каждый переносит то, что сам себе принес.

Ты хоть мудр, но преступаешь предписание мудрецов,
Что найдут в пустыне очи, источающие кровь?
Если мир возненавидишь, позабудь свою любовь!
Для чего, могучий, плачешь, растравляешь рану вновь!

Кто любви не поддавался, кто от страсти не горел,
Сердце чье не трепетало от ее крылатых стрел?
Для чего же убиваться? Горе всем дано в удел,
Кто, с шипами не встречаясь, алой розой овладел?

Розу спрашивали: "Кем ты столь прекрасной возвращена
И зачем шипами ранишь?" Так ответила она:
"Горечь сладкому научит. Редким – редкая цена,
Красота утратит прелесть, если будет всем дана".

Если, сердца не имея, роза истину рекла,
Как изведает блаженство тот, кого любовь не жгла?
Где добро на свете видел ты без горести и зла?
Беспримерными находишь ты обычные дела.

Друга верного послушай, на коня теперь садись,
От безрадостных видений поскорей освободись;
Нежелаемое сделай, обрати ты очи ввысь,
Чтобы светлые надежды в темном сердце родились!"

Тариель сказал: "От боли я лишаяюсь языка,
Ничему внимать не в силах, мука слишком велика!
Как подумал ты, что пытка мне, болящему, легка?
День отраднй наступает, смерть желанная близка.

В лютых муках умирая, обращаюсь я с мольбой:
Пусть разъятых миром этим сочетает мир иной,
Чтобы встретились мы снова на дороге неземной!
О друзья, меня засыпьте вы могильною землей!

Как любимую покинуть воспылавшему огнем!
К ней иду, навстречу выйдет осиянная лучом,
И, сойдясь в потоках света, слезы радости прольем...
Сотню выслушай советов – сердца слушайся во всем!

А теперь тебе хочу я объявить еще ясней:
Брат, оставь меня, я тещусь близкой гибелью своей!
Мне, объятому безумьем, смерть милее жизни сей,
Существо мое распалось, я вступаю в сонм теней.

Что сказать, не разумею, всё невнятно мне, поверь!
Миг единый жить осталось в мире скорби и потерь.
Пуще прежнего противным свет мне кажется теперь,
И в заплаканную землю для меня разверзлась дверь.

Кто мудрец? Зачем безумца именуешь мудрецом?
Уж давно рассталась мудрость с помутившимся умом,
Чахнет роза от разлуки с ярким солнечным лучом.

На покой спешу и спорить не хочу я ни о чем!"

Речь на все лады меняя, убеждал спаспет, как мог:
"Ты своею смертью дела не исправишь, видит бог.
О, не будь самоубийцей! Разве нет иных дорог?"
Но советами спаспета исступленный пренебрег.

Автандил сказал: "Не хочешь ты внимать моим словам,
Я сейчас тебя оставлю, ведь напрасно спорить нам.
Если жизнь тебе противна, поступай, как знаешь сам.
Лишь одну исполни просьбу". Волю дал спаспет слезам.

"Я оттуда, где гишером украшается хрусталь,
Удалился, не промешкав; поскакал я в эту даль,
Своеволием повергнув своего царя в печаль.
Где же радость обрету я, коль тебе меня не жаль?"

Не гони меня отсюда с сердцем, раненным вдвойне,
Дай мне раз еще увидеть Тариеля на коне!
Может быть, удастся этим успокоить сердце мне;
Я тогда тебя оставлю и помчусь к родной стране".

"На коня садись!" – молил он, оросив слезами дол,
Чтоб ездою быстрой витязь душу скорбную отвел.
Опускал шатры гишера тростника склоненный ствол.
Убедил он Тариеля и от радости расцвел.

"Приведи коня, я сяду", – был ответ спаспету дан.
Усадил страдальца витязь, тайным счастьем осиян;

На коне заколыхался Тариеля статный стан;
В поле стала уменьшаться злая боль сердечных ран.

Автандил его беседой несравненной развлекал,
И красиво шевелился драгоценных уст коралл;
И старик помолодел бы, если б речь его слышал.
Грусть рассеивал прекрасный и терпенье возвращал.

Лишь заметил исцелитель, что болящий облегчен,
Был нежданною отрадой облик розы озарен.
Так для мудрых врач приятен, а для глупых в тягость он.
Словом, сказанным разумно, неразумный осужден.

И, беседу продолжая, говорил ему спаспет:
"Будь со мною откровенен и пролей на сумрак свет:
В честь возлюбленной ты носишь на руке своей браслет,
Этой маленькой вещицей дорожишь ты или нет?"

Тот ответил, омрачаясь от нечаянных речей:
"Он – единый охранитель жизни горестной моей,
Он земли, воды, растений, мира целого ценней!
Как ты мог сказать такое, что и укуса кислей!"

Витязь молвил: "Угадал я, что уста проговорят.
На твои слова ответить я без лести буду рад:
Лучше было вещь покинуть, чем усердную Асмаг.
Неудачно сделан выбор, непохвально это, брат.

Ты хранишь браслет, что спаян златоделовой рукой;

Вещь бездушную, пустую почему-то счел святой.
Ты усердную отвергнул, что была с твоей луной,
Ты отвергнул ту, что стала самому тебе сестрой!

Вас она соединила, ты сестрой ее нарек,
И беседы удостоил, и доверием облек,
Был рабыне обреченьем госпожу настигший рок.
В чем ты видишь справедливость, если ею пренебрег?"

Тариэль ответил: "Правду ты изрек, любимый брат:
Сожаления достойна неизменная Асмат,
Ты успел унять мой пламень; близкой смерти был я рад,
Раз остался жив – поеду, хоть безумием объят".

И направились к пещерам пальмы, росшие в раю.
Перед ними я восторга до конца не изолюю!
В розах уст блеснули перлы в том безрадостном краю.
Можно речью сладкозвучной из норы извлечь змею.

Автандил сказал: "До гроба другом буду я твоим,
Но напрасно не терзайся ты безумием таким.
Не научишься у мудрых, уподобившись глухим.
Для чего тому богатство, кто не пользуется им?"

Не помогут вздыханья, бесполезных слез не лей!
Как без бога жизнь уменьшишь или сделаешь длинней?
Знай, три дня не вянет роза в ожидании лучей.
Если господу угодно, повстречаешься ты с ней".

Тот сказал: "Вселенной эти наставленья стоят мне!
Страшен глупому наставник, с умным – сдружится
вполне;
Но скажи, что делать, видя беды грозные одне?
Как, подобное познавший, хладно судишь об огне?"

Воск огню сродни и может загораться без труда,
Но и жгучий пламень гасит с ним несродная вода;
Не должна быть для страдальца чуждой ближнего бед;
Тает сердце Таризеля, как же боль тебе чужда?"

СКАЗ 26

ТАРИЭЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ АВТАВДИЛУ О ТОМ, КАК ОН УМЕРТВИЛ ЛЬВА И ТИГРИЦУ

"Расскажу тебе подробно происшедшее со мной,
А потом суди по правде, сердцем истину открой.
Истомленный ожиданьем, я не вынес пытки злой,
От пещер в поля поехал, распаляемый тоской.

Этих зарослей достиг я, вниз спустился я с высот.
Вижу: лев идет к тигрице и она к нему идет.
Как ведомые любовью, облегчали сердца гнет,
Но ужасен был и странен их свидания исход.

От заигрываний нежных перейдя к вражде опять,
Принялись они друг друга без пощады поражать,
Но как женщина тигрица обратилась быстро вспять,
И, борьбу распаленный, лев пустился догонять.

Льву сказал я: "Безрассудный, в чем же мужество твое
Если ты подругу мучишь и преследуешь ее?"
Я накинулся на зверя, извлекая лезвие,
И, по темени ударив, погрузил в небытие.

Меч отбросивши, тигрицу я в объятия заключил:
Целовать ее хотел я в честь светила из светил.
Лютый нрав острокогистой эту нежность отвратил,
Я убил ее во гневе, что сдержать не стало сил.

Тщетно силясь успокоить отвечающую злом,
Я схватил ее и наземь бросил в бешенстве глухом,
И, с возлюбленной своею ссору вспомнивши потом,
Чуть с душою не расстался я в страданье огневом.

Рассказал я всё о роке, не жалеющем обид.
То, что вид мой изменился, почему тебя дивит?
Я от жизни убегаю, но и смерть меня бежит!"
Он вздохнул и сбросил перлы на хрусталь своих ланит.

СКАЗ 27

ПРИЕЗД ТАРИЭЛЯ И АВТАНДИЛА В ПЕЩЕРУ И ВСТРЕЧА С АСМАТ

Плача, плачущему другу молвил юноша опять:
"Потерпи, не убивайся, для чего себя терзать?
Рок луну твою не сгубит; бог, творящий благодать,
Разлучить решив, не стал бы вас вначале сочетать,

Хоть случается влюбленным смерти жаждать, как венца,
Но отраду обретает претерпевший до конца;
Смертных к смерти приближает страсть, губящая
сердца,
Мудреца ума лишает, умудряет простеца".

Плачут сладостные взору и к пещерам путь вершат.
От восторга обезумев, подбежала к ним Асमत,
И по скалам покатился светлых слез ее каскад;
Причитающую обнял господин ее, как брат.

Воскликнула дева: "Боже, как чудны твои дела!
Ты с небес ниспосылаешь столько света и тепла.
И какая же прославит непостижного хвала?"

Не сгубили сердца слезы, что без них я пролила!"

"О сестра, – сказал прекрасный, – где же счастье без помех?

Слезы мир берет в оплату за веселие и смех,
Не отныне, а издревле так положено для всех.
Ты несчастна, мне же гибель всех желаннее утех.

Тот безумен, кто, возжаждав, будет воду проливать;
Ах, зачем очам несчастным в жгучей влаге утопать!
Странно лить из глаз потоки и от жажды погибать!
Цвета пышного лишает розу тления печать".

Автандил воскликнул в горе, вспомня облик дорогой:
"Как дышать еще могу я, от тоски полуживой!
Этой жизнью одинокой тяготится витязь твой, -
Если б знала ты, как тяжело сердцу в муке огневой!

Солнцем брошенная роза сохранит ли прежний цвет?
Что за жизнь, когда печально за холмы уходит свет?
Сердце, стань скалою твердой, будь бесстрашным в буре
бед, -
Может, свидеться придется с той, кому дало обет!"

Оба витязя умолкли, хоть огонь их не утих,
И Асмаг пошла с друзьями в тех же муках огневых,
Шкуру тигра, как обычно, разостлала для двоих.
Сели оба, и беседа обнадеживала их.

Дичь зажарив, приступили к скромной трапезе вдвоем:
Хлеба не было и крохи на пиру печальном том.
Тариэля приглашают, он же, в думках о другом,
Оторвет кусочек с драхму и глотнет его с трудом.

Хорошо, когда достойный речь приятную ведет;
Внемлют слушатели, слово ни одно не пропадет,
А затем ослабевают и тягчайшей скорби гнет.
Если высказано горе – облегченье настает.

Львы, не знающие равных, провели всю ночь вдвоем
И поведали друг другу о страдании своем.
Мгла рассеялась, и, встретясь с загорающимся днем,
Снова клятвой обменялись богатырь с богатырем.

Тариэль сказал: "Бесцелен лишних слов обильный град;
Жертв твоих величье только небеса вознаградят,
В полном разуме творимой нам довольно клятвы, брат.
Друг ушедший да не будет из груди моей изъят!

О, не будь столь беспощадным, вновь казненного казня;
Не из кремня выбит пламень, пожирающий меня,
Ты унять его не сможешь, сам падешь в поток огня...
Возвратись к тому светилу, что блистательнее дня!

И творец едва ли сможет сделать боль мою слабей;
Потому, поймите это, я ушел в простор полей!
Как разумному пристало, жил и я среди людей,
Но теперь лишен рассудка роковой судьбой своей".

Витязь молвил: "Что ответить? Согласиться я готов.
Ты сказал такое слово, что достойно мудрецов.
Как же ран твоих не может залечить творец миров,
Покровитель всех посевов и раститель всех ростков?"

Что же было делать богу? Вас такими он родил,
Вас он вместе не оставил, свел с ума, разъединил;
Но стерпевших все терзанья он скрестит пути светил.
Если ты ее не встретишь, да погибнет Автандил!

Как героем назовется, кто трудами уstraшен,
Кто откажется от горя, отвернется от препон?
Скуден мир, но щедр создатель, и тебе поможет он.
Умудрайся мудрым словом и уйми сердечный стон.

Если внемлешь, будь послушен, умоляю я тебя!
Я у солнца отпросился, Тариеля возлюбя;
Доложил ей: "Сердце страждет, о товарище скорбя,
Не могу я оставаться, горемычного губя!"

Та ответила: "Прекрасно это мужество, клянусь!
И, как службой мне, твоею службой славному горжусь".
Ощущал в разлуке с нею я полыни горький вкус.
Что отвечу, если спросит: "Почему вернулся, трус?"

Если с этим согласишься, будет лучше во сто крат.
Будь разумен, безрассудно дел труднейших не творят.
Что подарит жизни роза, созерцая свой закат?

Не себе, так мне поможешь. Поступай по-братски, брат!

Будь кем хочешь, где угодно, в состоянии любом,
Будь с разумным сердцем или с помутившимся умом,
С этой славною осанкой, с гордым станом и челом,
Но в огне старайся выжить, не сжигай себя живьем!

Умоляю, жди до срока: коль угодно богу так,
Через год войду с вестями я в пещерный этот мрак;
Усмотри в цветенье вешнем моего прихода знак.
Вздروгни, друг, заметив розы, словно слыша лай собак.

Если в срок я не приеду, не вернусь к тебе сюда,
Знай, что смерть меня застигла, совершилася беда,
И пойми, что мы с тобою разлучились навсегда.
Хочешь – радуйся, а хочешь – скорбь усиливай тогда.

Из-за сказанного мною не рыдай, не кличь беду,
Хоть не знаю, из седла я или с лодки упаду.
Как же я, не бессловесный, всё не высказав, уйду?
Свод крутящийся зажжет ли путеводную звезду?"

Тот ответил: "Речью мучить не хочу тебя, герой:
Если следовать не склонен друг любимый за тобой,
То стезей его желаний надо следовать порой.
С тайных дел покров снимает день, указанный судьбой.

Всё узнав, уразумеешь, как трудны мои дела,
Безразлично, быть недвижимым или мчаться в мире зла,

Всё я сделаю, как хочешь, хоть крошечной станет мгла,
Знай же, долгая разлука другу будет тяжела".

Закрепив условие это, сели братья на коней
И, вдвоем объехав поле, подстрелили двух зверей;
Возвратились в скалы снова; слезы, прежних горячей,
Мысль о завтрашней разлуке исторгала из очей.

Вот и ваши очи плачут, о читатели стихов!
Как прикованному сердцу тяжело выйти из оков!
Зла разлука неразлучных, словно смерти грозный зов.
Кто не знает, как бывает расставаньня день суров!

С наступлением рассвета сели братья на коней;
Вместе плакали, прощаясь со служанкою своей.
Их ланит знамена кровью обагряться всё грозней,
Львам они уподоблялись, загораясь от огней.

От пещер помчались к полю братья, плача и крича,
"Как оплакать львов?! – служанка причитала, трепеща. -
Солнце вас испепелило, два лазоревых луча.
Жизнь, оставь меня в покое, горечь слишком горяча!"

Долго ехали светила, белый день сменился мглой,
Вечеру для остановки берег выбрали морской
И огонь печальной ночи разделили меж собой;
Там оплакали разлуку, истомленные тоской.

Тариэлю витязь молвил: "Слушай, слезы я уйму;

С львом, тебе коня отдавшим, ты расстался почему?
Только он сыскать поможет увлеченную во тьму;
Покажи ты мне дорогу к побратиму твоему".

Амирбар сказал спасету о дороге к той стране,
Всё, что выговорить в силах погибающий в огне:
"Брат, к востоку направляйся по приморской стороне.
Если ты найдешь Придона, всё поведай обо мне".

Там козла они убили, сели рядом у костра.
Пить и есть им было трудно, так тоска была остра;
Под деревьями улегшись, спали вместе до утра,
Мир то щедр, то скуп и злобен, не верна его игра.

Братья встали, чтоб расстаться; день коснулся славных
глав,
Всякий должен был растаять, их беседу услышав.
Выходя из чащ гишерных, родники прошли меж трав,
Обнимались два светила, двуединым солнцем став.

Так расстались те скитальцы в исступленье огневом;
В страны разные помчались в бездорожии степном,
И, пока они не скрылись, слезы падали дождем.
Солнце видело печальных и печалилось о том.

СКАЗ 28

О ТОМ, КАК ОТПРАВИЛСЯ АВТАНДИЛ К ПРИДОНУ

О, зачем ты, мир неверный, нас ввергаешь в вихрь тревог!

Всё твое, как я, рыдает, преступая твой порог,
Кто предвидит место смерти и узор своих дорог?
Но ярмо твоих предательств с человека снимет бог!

Автандил, скорбя о брате, небо голосом рассек:
"Снова кровью истекаю, обрекаемый навек!
Расставание не легче встречи у небесных рек.
Ах, во многом не подобен человеку человек!"

Звери жажду утоляли тех рыданий родником.
Ярым пламенем вздымалась грусть о друге дорогом.
Сердце вновь и вновь скорбело, страсть мечом стучала
в нем,
Красил розы жемчуг, росший над прекрасным багрецом.

Роза вяла и желтела, тополь ветви наклонял,
И в лазурь преображались белизна и рдяный лал.
Он от гибели спасался и над пропастью рыдал:
"Что же тьме я удивляюсь, если солнце потерял!"

После к солнцу обратился: "Ты, подобье Тинатин!
Два лица дарят лучами дебри гор, дома долин,
Потому-то мне желанен светлый образ твой один;
Но зачем же вы низвергли это сердце в тьму кручин?"

Отойдет на месяц солнце, налетит зимы порыв.
Без обоих как не плакать? Путь бессолнечный тосклив!
О скалу кто будет биться, расшибется не пробив.
Нож не лечит рану – срежет или вызовет нарыв".

Плача, к солнцу обратился витязь в горести своей:
"Пожалей меня, молю я, ты – сильнейшего сильней.
Ты даешь величье малым, а счастливым власть царей;
Не терзай меня разлукой, не меняй на ночи дней!"

Ты, Сатурн, приди на помощь и прибавь слезу к слезе,
Темнотой окутав, сердце ты предай ночной грозе;
С ношей скорби, словно мула, к тайной выведи стезе;
Ей скажи: он твой и казни для тебя приемлет все.

О Юпитер справедливый, соверши свой суд скорей,
Дай сердцам открыть все тайны перед тем, кто всех
мудрей;
Не вини того, кто честен, не губи души своей.
Пусть, коль прав я, не останусь средоточием скорбей.

Снизойди, о Марс нещадный, порази меня мечом,
Тело пусть мое омоет кровь пурпуровым ключом,

Ты правдиво ей поведай о мучении моем;
Видишь, сердце холодеет в теле бледном и худом.

Помоги мне, о Венера! Опалила та меня,
Что кораллом окаймила перлы с отблеском огня.
Ты красавиц украшаешь, дух и плоть воспламеня,
Как меня, ты всех чаруешь, разум грезами казня.

О Меркурий, ты к чудесным поручениям привык!
Видишь, я хвачен солнцем, яркий жар в меня проник.
Рядом сядь. Чернил не надо, слез кровавых рдян родник;
Не пером пиши, а телом тонким, стройным, как тростник.

Ты, Луна, как я в ущерб, наклонись и пожалей!
Становлюсь и я от солнца то полнее, то худей.
О моем безумье грозном расскажи любви моей.
Жизнь хранил я для нее лишь и отдать хочу лишь ей.

Семь свидетелей имею, зорких звезд чудесный ряд:
Солнце, Марс, Луна, Меркурий и Сатурн со мной скорбят,
И Юпитер, и Венера, что сочувствием горят,
Скажут ей, как я терзаюсь, вечным пламенем объят".

Он сказал: "О, эти слезы! – сколько лет они текут.
Не спасет самоубийство, строит козни дьявол тут.
Косы – вороновы крылья – без конца к себе влекут.
Трудно справиться с печалью, а веселие – не труд.

Если я живым останусь, тени сгинут без следа,
Если солнце я увижу, отойдет моя беда".
Автандил поет и плачет, длится скорби череда.
Соловьи, ему внимая, стали совами тогда.

Вышли звери к Автандилу, – так он пел, тоской тесним,
Из пучины вышли камни, чтоб словам внимать живым.
Сладкогласному дивились, он заплачет – все за ним.
Всюду был рожденный песней слезный дождь
неистошим.

СКАЗ 29

ПРИЕЗД АВТАНДИЛА К ПРИДОНУ ПОСЛЕ РАЗЛУКИ С ТАРИЭЛЕМ

Семь десятков дней вдоль моря ехал тот, чей скорбен вид.

Заприметил издалека: лодка по морю скользит.

Подождал, окликнул: "Кто вы? Этот путь куда лежит, Это что за государство и кому принадлежит?"

Молвят лодочники: "Витязь, чудный станом и лицом, Не случилось нам встречаться с столь прекрасным пришлецом.

До сих пор – владенья турок; дальше – край, где мы живем.

Скажем всё, коль не растаем в озарении твоём.

Нурадин-Придон владеет нашей славною страной, Витязь добрый, щедрый, храбрый, быстроконный, удалой;

Царь, подобный солнцу, силе не подвластный никакой, Наш владыка лучезарен, словно пламень неземной".

Юный витязь молвил: "Братья, добрых встретил я людей,
Как доехать до Придона, объясните мне скорей,
Какова к нему дорога, сколько ехать мне по ней?"
Те по берегу морскому проводили свет очей.

"Вот, сказали, путь, ведущий к Мулгазару напрямик,
Там найдешь царя, который в деле воинском велик.
В десять дней туда доедешь, золотого солнца лик.
Ах, зачем к нам свет палящий для сожжения проник!"

"Вы скитальца удивили, – им ответствовал спаспет, -
Чем взирающих чарует зимней розы блеклый цвет?
О, когда бы наблюдали вы мой утренний расцвет!
Кто видал меня в то время – был сиянием одет".

Те ушли, и одинокий устремился витязь вдаль.
Тело сходно было с пальмой, сердце было словно сталь;
Было радостей прошедших быстроскачущему жаль,
Из нарциссов ливень грянул на тускнеющий хрусталь.

Взоры встречных говорили: "Господином нашим будь!"
Восхищенные, старались миг разлуки оттянуть,
Расставаясь, горевали, что нельзя его вернуть,
Провожатого давали и показывали путь.

К Мулгазару приближался пребывающий в огнях.
Войско целое явилось на охоту в тех местах,
И с оцепленного поля подымали к небу прах.
Тучи стрел зверей косили, как колосья на полях.

Встретив путника, спросил он, этой бурей оглушен:
"Чей повсюду раздается топот, грохот, гул и гон?"
Тот ответил: "Это скачет мулгазарский царь Придон,
Тростниковый лес псарями властелина окружен".

Автандил к войскам помчался, позабыв свою тоску.
Я красы его достойных слов, пожалуй, не сотку.
Замораживал отставших, ослеплял на всем скаку
И с ума сводил взиравших стан, подобный тростнику.

Над широким кругом ловчих воспарил большой орел.
Автандил туда помчался и к лазури взор возвел,
Ловко пущенной стрелою он орла низринул в дол
И ему отрезать крылья, не спеша, с коня сошел.

Обомлев, стрелки забыли о приказах, данных им;
Строй охотников распался, Автандил – толпой тесним,
Заходили справа, слева, а иные шли за ним,
"Кто ты?" молвить не дерзали, уподобились немым.

На холме, луга венчавшем, находился царь Придон;
Сорок лучников отборных при себе оставил он.
И спаспет к нему поехал, всею ратью окружен.
Был расстроенной охотой мулгазарец удивлен.

Царь велел рабу: "Разведай, что же делается тут?
Почему, посты покинув, как ослепшие бредут?"
Раб умчался и увидел стан чудесней всех причуд.

Всё забыто. К телу пальмы в ослепление очи льнут.

Догадавшись, что Придоном прислан раб узнать о нем,
Витязь молвил: "Господину своему скажи о том,
Что скиталец чужестранный, я, покинувший свой дом,
Побратимом Тариэлем послан свидеться с царем".

Был властитель мулгазарский извещен рабом своим:
"Тот пришелец огнеликий даже с солнцем несравним,
И мудрец утратит разум, очутившись перед ним.
Он сказал: к Придону прибыл Тариэлев побратим".

Просиял Придон отважный, слыша имя "Тариэль",
Дрогнул, слезы покатались, как весенняя капель,
И с ресниц его на розы бурно дунула метель.
Славный славного увидел, оба славятся досель.

И с холма, навстречу гостю, поспешил сойти Придон;
Увидав его, воскликнул: "Коль не солнце, кто же он?"
Был похвал превыше витязь, что слугою вознесен.
С плачем встретились герои, озаряя горный склон.

Стали витязи друг друга без стеснения обнимать,
Восхищенными очами обретая благодать.
Что пред ними и светила! Я согласен жизнь отдать,
Если где-нибудь возможно им подобных увидеть.

Удальцов, Придону равных, в целом мире поищи"!
Но хвалы достоин высшей расстилающий лучи.

Солнце звезды затмевает, словно слабый свет свечи.
Днем сиять она не может, а лучи горят в ночи.

Ко дворцу тогда помчались Нурадин и Автандил.
Статный стан своим явленьем ту охоту прекратил.
Все войска, толпясь, глядели на светило из светил,
Говорили: "Кто чудесный этот светоч сотворил?"

Говорит Придону витязь: "Ты узнаешь обо всем;
Кто я родом и откуда, почему к тебе влеком,
Как я встретил Тариэля, как сроднились мы потом,
Как я стал его собратом, недостойный быть рабом.

Я – воитель аравийский, Ростеван – мой властелин,
Автандилом прозываюсь, возглавитель всех дружин,
Благородный по рожденью, я возвращен, как царский сын.
С непреклонностью моею не поспорит ни один.

Царь однажды на охоту с войском выехал своим.
Был рыдавший над рекою Тариэль замечен им;
Приглашенный властелином, он остался недвижим.
Мы разгневались, не зная, чем рыдающий палим.

Царь велел схватить пришельца – эту дерзость я клянусь, -
Но войска, что взять пытались не бывавшего в плену,
С перебитыми костями обретали смерть одну,
Постигая, что не могут совратить с пути луну.

Услыхав, что в плен не дался войску целому герой,

Поскакал к нему державный в жажде схватки боевой.
Пред собой царя увидев, не вступил скиталец в бой:
Отпустив поводья, скрылся с неземною быстротой.

Не нашли того, кто сгинул, словно дьявол, без следа.
Царский праздник прекратился, черных дней пришла
чреда.

Я в неведенье тяжелом пребывать не смог тогда,
Тайно в розыски пустился, рыскал долгие года.

Я искал его три года по окраинам земным,
На него мне указали люди, раненные им.
Я нашел уже поблекшей розу с цветом дорогим.
Он меня, как сына, принял. Стало радостней двоим.

Он вошел в пещеры дэвов, уничтоженных мечом,
В обиталище безлюдном лишь одна Асмаат при нем.
Он пылает неизменным и негаснущим огнем.
Кто прекрасного покинул, должен сетовать о том.

В той пещере вечно плачет одинокая Асмаат;
Для нее он дичь приносит, точно лев для малых львят,
Но тотчас же исчезает, нетерпением объят,
И, встречая человека, отвращает влажный взгляд.

Не стесняясь, что дотоле был со мною незнаком,
О себе он всё поведал и о пламени своем.
Сколько вытерпел страдалец – не расскажешь языком.
Об исчезнувшей печалься, пламенеет он огнем.

Он скитаньем непрерывным уподобился луне,
Никогда не отдыхая, жизнь проводит на коне;
Избегая всех, живет он с диким зверем наравне.
Горе гибнущей без друга, горе другу, горе мне!

Я сгорел среди объявших исступленного огней;
Обезумел, сожалея сожелевшего о ней;
Захотел искать лекарства, чтоб спасти его скорей,
Возвратясь домой, увидел омраченными царей.

Царь вскипел при повтореньи просьбы трепетной моей.
Я войска свои покинул, огорчил своих людей;
Вдаль сокрылся, сбросив бремя, что давило всё сильней,
Порешил спасти безумца и, кружась, ищу путей.

Рассказал мне бесподобный, как брался он с тобой,
Вижу я, не приукрашен ты высокой похвалой.
Посоветуй, где искать мне солнце, скованное мглой,
Блеск, невидящих манящий и выдавшим дорогой".

А потом Придон поведал о безумце, потемнев.
Льва возвышенное горе разделял отважный лев.
Их сердца затрепетали, жгучей боли не стерпев,
Розы нежные купались, орошал их слезный сев.

По войскам тогда промчался горя лютого порыв:
Кто срывал чалму, кто падал, щеки кровью обагрив.
Боль разлуки семилетней в плаче пламенном излив,

Закричал Придон могучий: "Мир земной, ты вечно лжив!"

Причитал: "Земное солнце, где хвалу тебе найти?
Пребывающее в небе солнце сводишь ты с пути.
Взоры видящих лаская, заставляя расцвести,
Свет небес уничтожая, бесконечность освети!"

Разлученное с тобою сердце страждет в мире бед,
Не желающего встречи, я ищу тебя, мой свет.
От меня вдали ты счастлив, без тебя мне счастья нет.
Опостылел опустевший, омраченный этот свет!"

Отзвучал красноречивый и печальный разговор;
Успокоившись, умчались оглашавшие простор.
Солнцеликий, стройным станом изумляя каждый взор,
Скрыл завесою гишера черноту больших озер.

Так вошли они в столицу и вступили в сень палат,
Где Придоновы чертоги и приказов царских ряд;
Был среди рабов порядок, был прекрасен их наряд,
Все с восторгом на спасете останавливали взгляд.

Вот вошли в чертог высокий, где прислужников не
счесть:

Слева, справа царедворцы пригласили их воссесть.
И друзья воссели рядом, чья хвала почтит их честь?
На полях хрустальных сладко лалам сладостным
расцвествь.

Был их пир числом напитков самых редкостных богат,
Угощал Придон спаспета, словно свата добрый сват;
Вновь и вновь неся сосуды, шел служителей отряд.
Солнцеликого героя созерцать был каждый рад.

В день тот пили, пировали с удальцом иной земли,
И омыть спаспету тело люди поутру пришли,
Драгоценного в одежду дорожную облекли,
Опоясали богато, от восторга расцвели.

Время некое промедлил, хоть и дальше он спешил;
Поохотиться с Придоном согласился Автандил.
Он вблизи и в отдаленье одинаково разил
И стрельбой своей искусной всех стрелявших устыдил.

Возвестил Придону витязь: "Добрим слушателем будь!
Я могу, с тобой расставшись, душу господу вернуть,
Но, поверь, иной, горчайший мне огонь терзает грудь:
Я отправиться обязан без задержки в долгий путь.

Кто с тобою разлучится – слезы горькие прольет,
Но, двойным огнем пылая, должен я спешить в поход;
Ведь преступно промедленье, если путь великий ждет.
Отведи меня на берег, где ты видел светоч тот".

"Я удерживать не должен, – так отвечивал Придон, -
Знаю: в долгий путь спешащий, ты иным копьём
пронзен;

Будет бог тебе водитель, враг твой будет обречен.
Если друг тебя утратит, как разлуку стерпит он?

Не отправься одиноким, покидаемых казня;
Дам тебе я слуг усердных, облакает их броня;
Дам тебе вооруженье, также мула и коня.
Если взять их не захочешь, то обидишь ты меня".

Четырех привел он стражей, что измены не свершат,
Выбрал сам вооруженье, весь набор отборных лат,
Злата красного отвесил добрых фунтов шестьдесят,
Подарил коня лихого, изумляющего взгляд.

Мула сильного дорожной он постелью нагрузил,
На коня вскочил и друга дорогого проводил;
Трепетал он, ожидая, что уедет Автандил,
Говорил: "Приблизься, солнце, у зимы не станет сил".

Опечалившая город, разносилась весть кругом.
Продавцы шелков и фруктов собрались перед царем;
Вопли воздух сотрясали, словно с неба грянул гром;
Все кричали: "Мы без солнца очи скорби предаем!"

Львы приехали на берег; лишь увидеть довелось
Место, где перед Придоном солнце жгучее зажглось, -
Побратимы зарыдали и пролили реки слез.
О блистательной плененной говорить царю пришлось:

"Два раба ее на лодке привезли сюда с собой;

Жемчуг лалы окружали, трепетал гишер густой.
Я, коня пришпорив, мчался вызвать дьяволов на бой;
Но мгновенно этот берег был покинут их ладьей".

Разлучаясь, обнимаясь, вновь заплакали они,
Снова в сердце запылали беспощадные огни;
Львы разъехались, друг другу ныне ставшие сродни.
Удалился убивавший оставляемых в тени.

СКАЗ 30

ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА ИЗ ЦАРСТВА ПРИДОНА НА ПОИСКИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Едет витязь лучезарный, словно полная луна;
В сердце любящем хранится греза властная одна.
Он твердит: "Судьбой жестокой ты со мной разлучена;
Только ты от ран глубоких излечить меня вольна.

Разлученного с троими мчит житейская река.
Сердце так окаменело, что скала не столь крепка;
Три копья его не могут окровавить и слегка,
Но, рожденная тобою, омрачает мир тоска".

С четырьмя близ моря едет неустанный Автандил,
Всюду ищет он бальзама для лишаемого сил;
Был скорбящий днем и ночью одинаково уныл.
Он соломинки дешевле мир подлунный оценил.

Где он путника ни видел, расспросить его был рад;
Так, расспрашивая встречных, ехал сотню дней подряд.
Перевал переезжая, видит он верблюдов ряд:
Караванщики печально над пучиною стоят.

На широком побережье караван чего-то ждет
И не может ни остаться, ни отправиться вперед.
Их приветствует прекрасный, и ответ хвалу несет.
"Кто вы будете, торговцы?" – громко спрашивает тот.

Тех людей начальник мудрый именуем был Усам;
Восхвалил он Автандила, столь желанного очам,
Молвил: "Ты для утешенья из-за туч явился к нам,
О, сойди с коня, светило, и внимай моим словам!

Мы багдадские торговцы, наша родина славна,
Магомета почитаем и не ведаем вина.
Мы к царю морей спешили, с ним торговля не бедна,
Велика товаров наших настоящая цена.

Мы узрели человека, умирающего тут;
Тяготила речь скитальца, как недуг иль тяжкий труд.
Мы спросили: "Кто ты, странник, кем изранен и разут?"
Он сказал: "Не отплывайте, или в море вас убьют!

На корабль взойдя в Египте, мы со стражей вышли в
путь;
Повезли шелков немало, но теперь их не вернуть.
Всех пираты перебили; как сумел я ускользнуть,
Как попал сюда избитый, не известно мне отнюдь!"

Потому-то, лев и солнце, здесь недвижно мы стоим.
Если вспять мы обратимся, как убыток возместим?

Если пустимся по морю, жизнь пиратам отдадим:
Мы не можем ни остаться, ни путем уйти своим".

Витязь молвил: "Не годится ощущать напрасный страх,
Не избегнуть нам дороги, предрешенной в небесах.
Я за вашу жизнь отвечу. Сила есть в моих руках.
Иступлю клинок свой острый на разбойничьих костях!"

Караванщики внимали Автандиловым словам
И шептали: "Этот витязь так уверен, тверд и прям,
На его неустрашимость положиться должно нам".
На корабль вошли с товаром и поплыли по волнам.

Их пути не потревожил разъяренный ураган;
Вдаль всмотрелся их водитель, слава всех аравитян.
Вот корабль с широким флагом показался сквозь туман;
На носу его – с железным наконечником таран.

То пираты приближались, поднимая трубный вой;
Караванщики страшились этой силы боевой.
Витязь молвил: "Не пугайтесь их напористости злой,
Я сегодня истреблю их иль расстанусь с головой.

Не судьба – так не погибну и среди несметных орд,
А когда судьба приступит – как пылинка буду стерт,
Не спасут меня ни войско, ни высокий этот борт,
Это знающий – пребудет, мне подобно, сердцем тверд.

Труссы, вижу, вы боитесь приближения бойцов,

Поскорей от стрел попрячьтесь вниз, под палубный покров.

Я один иду! Подъята длань, смиряющая львов!
Я окрашу море кровью поспевающих на лов".

С быстротою тигра витязь облачился сталью лат,
Холод палицы железной был в руке его зажат;
На корму спокойно вышел, устремил разящий взгляд,
Был не менее жестоким и меча его булат.

Хоть враги взывали грозно в исступленье боевом,
Хоть ударили свирепо в борт окованным бревном,
На корме воздвигся витязь, с чувством страха незнаком,
И разбил таран огромный тяжкой палицы броском.

Так стоял и невредимым оставался Автандил.
Отступить враги пытались, грозных ужас охватил,
На корабль их перепрыгнув, он разбойников косил;
Мало кто в живых остался от немалых вражых сил.

Словно коз, врагов безумных юный витязь убивал,
О корму их разбивал он, море ими волновал,
Ударял их друг о друга, и валился вал на вал.
Кто в завале тел скрывался, не зывая, изнывал.

Одержал победу витязь, и возник молящий зов:
"Ради бога твоего же, пощади своих врагов!"
Переживших эту битву обратил спаспет в рабов.
Из Писания известно: "Страх внушает нам любовь".

Силой собственной хвалиться – дело пьяных и повес,
Без господней воли силе не дается перевес;
Искра малая возникнет – и сгорит великий лес.
Как мечом, разрежешь дровом, заслужив любовь небес.

Там сокровища большие обнаружил Автандил,
Караванщиков сзывая, с кораблем корабль сцепил;
И Усам не грусть, а радость, оживляясь, изъявил:
В славословии красивом он героя восхвалил.

Должно славить Автандила целой сотней языков,
Да и те едва ль расскажут, сколь он грозен и грозов.
Небесам благодаренье изрекли уста купцов:
"Полночь в полдень обращая, вышел блеск из облаков!"

И купцы облобызали с головы до ног его,
Бесконечно восхваляли за красу и удалство:
"Обезумеет разумный от сверканья твоего!
Ты от смерти нас избавил и доставил торжество!"

Он сказал: "Благодаренье вездесущему отцу,
Всех начал неисчислимых и началу и концу,
Тайных сил и светлой яви всемогущему творцу!
Верить в будущее свято подобает мудрецу.

Жизнь оставил вседержитель вашим немощным телам.
Я же – тлен и прах, не больше! Что сумел бы сделать сам?
Но исполнил обещанье, меч прошелся по врагам!

Вот корабль с богатой кладью подношу в подарок вам".

Хорошо, когда достойный торжествует над врагом,
Затмевая и содружных в добром деле боевом.
Пусть униженно поздравят ратоборца с торжеством,
А его украсит рана, нанесенная мечом.

Тот корабль пиратский кладью был наполнен до краев;
Невозможно перечислить завоеванных даров.
Всё к себе перетасили с корабля своих врагов,
Разнесли его, спалили, не продав на драхму дров.

И услышал от Усама речь смиренную спасет:
"Пристыженные, тобою мы избавлены от бед.
Всё твое, что мы имеем, и об этом спору нет.
Что угодно дай в подарок, так решает наш совет".

Автандил тогда ответил: "Полно, добрые друзья!
Видел бог, как вы дрожали, слез горючих не тая.
Он от смерти вас избавил, в этом слава не моя;
Обладаю лишь собою и конем единым я.

Я, с богатствами излишней избегающий возни,
Дома много их оставил, мне не надобны они.
Ваших также не желаю, ими пользуйтесь одни;
Делу трудному, иному посвятить решил я дни.

Из бесчисленных сокровищ, что добыты мной в бою,
Да возьмет любое каждый, их легко я отдаю;

Но прошу я без отказа просьбу выполнить мою:
Я свое меж вами званье, если можно, утаю.

Что не я ваш возглавитель – умолчите вы о том,
Пусть не витязем я буду называться, а купцом.
По-купчески оденусь, торговать начну потом.
Нашим братством заклинаю, тайну эту сбережем!"

И обрадованы этим, караванщики, опять
Преклоняясь, возгласили: "Ты нам счастье хочешь дать;
Не тебе, а нам об этом подобает умолять.
Мы, рабы твои, о солнце, обретаем благодать!"

Дальше двинулись торговцы, оставаться не могли;
Принося попутный ветер, дни благие потекли,
Автандиллом восторгались, восхваления рекли
И, зубов его оттенка, перлы в дар ему несли.

СКАЗ 31

О ПРИЕЗДЕ АВТАНДИЛА В ГУЛАНШАРО, КОГДА ОН ПРИЧАЛИЛ К БЕРЕГУ МОРЯ

Витязь, море пересекший, перейти на сушу смог,
И увидел – город белый в густоту садов залег.
Взоры пестрыми цветами тешил каждый уголок.
Несказанной красотой этот край себя облек.

Свой корабль они поспешно привязали у садов.
Автандил купцом оделся, к делу новому готов.
Скоро грузчики собрались, прибежавшие на зов.
За торговлю взялся витязь, словно главный из купцов.

Прилегающего сада к ним садовник подоспел;
Белой молнии подобный, облик юный он узрел
И услышал голос властный, что ответить повелел:
"Чьи вы люди, и какого государя здесь удел?"

Приказал прекрасный витязь: "Расскажи подробно мне:
Здесь в цене какие ткани и какие не в цене?"
Тот ответил: "Ты сияешь, словно в солнечном огне!
Сообщаемое мною будет истинно вполне."

Царства нашего морского не объехать и за год,
Гуланшаро, город славный, всех чарует и влечет,
К нам редчайшее привозят корабли далеких вод.
Здесь Мелик-Сурхав, счастливо нами правящий, живет.

К нам приехав, даже старец, явит юношеский нрав.
Это – край пиров, ристалищ, пенья, зрелищ и забав.
Здесь равны зимой и летом все цвета цветов и трав,
Всякий зависть ощущает, наше царство увидав.

У торговцев богатейших лишь такая прибыль тут:
Купят, сбудут, наживутся, проиграют, проживут;
Бедный вдруг разбогатеет. Все богатства к нам плывут.
Неимущему товары накопить – недолгий труд.

Я садовник у Усена, возглавителя купцов;
Заведенный здесь порядок объяснить я вам готов:
Он – владелец послуживших вам для отдыха садов;
Всё ему вы покажите, долг приехавших таков.

Богатейшие, приехав, дар несут Усену в дом,
Распаковывать товары все обязаны при нем.
Что получше, будет взято за наличные царем,
Без стеснения торговцы торговать вольны потом.

Как достойно принимает он почтеннейших господ,
Содержателям постоев приказанья отдает.
Но сейчас Усен в отлучке, а когда сюда придет,

Вам он выказать обязан много дружеских забот.

Остающаяся дома возглавителя жена
Не груба, гостеприимна, обходительна, нежна;
Извещу ее, и примет вас, как надобно, она.
Вам раба навстречу вышлет, в град войдете до темна".

"Как желаешь, так и сделай", – ослепительный речет.
Мчится радостный садовник, по лицу струится пот,
Госпоже Фатман вещает: "Лучезарный к вам грядет,
Пред его лучами бледен даже солнечный восход.

Он купец и возглавляет преизрядный караван;
Он – как месяц семидневный, кипариса стройный стан;
И халат его наряжен, и убор чела багрян.
Хочет знать, какие цены на шелка у поморян".

Госпожа Фатман навстречу десять выслала рабов,
Для хранения товаров был особый дом готов.
Гость вошел, розоланитен, снежнобел и не суров.
Все шептали: "Он имеет ловкость тигров, силу львов".

Городское население там собралось целиком;
Трепеща, зывали: "К солнцу как приблизиться
дерзнем!"
Вожделенно восторгаясь чудным станом и лицом,
От мужей своих презренных жены бросились бегом.

СКАЗ 32

ПРИБЫТИЕ АВТАНДИЛА К ФАТМАН, ПРИЕМ, ЕМУ ОКАЗАННЫЙ, И ЕЕ РАДОСТЬ

Из дверей навстречу вышла и Усенова жена,
Поклонилась, улыбнулась, явной радости полна.
После ласковых приветствий сели вместе, и она,
Как заметил я, пришедшим не была огорчена.

Та Фатман, в летах не юных, всё ж казалась молодой:
Точно выточено тело, облик смуглый, не худой.
Посидеть она любила и за чарой круговой;
Не один убор имела непомерно дорогой.

У Фатман в ту ночь скиталец угощался без тревог;
Он прекрасные подарки поднести любезной смог.
За пирушку дорогую заплатил ей щедро бог.
Витязь, вдосталь упоенный, спать отправился и лег.

Развернул свои товары, чуть забрезжила заря,
Что получше, отбирая на продажу для царя.
Повелел купцам: "Несите!" Нагрузил их, говоря:
"Продавайте, как хотите, тайну должную творя!"

Не свою одежду носит, а купеческий кафтан.
То к себе Фатман попросит, то является к Фатман.
Речью тешилась изящной. Исчезая, статный стан,
Словно Вис уход Рамина, наносил ей много ран.

СКАЗ 33

ФАТМАН ВЛЮБЛЯЕТСЯ В АВТАНДИЛА, ПИШЕТ И ОТСЫЛАЕТ ЕМУ ПИСЬМО

От прелестниц, если сможешь, отдались, не то-беда!
Словом ласковым доверья достигая без труда,
Обольстившая изменит и наделает вреда.
Женщин с тайнами знакомить не годится никогда.

Вождельень к Автандилу, светоноску дальних стран,
В грудь всё глубже западало изнывающей Фатман.
Тщетно скрыть она старалась глубину сердечных ран;
"Что мне делать? – восклицала, и в очах стоял туман. -

Если я ему откроюсь – вдруг сокроется, вспылит;
Если скроюсь – будет разум грозным пламенем обвит.
Нет, откроюсь, возликую иль не вынесу обид.
Как того излечит лекарь, кто не скажет, что болит?"

Автандилу написала и отправила она
То письмо, где боль открыта и любовь изречена.
Эта исповедь печальна и страдания полна,
И должна быть не забыта, а навек сохранена.

СКАЗ 34

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО, ФАТМАН К АВТАНДИЛУ НАПИСАННОЕ

"Солнце, богу захотелось, чтобы солнцем стало ты!
Без тебя и жизнь богатых – горше всякой нищеты.
Кто приблизится – сгорит, разглядев твои черты,
И планеты лицемерьем красоты твоей горды.

Взор, познавший блеск, безумьем истязуем в забытии.
Как, тебя узрев, о роза, не трепещут соловьи!
Без лучей цветы увянут, увядают и мои;
Я, мертвее, жду рассвета, льются слезные ручьи.

Видит бог, страшусь прочтения вами этого письма,
Но ничем иным от смерти не спасу себя сама.
Сердце вынесет ли пытку? О, ресниц разящих тьма!
Если ты мне не поможешь, я тогда сойду с ума.

И доколе не получен ожидаемый ответ,
И покуда я не знаю, смерть явилась или нет,
Буду ждать я терпеливо в окруженье тяжких бед,
Пусть решится: жить останусь иль оставлю этот свет!"

Написав письмо, послала к Автандилу поскорей;

Как письмо сестры, без дрожи прочитал он свиток сей
И сказал: "Кого люблю я – неизвестно это ей.
Как сравнить ее с царевной несравненною моею!

Для чего вороне роза? Кто в них общность усмотрел?
Соловей о ней, конечно, ни один еще не пел.
Скоротечность и бесплодность – дел безнравственных
удел,
Что за вздорное посланье! Вот безумия предел!"

Но потом себе в раздумье витязь юный говорит:
"Кто тебе защитой будет, если ты себе не щит?
Ради той, из-за которой мне скитаться надлежит,
Я снесу любое бремя, сердце стерпит боль обид.

Здесь Фатман живет и видит приезжающих гостей,
Принимает проходящих из различных областей;
Обо всем она расскажет при покорности моей,
Я могу узнать не мало, если дружен буду с ней.

Как уток основе, сердце отдает любви жена,
Стыд бесстыдной недоступен, совесть вовсе не нужна;
Если тайное узнает, разболтает всё сполна.
Лучше с нею согласиться, дело сделает она.

Кто изменит провиденье, кто изменит бытие?
Нежеланное имею, что желанно – не мое.
Всё смеркается на свете, сам он – сумерек тканье.
Изливается из чаши лишь налитое в нее".

СКАЗ 35

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО АВТАНДИЛА К ФАТМАН

Написал спаспет: "Прочел я, вознесен письмом твоим;
Ты меня предупредила, хоть и жарче я палим.
Вижу ныне: обоюдно пламенеем и горим;
Связь имеет оправданье, коль желательна двоим".

Сердцу страждущей достались ныне радости одне.
Написала: "Слез не мало пролила я в тишине;
Но сегодня же со мною будешь ты наедине.
Поспеши же на свиданье, ввечеру явись ко мне!"

На закате, лишь стемнело, витязь, вняв ее письму,
Вышел в путь, но раб – навстречу, передать спешит ему:
"Этой ночью не являйся, не готова я к тому".
Он, обидевшись, воскликнул: "Что такое? Не пойму!"

Не вернулся, хоть обратно приглашение взяла,
И явился он, стройнее кипарисного ствола.
Он заметил: в беспокойстве пригласившая была,
Но из преданности страха обнаружить не могла.

Сели вместе и, целуясь, изъяснялись без препон.

Вдруг явился гость пригожий, что прекрасно был сложен,
А за ним оруженосец, тяжело вооружен.

Увидав спаспета, дрогнул, словно в бездну глянул он.

А Фатман, его увидев, стала вздрагивать, бледнеть.
Тот промолвил, продолжая на обнявшихся смотреть:
"Я теперь не помешаю, злая тварь, ласкаясь млеть,
Но с утра тебя заставлю об измене пожалеть!"

Потаскуха, опозорен я по милости твоей,
Но в ответе будешь завтра, и посмотрим, что больней.
Ты, как хищница, зубами будешь рвать своих детей
Или в бороду мне плюнешь, и сокроюсь от людей!"

Бороды своей коснулся и скрывается, кляня;
А Фатман метаться стала, причитая и стена.
Было слышно, как журчали слезы в отблесках огня,
Воскликнула: "Ах, побейте вы камнями меня!"

Мной убиты муж и дети! – дико крикнула она. -
Драгоценности разбиты, их утрачена цена!
Со своими дорогими я навек разлучена!
Я свой дом опустошила! Вопиет моя вина!"

Этим плачем удивленный, Автандил сказал:
"Открой, В чем страдания причина, что за слезы, что с
тобой?
Чем грозил тебе тот витязь, в чем проступок видел твой?
Успокойся и поведай, чем он занят, кто такой?"

"Я с ума схожу, – вскричала, проливая слез ручей, -
Не спрашивай: ты видишь, расстаюсь я с жизнью сей!
Ведь своих собственноручно погубила я детей.
Я сама себя убила в слепоте любви своей.

Так окончит, кто обманчив, многословен и горяч,
Кто таить не в силах тайну, кто безумен и незряч.
Каждый, казнь мою узревший, да разделит этот плач.
Кто свою же кровь вкушает, как того излечит врач?

Лев, одно из двух ты сделай, я молю тебя о том:
Если можешь, этой ночью заколи его тайком,
Чтоб избавить от несчастий злополучный этот дом.
Расскажу, когда вернешься, о несчастии своем.

Если нет, навьючив мулов, в эту ночь отправься вспять,
Всё возьми, к моим владеньям не ищи путей опять!
Из-за женщины преступной можешь тяжко пострадать.
Коль владыку он увидит – значит, всем нам пропадать".

Как слова услышал витязь, что она рекла, стена,
Булаву тогда схватил он, золотое солнце дня.
Объявил: "Позорным было б равнодушие для меня!"
Не найти ему подобных, преисполненных огня.

Молвил: "Дай мне человека, чтоб с дороги не свернуть;
Не помощника мне надо, надо знающего путь,
Ибо витязь тот не равен мне могуществом ничуть.

Жди желанного исхода и вполне спокойна будь!"

В путь Фатман дала спаспету провожатого тогда
И сказала: "Муки сердца облегчивший без труда,
Коль от недруга избавишь, то избавь и от стыда:
Он мое колечко носит – принеси его сюда".

СКАЗ 36

УБИЙСТВО ЧАЧНАГИРА И ДВУХ ЕГО ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ АВТАНДИЛОМ

Пересек весь город витязь, чудный станом и лицом,
И узрел он возле моря изумрудно-алый дом.
Под террасами террасы громоздились на нем,
Поражавшие размером, благолепьем и числом.

И услышал солнцеликий провожающего глас:
"Вот искомая обитель – видишь, радостный для глаз?
Пребывает он под кровлей наивысшей из террас;
Там сидящим или спящим ты найдешь его сейчас".

Загражден был вход телами спящих воинов двоих.
Автандил прошел бесшумно, хоронясь в тенях густых;
Он, схватив за горло стражей, головами стукнул их,
И смешались с мозгом кудри задремавших часовых.

Витязь тот лежал, горя в одиночестве своем.
С обогранными руками и с пылающим лицом
Автандил неуследимый, подобравшийся тайком,
Сбросил юношу с постели, заколол его ножом.

Он для зрящих – солнце, ужас – ратоборствующим с ним.
Перст, украшенный колечком, сняв ударом ножевым,
Из окна он бросил в море мертвеца, неуследим.
Молодца того могилу не найти очам людским.

Тайны той не разгласила быстролетная молва.
Без печали розоустый бросил место торжества,
Как сумел он скрыть убийство, не поведают слова.
Он ушел путем, которым к цели шествовал сперва.

Грозный лев, он возвратился в дом трепещущей Фатман,
Молвил: "Умерший не будет светом солнца осиян.
Твой служитель видел тело, заалевшее от ран.
Вот кольцо и палец трупа; и доселе нож багрян.

А теперь скажи, чего ты опасалась ночью той,
Чем грозил тебе убитый? Ныне истину открой.
Обнимающая ноги говорит ему: "Герой,
Твой огонь унять готова, исцеленная тобой.

Я, Усен и наши дети рождены сегодня вновь,
Чьи, о лев, тебя прославят славословья и любовь!
Если вправе похвалиться, что пролита вражья кровь,
То для повести немалой ты вниманье приготовь".

СКАЗ 37

ФАТМАН РАССКАЗЫВАЕТ АВТАНДИЛУ ИСТОРИЮ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Все торжественно встречают в этом граде новый год,
И никто не уезжает и торговли не ведет.
Все мы, пышно разодеты, веселимся без забот,
И обед большой дается у владетельных господ.

Мы, богатые торговцы, во дворец дары несем,
И цари нас награждают по достоинству потом.
Десять дней не умолкает пенье арф, кимвальный гром,
Кони скачут, мяч летает на ристалище большом.

Мой Усен – глава торговцев, богачами правит он.
Не нуждаясь в приглашенье, как начальница их жен,
Привожу дары несущих я к царице на поклон,
Во дворце бывает бедный и богач увеселен.

В новый год пришли к царице, и, радушия полна,
Одаряемая нами, одаряла нас она.
После пира возвратиться воля нам была дана;
Снова сели без стеснения, веселились дотемна.

На закате я спустилась к зеленеющим садам,
И с подругами своими я прогуливалась там.
Сладкозвучнейшие песни петь велела я певцам.
Тешась, разные уборы примеряла к волосам.

Зданья стройные вздымались над обильною листвою,
Окнам дали открывались над пучиною морской.
Увлекла я к этим зданьям развлекавшихся со мной,
И опять мы веселиться стали в горнице большой.

Как сестра, я занимала, угощала их питьем,
Но без видимой причины пригорюнилась потом;
Разошлись, увидев это; опустело всё кругом.
Я одна осталась, горечь в сердце чувствуя своем.

Лишь окно приотворила, море очи привлекло,
Разгоняя то унынье, что в душе моей росло.
Нечто малое по влаге колыхающейся шло
И сравниться лишь со зверем или с птицею могло.

Подошел предмет чудесный, оказался лодкой он,
Был ковчег на лодке этой посредине водружен,
Два раба с обличьем черным там стояли с двух сторон.
Изумительным виденьем был мой взор воспламенен.

Та ладья к садам примчалась, и причалила она;
Озираются и смотрят – всюду мир и тишина,
Им окрестностей безлюдность, очевидно, не страшна.

Я, сокрытая, за ними наблюдала из окна.

Из суденышка достали эти черные ковчег,
И, едва открыли крышку, вышла девушка на брег,
На челе покров чернеет, вся в зеленом пальма нег, -
Красоты такой хватило б солнцу красному навек.

Только дева повернулась, ярко вспыхнула скала,
От ланит ее сверкавших в небесах редела мгла.
Я, прищурясь, наблюдала; взор блистательная жгла;
Дверь закрыта незаметно мной, незримою, была.

Четырем рабам сказала я, припавшая к окну:
"Посмотрите, что за солнце держат черные в плену!
Подберитесь осторожно, не нарушив тишину,
Дайте им любую цену, но купите ту луну!

Если торг они отвергнут, зарубите их скорей,
Постарайтесь, чтоб светило было в горнице моей".
Вниз рабы мои скользнули, птиц стремительных
быстрей,
Торг не шел: заметно было по ужимкам тех людей.

Неуспех торговли видя, слугам крикнула: "Казни!"
Чернолицым отрубили тут же головы они,
В море бросили убитых, взяв мерцавшую в тени.
Устремилась им навстречу, мне навстречу шли они.

Как поведать совершенство юной девы неземной,

Солнцу солнцем как назваться перед этой красотой?
Кто сияние осилит, нестерпимый стерпит зной?
Я сгореть готова в блеске ослепительницы той!"

Принялась терзать ланиты рассказавшая о ней,
Из очей героя слезы заструились горячей.
О себе они забыли, обезумев от огней,
Из нарциссов на порошу перлов ринулся ручей.

Витязь вымолвил: "Всю повесть до конца поведай мне".
Отвечала: "Поклонилась я сияющей луне.
Руки, ноги целовала ей в вечерней тишине
И с прекрасною осталась говорить наедине.

Я спросила: "Где же страны светоносные лежат,
Привели тебя откуда, о владычица Плеяд?"
Отвечать не пожелало средоточие услад,
Светлых слез ее каскады заволакивали взгляд.

И, внимая неотвязно-вопрошающим словам,
Тихо всхлипывала дева, волю давшая слезам.
Шли потоки из нарциссов по гишерным желобам.
Созерцала я, и сердце разрывалось пополам.

"Ты мне матери любезней, – так ответида она, -
Но покажется рассказ мой дикой сказкой болтуна;
Некой страннице печальной, мне погибель суждена.
Ты дальнейших объяснений домогаться не должна".

Я подумала: не знаю, как светило сохранить,
Ведь хранящий, обезумев, разорвет сознания нить.
В час удобный для прошенья можно просьбу повторить,
Но пока еще не время с этим солнцем говорить.

СКАЗ 38

КАК ФАТМАН ПРИВЕЛА НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К СЕБЕ И ПОВЕДАЛА О НЕЙ УСЕНУ

Я взяла красу, которой славословия не льстят;
Перед ней, чтоб не узрели золотых лучей каскад,
Опустила я свободно подымающийся плат,
От ресниц метель подула, на рубины падал град.

Так вошла в мой дом та пальма, что в эдеме возвращена;
В пышно убранных палатах поместилася она,
И была моею волей ото всех утаена.
Для услуг дала я негра и входила к ней одна.

Эта дева удивляла поведением своим,
День и ночь из глаз бежавший был поток неистошим;
Лишь на миг она смолкала, вняв молениям моим.
Как я жить могу в разлуке, предаваясь мукам злым!

Перед ней алмазным ливнем был всегда залит ковер,
И гишеровые копыя закрывали скорбный взор;
Чащи черные черпали черноту больших озер,
И просвечивали перлы сквозь коралловый раствор.

Не могла я выбрать время для расспросов и речей.
Если спрашивать пыталась: "В чем причина скорби
сей?"

То в ответ она безмолвно изливала слез ручей,
Из людей никто не стерпит боль, доставшуюся ей.

И постель и одеяло отвергала та луна,
Одеянья и покрыва не снимала и для сна;
Ей подушку заменяла лишь рука ее одна,
После сотни просьб лишь каплю съест решалась она.

Описать должна подробно я сверкавшее на ней;
Хоть видала я немало самых редкостных вещей,
Тот покров казался чудом и для опытных очей,
Бархат мягкостью являл он, панцирь прочностью своей.

Так она довольно долго этот радовала дом.
Я старалась, чтобы с тайной муж остался незнаком;
Порешила: коль узнает, разболтает он о том;
То входила к ней, то снова выходила я тайком.

Я подумала: "Но как же, ничего не рассказав,
Мне искать ей утешенья, развлеченья и забав?
Если муж о ней узнает, обнаружит злобный нрав,
Как сокрою свет, что солнце затмевает, засияв?"

Что одна я делать стану с нарастанием огня?
Лучше мужу повиниться, подозренья отгоня.

Перед тем да поклянется, что не выдаст он меня,
Не захочет он погибнуть, страшной клятве изменяя.

Я его расположила нежной лаской, добротой,
Объявила: "Если хочешь знать о редкости одной,
Поклянись, что никому ты не откроешь тайны той".
Он сказал: "Пушкой о скалы я ударюсь головой!

Что поведать пожелаешь, не скажу я никому:
Ни завистнику, ни другу, ни владыке своему".
И, открыв Усену тайну, объявила я ему:
"Ты за мною следуя к солнцу, разгоняющему тьму".

Лишь вошли в покои девы мы с особого крыльца,
Вопросил Усен, увидев уязвленную сердца:
"Из чего и кто содеял странный свет ее лица?
Если то земли творенье, пусть прогневаю творца!"

Я сказала: "Это призрак иль земное существо,
Кроме сказанного мною я не знаю ничего.
Спросим, кто она, откуда и скорбит из-за кого?
И ответить соизволит, если сердце не мертво".

Мы вдвоем вошли бесшумно, уважения полны,
Доложили ей: "Светило, мы тобою сожжены;
О, поведай, в чем лекарство для тускнеющей луны?
Несравненные рубины чем в шафран превращены?"

Слыша нас или не слыша, дева уст не разняла,

Не показывались перлы, роза связана была.
Извивающихся змеек перепутались тела;
Затесненное драконом солнце сковывала мгла.

Эта дева не внимала нашим трепетным речам,
И сидела как тигрица, притаившаяся там,
Снова хлынувшие слезы уподобились ручьям.
"Я забыла всё! Уйдите!" – вот всё сказанное нам.

Возле плачущей мы сели, зарыдали вместе с ней,
Но, о сказанном жалея, не нашли иных путей.
Умалить едва смогли мы возрастание огней,
И от наших угощений отказался свет очей.

Муж сказал: "В ее сверканье всех печалей жар угас.
Как же смертный поцелует пламя щек и солнце глаз?
От нее вдали страданье возрастает в сотни раз.
Если дети мне дороже, пусть умрут они сейчас!"

От нее уйдя нескоро, свой мы прокляли удел,
Был приход пределом счастья, а уход – всему предел.
Близ нее мы забывали суету торговых дел,
Нам сердца источник света сетью крепкою одел.

СКАЗ 39

СООБЩЕНИЕ О НЕСТАН- ДАРЕДЖАН, УСЕНОМ ЦАРЮ СДЕЛАННОЕ

Ночь и день чередовались, много дней прошло потом.
Объявил Усен: "Давно уж не видался я с царем:
Не мешало бы с дарами мне поехать в царский дом".
Я сказала: "Зла не вижу я в желании твоём".

Взял он перлы и рубины. Я, спеша предостеречь,
Умоляла: "Опасайся ты придворных бражных встреч!
Если ты о ней расскажешь, то вонзишь мне в сердце
меч!"
Клятву дал: "Не выдам тайну, пусть глава скатится с
плеч!"

Пировал страны властитель той веселою порой,
Был Мелик-Сурхав с Усеном связан дружбою большой;
Принял царь подарки друга, усадил его с собой.
Ах, насколько опрометчив и смешон купец хмельной!

Много выпил царь с Усеном, стала речь их не строга.
Позабыл Усен о клятве, честь ему не дорога.

Что тому Коран и Мекка, кто нечистому слуга!
Не идет вороне роза, не идут ослу рога.

Обратился царь к Усену, опьяневшему вполне:
"Где каменья ты находишь, неизвестные в стране?
Где найти рубины, перлы, даже меньиие втроене?
Всех сокровищ для оплаты, видит бог, не хватит мне!"

Отвечал Усен с поклоном: "Всё тебе подчинено,
О светило дня, тобою бытие озарено.
Всё Усеново именье, всё богатство – чье оно?
Я нагим рожден из чрева, мне царем добро дано.

Не пристало снисхожденье к незначительным дарам.
Что каменья? Солнце мира для царевича отдам,
Этим делом несомненно ужоу я господам,
И еще приятней станет ваше царствованье вам!"

Ах, опоры веры, клятву, без стыда нарушил он!
Рассказал царю о деве, озарявшей небосклон.
Так пирующий властитель был купцом увеселен,
Привести ее велел он; слово царское – закон.

Я была в своих покоях, не томил меня недуг.
Царской стражи предводитель на пороге вырос вдруг.
С ним, как водится, явилось шестьдесят дворцовых слуг,
"Нечто важное случилось", – я сказала сердцу вслух.

Слово царское промолвил предводитель стражи той:

"Преподнес Усен владыке свет затмившую красой,
Приведи скорее деву, уведем ее с собой!"
Тут гора повергла гору, небо пало надо мной.

Я спросила с удивленьем: "Что за деву надо вам?"
Был ответ: "Царю подарен лик, подобный небесам!"
Не могла я прекословить смертью дышащим словам,
Не могла ни приподняться, ни сидеть остаться там.

Я вошла, сидела дева светозарная в слезах;
Ей сказала: "Видишь, солнце, мы у злой судьбы в сетях.
Надо мной нависло небо, порождающее страх:
Царь забрать тебя желает. Я повергнута во прах".

Та сказала: "Что дивишься ты несчастиям сестры?
Ведь судьба меня терзает с незапамятной поры.
Было б дивным измененье роковой ее игры,
Для меня привычны горя и несчастья дары".

Слезы, падая, казались перлов крупных чередой.
Позабывшая различье между счастьем и бедой,
Встала дева без боязни, словно тигр или герой,
И окуталась поспешно ей протянутой чадрой.

Я в сокровищницу нашу несравненную вошла,
Перлов царственных набрала, сколько вынести могла;
Равной ценности селенья ценность каждого была.
Опоясала я ими древо света и тепла.

Я сказала: "Эти перлы никогда не повредят",
И увел мое светило царских воинов отряд.
Царь узнал, навстречу вышел. Били бешено в набат.
Шла прекрасная безмолвно, устремляя долу взгляд.

Всё росла и расширялась любопытных череда,
Перед их напором стала стражи твердость не тверда.
Созерцанием пришедшей наслаждавшийся тогда,
Ей сказал властитель: "Солнце, как попало ты сюда?"

Тут кругом все заморгали, нестерпимый пламень жег.
Молвил царь: "Я, много знавший, был от знания далек.
Кроме бога всеблагого кто б увидеть это мог?
Кто влюблен в нее, в безумье вдаль ускачет без дорог".

Он расспрашивал светило, усадив его с собой:
"Кто ты, чья ты и откуда снизошла ты в город мой?"
Но уста не раскрывались бело-розовой зарей,
Что бестрепетно сидела со склоненной головой.

Не привлек вниманья девы ни один его вопрос:
Знать, поток иных раздумий далеко ее унес.
Жемчугами не сверкали лепестки сомкнутых роз.
Изумляла созерцавших доводящая до слез.

Царь сказал: "Что можно думать о безмолвии таком?
Есть на это два ответа: истомленная огнем,
Дева думает всё время о возлюбленном своем
И ни с кем иным не может молвить слова ни о чем.

Иль возвышенная мудрость небесами ей дана,
Горе горем не считает, радость – радостью она;
Для нее беда и счастье – сказка чудная одна;
Мысль ее на крыльях белых в синеву устремлена.

Дай царевичу, о боже, над врагами торжество
И заставь светило это встретить радостно его!
Может быть, немое станет говорящим существо.
Пусть грустит луна без солнца здесь до времени того".

О царевиче скажу я: хорошо сражался он,
Был отважен и прекрасен, добронравен и умен,
Сокрушал тогда он в битвах силу вражеских племен.
Для него отец готовил блеск, сжигающий небосклон.

Нарядили то светило, что затмило рой планет,
И камень засверкали, расточая яркий свет,
Был из цельного рубина на чело венец надет.
И прозрачные кристаллы украшали розы цвет.

Царь велел: "Украстье спальню озарившей высоты!"
И из золота литого ей поставили тахту.
Проявил владыка славный, как достойно, доброту -
Усадил собственноручно светозарнейшую ту.

Девять евнухов призвал он, стала стража у дверей;
Сел за пир, как подобало, царь, рожденный от царей,
И Усену дал подарок, злата чистого ценней.

Били громко барабаны, пели трубы трубачей.

Длился пир. И было ими много выпито питья.

Дева сердцу говорила: "Не легка судьба моя;

Ах, кому себя предам я, страсть единую тая?

Чтобы этого избегнуть, что должна содеять я?

Пусть ланит розоподобных красота не отцветет,

Может быть, мне даст победу царь заоблачных высот.

Если разум не померкнет, кто же сам себя убьет?

Мудрость мудрому поможет уцелеть среди невзгод".

После евнухов созвало и сказало пламя дня:

"Поступаете вы глупо, несогласную храня.

Понапрасну ваш властитель счел невестою меня,

Понапрасну и кимвалы надрываются, звеня.

Не гоюсь я вам в царицы, предстоит мне путь иной,

Нет, моим не станет мужем ваш сверкающий герой!

Прекратите уговоры, неизменен жребий мой,

Мне остаться в этом доме не положено судьбой.

Никогда не соглашусь я, заколю себя ножом,

И властитель вас, конечно, повелит казнить потом.

Лучше перлы вы возьмите, те, что в поясе моем,

Скрыться дайте мне возможность, отпустив меня

тайком".

Перлы белые достала озарявшая дворец,

Из граненого рубина с головы сняла венец
И сказала: "Всё возьмите, не черня своих сердец, -
Мне свободу возвратите, не забудет вас творец!"

Те схватили украшенья, что прекрасная сняла;
Своего царя забыли, так их жадность разожгла;
Тайно вывести решили ту, что солнечно-светла.
Посох дьявольского корня – золото – деет много зла!

Никогда отрады золото златолюбцу не дает;
Лишь со скрежетом зубовным в землю алчущий сойдет;
Золото входит и уходит, всё не сходится расчет;
Жадность к миру дух привяжет, отвлекая от высот.

Раб, один из одаренных, снял наряд презренный свой,
Дал в него переодеться одарительнице той.
В зале музыка гремела, ход избрали потайной,
И луна осталась полной, не проглоченной змеей.

Вслед и евнухи исчезли, проскользнувшие тайком.
Лучезарное светило постучалось в мой дом,
Вышла я, луну в объятья заключила с торжеством.
Не вошла она в жилище, хоть просила я о том.

Изрекла: "Я откупилась, отдала твои дары.
Милосердная, да будут небеса к тебе добры!
Дай мне лошадь поскорее, дай умчаться до поры,
Иль вернет меня властитель, чьи служители хитры!"

Я в конюшне отвязала наилучшего коня,
Село весело светило, не вздыхая, не стена.
Так на Льва садится солнце ярко блещущего дня.
Я посеяла, но жатва ускользнула от меня.

Потемнело. Слух пронесся. Стражи кинулись кругом,
Тесно город оцепили и ко мне ворвались в дом.
Я сказала: "Если солнце в доме спрятано моем,
Уличенная, да буду я наказана царем!"

Не нашли и устыдились, и пропал беглянки след.
С той поры дворец горюет, и нигде улыбки нет.
Фиолетовый все носят, вместо пурпурного, цвет,
И не радуется державу золотого солнца свет.

Но пока прерву я повесть об источнике усад,
Расскажу об угрожавшем, что пучиною объят.
Я была его козлицей, стать он козлицем был рад.
Мужа трусость опозорит, а жену распутный зад.

Не нашла я счастья в муже, неприглядном и худом.
Чачнагир же, витязь юный, был в монарший принят дом;
Хоть любила, не ношу я ныне траура по нем;
Кровь его мне, ненасытной, показалась бы вином.

Обезумев, я до слуха чачнагира довела,
Как явилась дева-солнце, как лисицею ушла.
Он грозил разоблачением, посулил немало зла.
Для меня он труп, не больше! Ах, как я себя спасла!

Он со мной, бывало, споря, не стыдился угрожать.
Пригласив тебя, не знала, что приедет он опять.
Сообщил он о желанье в нашем доме побывать;
Я гонца к тебе послала, чтобы ты вернулся вспять.

Не поехал ты обратно и лучом ворвался в дом;
Он вошел, и вы нежданно в доме встретились моим,
Потому была я в страхе и охвачена огнем.
Смерти мне желал он сердцем, а не только языком.

Ко двору, когда б не умер, он явился бы опять,
Разъяренный, поспешил бы обо всем он рассказать;
Царь рассерженный велел бы дом Усена разметать
И, детей пожрать заставив, вслед за тем казнил бы мать.

Знай, за то тебе заплатит вседержитель всеблагой.
Ты меня от взгляда змия спас могучею рукой.
Ублажать отныне буду нрав судьбы уже не злой:
Гибель мне не угрожает, и смеюсь я над бедой".

Автандил сказал: "Об этом есть и в книгах мудрецов:
Разъяренный друг страшнее самых яростных врагов -
Не доверится такому, кто не вовсе безголов.
Но не бойся, умерщвленный не войдет под этот кров.

После бегства светлой девы разве не было вестей?
Умоляю, расскажи мне всё, что знаешь ты о ней!"
Та ответила, потоки изливая из очей:

"Освещавшее долины скрылось полчище лучей!

О судьба, ты лжешь бессменно, твой прообраз – сатана,
В чем твоя измена скрыта и отколь идет она,
Где схоронена тобою несравненная луна?
Где ни будь, везде бесцельность мира этого видна".

СКАЗ 40

РАССКАЗ ФАТМАН О ПЛЕНЕНИИ НЕСТАН- ДАРЕДЖАН КАДЖАМИ, АВТАНДИЛУ ПЕРЕДАННЫЙ

Изрекла Фатман: "Всю землю озарявшая ушла,
Жизнь, которую случайно для себя я обрела;
С той поры я изнываю, душу сковывает мгла,
Из очей неистощимых слезы льются без числа.

Дом и дети мне постыли, жизнь казалась вечным злом,
В полусне я горевала, и во сне, и перед сном,
А Усен, клятвопреступник, представлялся мне лжецом;
Подойти ко мне не смел он и с опущенным лицом.

Как-то раз я проходила мимо стражи. Был закат.
Дом узрев странноприимный, я помедлила у врат.
Вспоминала то светило, чьи огни меня казнят,
Клятву каждого мужчины проклинала много крат.

Некий раб и три сопутных забрели в наш славный град.
У раба наряд был рабский, у других – простой наряд;
За гроши питья и пищи накупив, уселись в ряд,

Пили, ели, толковали, хохотали нараскат.

Я внимала, говорили: "Веселимся мы и пьем,
Но меж нами каждый знает очень мало о другом:
Кто, зачем, куда, откуда и каким идет путем.
Пусть же каждый без утайки всем объявит о своем".

Пересказывали вести, как давно заведено,
Молвил раб: "О братья, небом провидение дано!
Я собрал для вас алмазы, вы же сеяли пшено:
Восхваляю свое известье, ибо лучшее оно.

Я слуга царя, что правил всей Каджетскою страной,
Но однажды царь великий был сражен болезнью злой,
Вдов и сирот утешитель удалился в мир иной,
А царевичи царевой опекаемы сестрой.

Дулардухт – жена, но сердцем неподатливей камней;
Рать ее неуязвима, а сама разит людей.
Как сыны Росан и Роди, два племянника у ней,
Ныне власть ее простерлась над Каджетиею всей.

Мы узнали, что за морем умерла ее сестра.
Омрачились царедворцы, и никто не ждал добра.
Кто доложит о покойной, что пришла ее пора?
Раб Рошак был старшиною всех слугителей двора.

Он сказал: "На плаче этом я не буду, хоть убей.
На разбой пойду в долины я с дружиною своей,

Возвращусь обогащенным, не промешкав много дней,
Провожать пойду царицу, о сестре поплачу с ней".

Он созвал своих подручных, мы сошлись к нему на зов;
Из пришедших он с собою взял отборных сто рабов.
По ночам подстерегали, днем ловили мы купцов,
Караваны разоряли, изрубив проводников.

Так однажды ночью темной мы блуждали, сея зло;
Неожиданно равнина озаряется светло.
Мы сказали: "Неужели солнце на землю сошло?"
Пораженные, болтали всё, что в голову взбрело.

Что зарей одним казалось, то – луной другим очам;
Рассмотреть вблизи желая, приближались мы к лучам;
Окружить спеша сиянье, растянулись по полям,
Глас, из блеска исходящий, обратился властно к нам:

"Кто вы, всадники? Хочу я слышать ваши имена!
Я послем в Каджети еду! Сторонитесь от меня!"
Но, услышав, приближались мы, молчание храня;
Перед нами оказался всадник с обликом огня.

Взор был молнии подобен, пересекшей небосклон;
Был сияньем беспредельным сумрак ночи освещен,
Был тенистый строй гишерный блеском перлов озарен,
Но звучал сердито голос, хоть прекрасен был и он.

Обратились мы к светилу дружелюбным языком.

Ложь открылась – это солнце вовсе не было рабом,
В нем мы женщину узнали, подобались мы тайком
И пленить дерзнули солнце, обступив его кругом.

Вновь ее мы попросили: "О себе поведай нам.
Чья ты, кто ты, в местность эту по каким пришла путям?"
Но в безмолвье пребывала волю давшая слезам.
Блеск драконом поглощен был, и тоскливо стало нам.

От сомкнутых уст прекрасной не дождались мы вестей:
Кто она, какой бездушный обманул ее злодей?
Не поведала, в досаде, нам истории своей,
Взором, аспиду подобно, цепенящая людей.

Нам Рошак велел: "Не смейте вы светлейшей докучать;
Дело дивного светила очень трудно изъяснять;
О судьбе царицы нашей люди могут лишь мечтать,
Ибо ей дарит создатель всё, что может удивлять.

Эта девушка нам богом вечноблагодным дана;
Отведем ее к могучей, осчастливит нас она,
Если скроем, то, конечно, обнаружится вина
И позорными навеки станут наши имена".

Мы с Рошаком согласились, прекратился этот спор;
Все отправились в Каджети с освещавшею простор;
Больше к ней не обращались, и не ранил разговор
Застилавшему слезами ослепительный свой взор.

Я сказал тогда Рошак: "Отпусти меня пока,
Я заеду в Гуланшаро и вернусь наверняка".
Разрешил он. "В граде этом у меня лежат шелка,
Захвачу их и не медля догонять помчусь войска".

Был рассказ раба приятен для внимающих людей,
Слезы лить я перестала, стало на сердце светлей;
Я узнала каждый признак той, что всех надежд милей,
Успокоилась немного от нечаянных речей.

Привела того раба я, усадила пред собой,
Повелела: "Повтори-ка мне рассказ чудесный свой!"
И вторично рассказал он о беглянке молодой.
Умиравшая в мученьях, снова стала я живой.

Я тотчас же обратилась к черным двум моим рабам,
Что, волхвуя, становились недоступными очам,
И в Каджети их послала, чтоб они, не медля там,
Всё разведали о ясной и скорей вернулись к нам.

Через трое суток ими я была извещена,
Что царице, в путь спешащей, огнеликая дана;
От людей теперь сокрыта несравненная луна
И помолвлена с Росаном, малым юношей, она.

"Мы на ней Росана женим, – Дулардухт велела так, -
Не до свадьбы нам сегодня, торжествует в сердце мрак;
Возвратившись из-за моря, я устрою этот брак".
В замке евнух охраняет красоты небесной знак.

Чародеев знаменитых увезла она с собой,
Ибо долгий путь опасен и враги готовы в бой;
А войска ее остались за оградой крепостной,
И, отплывшая, не скоро приплывет она домой.

До сих пор столица каджей неприступною была;
Посредине их твердыни возвышается скала,
А в скале – проход, идущий от подножья до чела,
Где таится та зарница, что губительно светла.

У дверей прохода вечно стражи грозные стоят.
Там дозорных десять тысяч, имениты все подряд;
По три тысячи охраны у троих каджетских врат.
Сердце, с миром бессердечным как союз твой не
разъят?"

Эти новости услышав, солнцеликиfi Автандил
Отцветающую розу снова ярко расцветил;
Полный радости великой, небеса благодарил,
Разузнав, куда сокрыли то светило из светил.

"О, любимая, – сказал он, – видно, я тобой любим,
Грусть развеяна рассказом увлекательным твоим,
Но давай беседу нашу о Каджети мы продлим!
Каждый каджи бестелесен, как же станет он земным?"

Я скорблю о плененной, и палят меня огни,
Только что ей смогут сделать бестелесные одни?"

Та ответила: "От сердца ты сомнение отгони!
Каджи – люди, а не бесы, хоть враждой полны они.

Люди каджами зовут их потому, что этот род
На высотах достигает волхования высот,
Всем вредит и досаждают, недоступный для невзгод.
Тот ослепшим возвратится, кто на каджей нападет.

Чудеса они являют, поражают слепотой,
На ладьи врагов бросают злых смерчей свистящий строй,
По волнам шагают смело, воду делают сухой,
Знойный полдень затемняют, освещают мрак ночной.

Потому так называют окружающие их,
Хоть они не бестелесны, вроде всех людей земных".
Благодарность изъяснил он: "Мой огонь теперь утих.
Стало на сердце светлее от чудесных слов твоих".

Автандил, рыдая, славил побеждающего тьму:
"С благодарностью безмерной я дары твои приму.
Ты, никем не изъяснимый, не доступный никому,
Боль нежданно исцеляя, внял моление моему".

Вседержителя он славил за услышанный рассказ,
Но Фатман возревновала солнцеликого тотчас.
Не перечил распаленной притягательной для глаз:
Покоряясь, целовал он целовавшую не раз.

С Автандилом этой ночью, лежа, тешилась она,

Хоть в объятья неохотно им была заключена;
Ведь мерещилась герою аравийская луна,
Обезумевшее сердце до утра не знало сна.

Слезы витязя стремились докатиться до морей,
И корабль гиштерный плавал в черном омуте очей.
Витязь думал: "Кто владеет ныне розою моей?
Я – как ворон на навозе, хоть рожден как соловей".

Мог растрогать даже камни плач рыдавшего тайком,
И затоном стало поле роз, обрызганных дождем.
Услаждалась, ликовала с ним лежащая вдвоем:
Ворон, розу обретая, стать захочет соловьем.

На заре пошел купаться лучезарный светоч стран;
Благовонья и одежды поднесла ему Фатман,
Много платьев подарила, не один дала тюрбан:
"Как угодно одевай же, без стеснения, статный стан!"

Он подумал: "Я сегодня о себе не умолчу!
Одеяние торговца променяю на парчу".
И оделся витязь в платье, подходящее к мечу,
Красоту свою умножил, уподобился лучу.

На обед к Фатман тогда же приглашен был Автандил,
Разукрашенный явился, весел сердцем, полон сил;
Он любовницу вельможным одеяньем удивил.
Улыбаясь, объявила: "Ты мне взоры усладил".

Изумленная, безмерно восторгалась красотой;
Но, украдкой усмехаясь, говорил себе герой:
"И доньне я не понят этой женщиной смешной".
Он терпел ее объятия. Разве был исход иной?

Пообедали, расстались, поскакал домой спаспет;
Задремал, хмелен и весел, в шелк и золото одет;
Только к вечеру проснулся, по полям рассыпал свет,
Пригласил Фатман: "Один я, никого со мною нет".

Лишь вошла, от изумленья перед ним упала ниц:
"Ах, убьет меня, алоэ, это полчище зарниц!"
Усадил ее поближе блеск, не знающий границ,
И на рощу роз упала тень от хижины ресниц.

Автандил сказал: "Быть может, словом сердце разобью,
Задрожешь, почуяв новость, словно в руки взяв змею.
Лишь теперь тебе откроюсь, ничего не утаю;
Знай, гишеровые стрелы пронизали жизнь мою.

Ты решила: он торговый возглавляет караван.
Знай, мне все войска вверяет царь великий Ростеван,
Многих ратей предводитель, я ношу спаспета сан,
Мне открыты арсеналы в городах аравитян.

Я в твоей надежной дружбе совершенно убежден.
Дочь царя лицом хрустальным озаряет небосклон,
И ее сверканьем нежным я расплавлен и сожжен,
На чужбину ею послан я, хранивший царский трон.

Я разыскиваю ныне деву, бывшую с тобой;
Ту луну ища повсюду, обошел я круг земной,
Льва я видел, что блуждает ради бедствующей той,
Сам себя уничтожая нескончаемой тоской".

О своих скитаньях долгих рассказал ей Автандил
И о том, кто стан прекрасный в шкуру тигра облачил:
"Для неведомого мужа ты – бальзам, источник сил,
И осушишь ты ресницы цвета вороновых крыл.

Сделай так, Фатман, чтоб витязь огнеликий не угас.
Мы поможем вспыхнуть снова солнцам, гаснущим
сейчас;
Люди все, узнав об этом, славословить будут нас.
Может, вновь соединятся разлученные не раз:

Колдуна ко мне пришли ты, пусть в Каджети он пойдет,
Наши новости доложит солнцу в облаке невзгод;
Совершить нам подобает всё, что дева изберет.
Если бог того желает, мы низвергнем тьмы оплот".

Изрекла Фатман: "Отрада мне создателем дана,
Весть, услышанная мною, лишь бессмертию равна!"
Мага, черного как ворон, привела тотчас она,
Повелев: "Спеши в Каджети, где скрывается луна.

Днесь узнаю, сколь полезна для меня волшба твоя,
Из моей пронзенной жизни устри ты острия,

Солнцу, жаждущему вести, дай целебного питья!"

И ответил тот: "До завтра всё узнать сумею я".

СКАЗ 41

ПИСЬМО ФАТМАН К НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Написала: "Солнце мира, озаряющее даль!
От кого ты удалилась, те утешатся едва ль,
Мудрый свет сладкоречивый, изгоняющий печаль,
С драгоценнейшим рубином вместе спаянный хрусталь.

Хоть историю свою ты не дала услышать мне,
Всё же я узнала правду про тебя на стороне.
Извести же Тариэля, что скорбит в чужой стране,
Пожелания все ваши да исполнятся вполке!

Ныне брат его по клятве к нам приехал за тобой,
Автандил, арабский витязь, славный славой боевой;
Он спасет царя Ростена, не затронутый хулой.
О себе самой вестями нас, благая, удостой!

Потому отправлен нами этот раб к тебе с письмом.
Если каджи возвратились, ты поведай нам о том,
Сообщи подробно: сколько войска в городе во всем,
Кто охрана и над нею кто поставлен главарем.

Напиши нам, что намерен предпринять коварный враг,

И какой-нибудь пришли ты для возлюбленного знак;
В расцветающую радость преврати унынья мрак.
Вашу встречу я устрою, коль творцу угодно так!"

Колдуну тому посланье было ею вручено:
"Вот письмо, солнцеподобной предназначено оно".
Ткань зеленую накинув, черный выпрыгнул в окно
И над кровлями растаял во мгновение одно.

Полетел колдун бывалый, словно ловкая стрела.
Долетел, Каджети скрыла предвечерней тени мгла.
Сквозь врата прошел незримый, где дозорным нет числа,
От Фатман привет он отдал той, что солнечно светла.

На замбк был заперт замок, но замков для мага нет.
Негр вошел длинноволосый, в плащ таинственный одет,
Солнце вздрогнуло в испуге, ожидая новых бед.
Роза цвет прияла желтый, а фиалки – неба цвет.

Негр сказал: "Вотще трепещешь, сердце ужасом тесня.
Знай, Фатман сюда прислала с вестью радостной меня;
Я не лгу! Гляди! Посланье скажет, истину храня,
Не спеши увянуть, роза, поспешает пламя дня".

Удивилась этой вести та, не ждавшая чудес;
Тут миндалины раскрылись, задрожал гишерный лес.
Раб вручил письмо, и радость получила перевес,
Вся в слезах, читала дева, славя благостность небес.

Прочитав, она спросила: "Кто, скажи, спаситель мой?
Что топчу еще я землю, разве знает кто земной?"
Он ответил: "Доложу я только знакомое мной, -
С той поры, как ты исчезла, наше солнце стало тьмой.

С той поры она не может залечить сердечных ран,
Слезы льются бесконечно и втекают в океан.
О тебе уже однажды приносил я весть Фатман,
И с тех пор, не утихая, слезный дождь ее багрян.

Прибыл к нам какой-то витязь, обаятельный лицом,
Госпожа ему сказала о несчастье твоём.
Он – искатель твой отважный, ловкий в деле боевом,
Ими велено мне было проскользнуть к тебе тайком".

Дева молвила: "Правдиво сей рассказ был изъяснен.
Как могла Фатман разведать, кто увел меня в полон?
Где-то есть, наверно, тополь, кем огонь мой разожжен,
Напишу я, ты же устно изъясни сердечный стон".

СКАЗ 42

ПИСЬМО НЕСТАН- ДАРЕДЖАН К ФАТМАН

Светлоликая писала: "Ты мне матери милей,
Посмотри, что мир содеял с бедной пленницей своей!
Он, терзающий мой разум, увеличил вихрь огней,
Но пришло твое посланье, стало на сердце светлей.

От волхвов двоих спасла ты горевавшую в плену.
Ныне, каджами хранимых, я ворот не отомкну,
Ибо тысячи злодеев стерегут меня одну,
И мои не тронут стоны роковую тишину!

О каких еще событиях написать возможно тут?
Дулардухт не возвратилась, каджи скоро не придут,
Но бесчисленные стражи замок зорко стерегут.
Будут поиски бесцельны и бесплоден всякий труд.

Кто искать меня приехал, жизнь цветущую казня,
Тот напрасно подвергает сердце ярости огня.
Всё же, солнце созерцавший, он счастливее меня,
И к нему питаю зависть я, не видящая дня.

Я тебе не рассказала нашей повести тогда:

Это стоило бы сердцу непосильного труда.
Пусть возлюбленный смягчится, или ждет меня беда,
Напиши ему, пускай он не является сюда.

Без его мучений лютых здесь тоски довольно мне,
Коль его увижу мертвым, я умру в двойном огне,
Мне никто помочь не сможет в этой дьявольской стране.
Да побьют меня камнями, если этой быть войне!

Ты велишь прислать что-либо для того, кто мной любим.
Шлю обрывок покрывала, мне подаренного им.
Дар его являлся взору наслажденьем неземным,
Хоть с моею долей черной он окраскою сравни.

СКАЗ 43

ПИСЬМО НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

А теперь она, рыдая, шлет возлюбленному вдаль
То письмо, что раздирает сердце внемлющим, как сталь.
Слезы гасят жгучий пламень, что зажгла ее печаль,
И разорванная роза обнажает свой хрусталь.

"Из души письмо я выну, тело будет мне пером,
Горькой желчью напишу я, вспоминая о былом.
На листе трепещет сердце, как на сердце дорогом.
Сердце, к сердцу припадая, век останешься вдвоем!

Ты, мой свет необычайный, чародейных полный сил,
Без тебя темнеет сердце и сияние светил.
О, недаром взору мудрых мир неверностью не мил!
Без тебя меня безмерно гнет печали истомил.

Разлучили нас навеки жизнь тревожная и рок,
Я чужда теперь веселью – веселивший так далек.
Ах, оторванный от сердца, ты страдать его обрек!
Что таил доселе разум, то в узоре этих строк.

Я, клянусь твоим сияньем, мертвецом тебя сочла,

И была палящей скорбью радость выжжена дотла;
Но узнала – жив, и к небу вознеслась моя хвала.
Прежний мрак уравновесить весть отрадная пришла.

В сердце весть проникла светом дорогого бытия,
И оно презрело раны обожженные края.
Пусть к затерянной стремится греза нежная твоя
И растет любовь, что в сердце для тебя взрастила я.

Так пишу, но не опишешь всей истории моей,
Так язык иссохнет, правда станет вздором для ушей.
Помогла Фатман вначале; небеса молю о ней.
Снова мир меня терзает в злобной ярости своей.

И теперь, прибавив к горю горе горше во сто крат,
Он израненную ранить снова бедствиями рад.
Под конец меня он ввергнул в необорный этот ад.
Так, подосланные роком, нас случайности казнят.

До подножья этой башни не достигнет острый взор,
В глубь скалы ведет дорога, и стоит на ней дозор.
Смена вовремя приходит по угрюмым ребрам гор,
Чужака хватая, стража превращается в костер.

Знай, что способом особым начинают битвы тут,
Горше этого мне будет, коль тебя они убьют,
И сгорю, как от огнива загорающийся трут.
Так смирись, храбрец хоть сердцем, как утес отвесный,
крут!

Не хочу я, чтоб любимый так терзался и страдал.
Не подумай, что другому рок любовь твою отдал,
Не бывать тому вовеки! Обреченная меж скал,
Лучше брошусь я с обрыва или кинусь на кинжал.

Я, клянусь тобою, солнце, буду век твоей луной,
Я не дамся, если даже трое солнц придут за мной,
И скорей со скал низринусь в сумрак пропасти ночной.
Обратись, любимый, к небу с окрыленною мольбой!

Будь заступником пред богом. Тяжко мне в краю
земном,
Окруженной гулким ветром, влагой, прахом и огнем.
Окрыли меня, всевышний, чтобы в сумраке и днем
Я с лучом не разлучалась и жила, как птица, в нем.

Без тебя погаснет солнце, ты ведь часть его огня,
Так сопутствуй же светилу, вечный жар его храня.
Буду зреть тебя, и сердце озарится у меня.
Жизнь горька, и смерть подходит, к темной пропасти
маня.

Не страшит меня погибель. Возносясь к тебе душой,
Я любовь твою вобрала, и она во мне, со мной.
Хоть разлука ранит сердце и томит его тоской,
Не рыдай и не печалься, пламень сердца дорогой.

Мой родитель в затрудненье. Устремись туда, где он

Разъяренными врагами отовсюду окружен;
Бездочерному будь сыном и, сияньем озарен,
Помни деву, от которой мир слезами отделен.

Мой удел, достойный жалоб, мною ныне изъяснен,
Эта правда, тронув сердце, порождает долгий стон.
Скоро стану я причиной злого карканья ворон,
А пока жива я, будет взор твой влагой орошен.

Берегу я твой подарок, это чудо из чудес,
Символ радости, чей светоч неожиданно исчез.
Шлю герою покрывала, им подаренного, срез.
В гневе кружится над нами колесо семи небес".

Так любимому посланье дописала и потом
Край отрезала у шали, эту память о былом,
и открывшиеся косы чудным прянули ручьем.
Ворон пальмы ароматы разведал своим крылом.

В Гуланшаро возвратился к госпоже слуга опять,
Долгий путь он был способен во мгновенье совершать.
Он явился к Автандилу, не заставив долго ждать,
И восславил солнцеликий провиденья благодать.

Он Фатман с улыбкой молвил: "Я по милости твоей
Всё узнал, услуга эта мне сокровища ценней.
Пробил час. Приходит время. Надо рать собирать скорей.
В царство каджей приведу я их нежданных палачей".

Отвечала: "В отдаленье от живых твоих огней
Мне в страдающее сердце заползет орда теней,
Но не думай обо мне ты, следуй помыслом за ней.
Если каджи всё узнают, будет справиться трудней".

И прислужников созвал он, коих дал ему Придон.
Повелел он: "Каждый мертвый днесь да будет
воскрешен!

Мы желанное узнали. Вестью падший окрылен.
В прах врагов пора повергнуть, слышать горестный их
стон.

Передайте Нурадину, что пришлось увидеть вам.
С ним пока я не увижусь. Путь мой дальний скор и прям.
Пусть, возвысив мощный голос, он готовится к боям.
Всё, чем ныне я владею, вам, служители, отдам.

Остаюсь теперь я вашим благодарным должником,
Расплачусь, когда с Придоном повстречаемся потом.
Ныне выдам, что с пиратов общим взяли мы трудом,
Здесь я больше не имею. Покажусь я вам скупцом.

Не при мне мои богатства, не смогу раздать наград".
Тут корабль им подарил он и для каждого наряд
И велел: "Дорогой прежней вы отправитесь назад!
Вот письмо. Придону дайте, я писал, как брату брат!"

СКАЗ 44

ПИСЬМО АВТАНДИЛА К ПРИДОНУ

Написал: "Придон державный, полный счастья, царь
царей,
В ратоборстве лев могучий, солнце в полчище лучей,
Вражьей кровью затоплявший ширь бескрайнюю полей,
Я – твой младший брат и брату шлю привет из-за морей.

Награжденный за страданья, что изведаны сперва,
В деле, мною предрешенном, я добился торжества
И узнал об испытаньях неземного существа,
О котором дума в муках всё ж поддерживает льва.

Каджи солнце полонили, к нам пришла оттуда весть.
Путь мне кажется игрою, хоть преград немало есть.
Под дождем хрустальным роза продолжает нежно
цвести.
Каджей нет пока в Каджети, но воителей не счесть.

Я рыдаю от восторга, поредела ныне мгла,
Для союзной вашей силы выполнимы все дела;
Невозможно, чтоб удача вас, могучих, обошла.
Что противники? Отступит перед вами и скала.

Я не смог тебя увидеть, о прости мне! Дни летят,
Мне нельзя остановиться: ведь плененную томят.
Мы в веселье возвратимся, будешь встрече этой рад.
Больше нечего добавить. Помоги по-братски, брат!

Этих слуг не одарил я, пусть их бог вознаградит,
Пусть их ревностная служба ваше сердце веселит.
Долго с вами пребывая, каждый станет знаменит,
Ибо каждое подобье ряд подобий породит".

Написал письмо красиво, дал Придоновым рабам;
Розы цвет неизъяснимо шел фиалковым кудрям,
Молвил: "Устно передайте вести, ведомые вам.
И коралловые двери открывались жемчугам.

Отыскав корабль, идущий до желаемой страны,
В путь отправилось светило, что прекраснее луны.
Для него часы прощанья были тягостно грустны,
Кровь и слезы проливали те, что с ним разлучены.

Все: Фатман, Усен и слуги слезы пролили из глаз,
Говорили: "Солнце скрылось, день ласкающий погас!
Почему во мрак ввергаешь ты сгорающих сейчас?
Погреби врагов руками, погребаящими нас!"

СКАЗ 45

ОТЪЕЗД АВТАВДИЛА ИЗ ГУЛАНШАРО И ВСТРЕЧА ЕГО С ТАРИЭЛЕМ

На галере быстроходной пересечь он море смог.
Ехал он верхом в веселье, совершенно одинок,
И, спеша скорей избавить Тариэля от тревог,
К небу руки простирая, славил господа и рок.

Было лета наступленье, на земле обилье трав;
Стали розы распускаться, перед встречей засверкав;
Солнце шло к созвездию Рака, достигая майских прав.
Он вздохнул, в цветке долины снова милую узнав.

Облака, гремя, омыли мир хрустальной водой;
Губы розу лобызали, ей подобные красой,
Он сказал: "Гляжу я нежно на расцвет прелестный твой;
Говоря с тобою, тешусь, как с палящей девой той".

Вспоминая Тариэля, предавался он слезам,
Путешествовал по трудным, утомительным путям,
По пустынным, бездорожным и неведомым краям;
Львов и тигров убивал он, приближаясь к тростникам.

И, узрев пещеру, молвил: "В этих скалах светоч есть,
Для которого пришлось мне слезы лить и вновь
расцвествь.

Я достоин видеть ныне воплощающего честь;
Если нет его-напрасна окрыляющая весть.

Если б он домой вернулся, задержался бы навряд;
Верно, снова устремился вдаль, куда глаза глядят.
Может, в зарослях сокрылся обезумевший мой брат".
С этой мыслью он поехал по равнине наугад.

Ехал он неспешной рысью, пел, отрадою влеком,
Окликал он Тариэля, всё оглядывал кругом.
Только в доли углубился – и зажглись они огнем:
Тариэль виднелся в чаще с обнаженным лезвием.

Льва убил солнцеподобный; меч широкий был пунцов,
Так стоял герой индийский, спешась возле тростников.
Он безмерно удивился, Автандила слыша зов,
Но узнал и устремился, словно луч из облаков.

Тариэль свой меч отбросил, к побратиму поспешив.
Был спаспет, с коня сходящий, ослепительно красив.
Те светила целовались, шеи белые скрестив,
Раскрывающейся розы сладкозвучен был призыв.

Причитанья Тариэля слыша, дрогнул бы утес;
Лес гишера стал багровым от кровавых этих рос.

Тело тополя безмерно орошали токи слез:
"Ах, тебя ко мне принесший бог страдания унес!"

Тариэлю солнцеликий долгожданное изрек
И кораллы, улыбаясь, блеском жемчуга обжег:
"Мне порадовать страдальца бог всеблагодостный помог,
Ныне розы отцветавшей обновляется цветок".

Молвил тот: "Меня безмерно твой обрадовал приход,
Твой лучистый взор снимает с сердца сдавленного гнет;
Пусть целителя иного мне создатель не пошлет, -
Ничего без воли бога человек не обретет".

Было видно, что влюбленный не поверил ничему,
Солнцеликий это понял, поспешил он потому
Показать покров светила, отгоняющего тьму;
Тариэль, его увидев, сразу бросился к нему.

Срез покрыва и посланье разворачивает он
И, прижав к устам, склонился, розоцветности лишен,
Вмиг гишеровую стражу охватил глубокий сон.
Этих мук не снес бы Каис, Сал исторг бы тяжкий стон.

Автандил, узрев героя, вмиг окованного сном,
Устремился, беспокоясь о собрате дорогом.
Только чем поможешь телу, опаленному огнем?
Эта вещая примета завладела бытием.

Автандил присел; излился сладкозвучных слез поток;

Был разорван ворон, севший на хрустальный потолок;
По граненому рубину бил алмазный молоток
И коралловые струи из разбитого извлек.

Он лицо свое царапал, кровь текла обильней вод:
"Так не делал ни единый одержимый сумасброд.
Ах, зачем залить спешил я разъяренный пламень тот?
Как нечаянное счастье, столько вынесший, снесет!

Ныне друга погубил я; как поднять мне к небу взор?
Я, пощады недостойный, непростительно был скор.
Безрассудный в деле трудном обретает лишь позор,
Пред неспешностью хулимой спешка славимая – вздор".

Отбежал спаспет от солнца, что склонилось, потемнев:
В тростниках воды искал он; там лежал сраженный лев,
Кровью льва спаспет решился злых огней умерить гнев,
Лишь на грудь он кровью брызнул, друг расцвел,
порозовев.

Льву подобного обрызгал кровью львиною собрат,
И тогда индусов темных дрогнул мертвенный отряд.
Вот открыл глаза, поднялся восхваленный многократ,
Блеском солнца ущербленный, голубеет лунный взгляд.

Розы вянуть заставляет зимний ветер ледяной;
Близость солнца их сжигает, обесцвечивает зной,
Хоть восторженно над ними соловей поет лесной;
Жжет жара, морозит стужа, больно летом и зимой.

Так и сердце человека не насытится никак:
Скорбь и радость порождают лишь безумие и мрак,
Сердце отдыха не знает, истязаемое так,
Тот лишь миру доверяет, кто себе великий враг.

Тариэль вернулся к чтению смертоносного письма,
Вновь к очам своим приблизил он сводящее с ума;
Ослепленного слезами заволакивала тьма.
Автандил вскочил, и молвил он, рассерженный весьма:

"Так вести себя позорно тем, кто с мудрыми знаком!
Надлежит нам улыбаться, для чего же слезы льем?
Встань, похищенное солнце мы разыскивать пойдем,
Вскоре встретятся два сердца и останутся вдвоем.

Брат, сперва, как подобает, мы сердца повеселим,
А затем коней направим мы к волшебникам лихим.
Лишь мечам своим дорогу нам указывать велим,
Без урона возвратимся, подлых в пададь превратим".

Тариэль расспросы начал, стих страдания порыв.
Стрелы молний черно-белых он метал, глаза открыв,
Словно лал, пронзенный светом, разгорался он, красив;
Был он счастья достоин, милость неба заслужив.

Благодарность Автандилу оживленный изъявлял:
"Восхвалить едва ль возможно столь достойного похвал.
Оросил цветок равнины ты, струющийся со скал,

И сдержал бежавший бурно слез моих кипучий вал!

Отплатить я не сумею сокрушителю преград,
Но тебя за подвиг этот небеса вознаградят".
На коней они вскочили и в скалистый дом спешат.
Провиденье насыщает голодавшую Аснат.

У дверей Аснат сидела, не одетая, одна,
Пригляделась и узнала вороного скакуна.
Пели оба, и, услышав песню сладкую, она
Вмиг накинула одежду и вскочила, смятена.

До сих пор она встречала вечно плачущим его,
Ныне очень удивилась, видя смех и торжество,
Словно пьяная, в испуге встрепенулась оттого.
Ей в неведение казалось, что грядущее мертво.

От ликующих героев весть услышала она:
"О Аснат, нам божья милость неожиданно дана!
Мы узнали, где сокрыта долгожданная луна, В
скорее будет жгучесть горя навсегда угашена".

Чтоб сестру обнять скорее, соскочил спаспет с коня.
Дева пальму охватила, ветки гибкие клоня,
Лик и шею целовала, причитая и стена:
"Если что-либо узнал ты, не таи же от меня!"

Излученное светилом, что во тьму заключено,
Было деве Автандилом то посланье вручено,

Он сказал: "Письмо ты видишь от исчезнувшей давно,
Солнце близится, и тени удалит от нас оно".

И когда узнала руку обожаемой, Асма
Поразилась, ибо в мире не ждала она услад;
Удивлennю отдаваясь вся от темени до пят,
Возгласила: "Сном иль явью ныне взор и слух объят?"

Автандил сказал: "Не бойся, эта весть вполне верна,
Нам дана отрада ныне, и печаль удалена.
Приближается светило, тьма отныне не темна.
Одолела добродетель, да главенствует она!"

Говорил с Асма индеец, и ответствовала та.
Слезы радости рождала упоенья полнота,
И была с вороньих крыльев роза влагой залита.
В трудном деле человека не покинет высота.

Бога славили герои: "Нам ты лучшее послал
И горчайшего, как видим, никогда не присуждал".
Царь индийский, озаряясь, к небу длани простирал.
Угощать Асма спешила их, вошедших в горло скал.

Тариэль сказал: "Послушай, что поведаю я, брат,
Не подумай, что о добром я рассказывать не рад.
С той поры, как перебил я дэвов яростных отряд,
Здесь, лишенные владельцев, их сокровища лежат.

Тех богатств не пожелал я, скорбью скованный своей;

Мы пойдем туда, узнаем, скрыто много ли вещей?"
Встали оба, не промедлив, не сиделось там и ей,
И легко они взломали сорок дьявольских дверей.

Увидали то, что, верно, никогда не видел глаз:
В грудях сложен был граненый драгоценнейший алмаз,
Жемчуг словно мяч, что с поля принесли сюда сейчас.
Разве можешь счесть то золото, что никто не счел хоть
раз?

Горниц сорок осмотрели, был безмерен ценный клад.
Там нашли они и погреб, где оружие хранят.
Словно овощи на рынке, громоздились горы лат,
И один ковчег закрытый привлекал печатью взгляд.

А на нем виднелась надпись: "Ларь наполнен потайной
И басрийскими мечами и чудесною броней.
Если встретят каджей дэвы, то настанет день лихой;
Будет тот цареубийцей, кто откроет в час иной".

Тот ковчег они открыли и нашли доспехи в нем;
Было там брони довольно, чтоб одеться ею трем:
Мечи, латы и шеломы, наколенники – притом
В изумрудах, как на раках, пламенеющих огнем.

Львы примеривали латы и пытались их рубить:
Невозможно было тело в этих латах уязвить.
И ничто того оружия не могло бы заменить:
Сталь клинками рассекали, словно шелковую нить.

Изрекли: "Теперь-то будет наш губителен удар!
Бог на землю оглянулся, чтобы в нас утих пожар".
Латы витязи забрали, недоступные для чар,
Для себя доспехи взяли и набор Придону в дар.

Взяли злата и жемчужин, сколько вынести плечу,
Сорок горниц запечатав, вышли равные лучу.
Автандил сказал: "Отныне прикрепляю длань к мечу;
В эту ночь не ускачу я, на заре коня помчу".

СКАЗ 46

ПРИЕЗД ТАРИЭЛЯ И АВТАНДИЛА К ПРИДОНУ

Взяв АсMAT, помчались братья, лишь взошло светило
дня,

До границ страны сажали за собою на коня.
Там купец им продал лошадь, хоть недешево ценя,
Находил спаспет дорогу, провожатых заменяя.

С пастухами Нурадина братья встретились потом,
Лошадей табун узрели на просторе полевом.
Тариэль сказал спаспету: "Дай подшутим над царем
И охотиться за стадом Нурадиновым начнем.

Царь услышит, что чужие скот угнали, налетев,
Мигом в поле он поскачет совершать кровавый сев,
Но узнает, удивится, позабудет лютый гнев.
Даже гордый станет весел, шутку добрую узрев".

Жеребцов забрали царских нагоняющие жуть.
Пастухи зажгли светильник, поспешив огонь раздуть,
Закричали: "Кто вы, сталью пролагающие путь?
Наш владыка дерзновенным свой клинок вонзает в
грудь".

Тут взялись они за луки и погнали пастухов,
Пастухи кричали громко, был отчаянным их зов:
"Помогите, удержите необузданных бойцов!"
Шум поднялся, царь услышал донесение рабов.

На коня вскочил державный и тяжелый меч вознес;
Переключку совершая, строй воителей возрос;
Приближались ратоборцы, не страшившиеся гроз;
И забралами скрывали пышноцветность нежных роз.

Тариэль, узнав Придона, молвил: "Вот кто нужен мне".
Снял тут шлем он, засмеялся, отблеск сея в вышине,
И добавил: "Знать, приход наш нежелателен стране,
И скупой на хлеб хозяин приготовился к резне".

Соскочил с коня державный, совершил земной поклон,
И друзьями дорогими был в объятия заключен.
К небу руки простирая, прославлял творца Придон.
Солнцеравных целовали охраняющие трон.

Царь сказал: "Не мало ждал я, что же мешкали вы там?
Разве стану я лениться, услужить желая вам?"
Солнц двоих с луною встреча здесь мерещилась рабам.
Быстро пастбища покинув, все направились к дворцам.

Вместе спешили у дома, что убранством знаменит.
Мулгазарец Автандила усадить с собой спешит,
На престоле Тариэлю расстелили аксамит.

Поднесли Придону братья те доспехи, меч и щит.

"Кроме этого, – сказали, – что дадим тебе, герой?
Но у нас еще богатства есть и в местности другой".
Отвечал Придон, к ногам их припадая головой:
"Мне скорее подобает поднести вам дар такой".

После отдыха ночного предложил купанье им,
И подарками осыпал их радушный побратим.
Одарил он их обоих одеяньем дорогим,
Перлы в чаше драгоценной дал товарищам своим.

Он сказал: "Хоть это слово мне не радостно ничуть,
Хоть отъезд гостей хозяин и желал бы оттянуть,
Промедление – смертельно, лучше ехать в дальний путь.
Если каджи подспеют, не позволят и вздохнуть.

Лучше с малым, но хорошим вдаль отправиться полком.
Человек примерно триста с нами двинется верхом,
Сокрушим и завоюем мы Каджетию мечом
И сердца людей томящий, тополь стройный обретем.

Я бывал у каджей прежде, их твердыня ранит взгляд.
Все подходы там скалисты, не исчислите преград.
Если двинемся открыто – нас, конечно, отразят;
Там скользящий незаметно, малый надобен отряд".

Побратимы с мулгазарцем согласились под конец.
И Асмаг гостеприимство оказал тогда дворец.

Триста всадников забрали озарители сердец,
Напоследок даст победу всем страдающим творец.

Через море побратимы переправились втроем;
Путешествовали ночью, путешествовали втроем;
И сказал Придон: "Мы скоро до Каджетии дойдем,
Чтобы враг не заметил, ночью двинемся тайком".

Те послушали Придона, мудрой речь его была.
Их задерживало утро, им сопутствовала мгла,
Скоро стены показались и охрана без числа,
И гудела часовыми окруженная скала.

У прохода десять тысяч охранявших увидав,
При луне узрели братья город с множеством застав
И шептали: "Мы обсудим, чем смирить их лютей нрав.
Сотня тысячу осилит, средства лучшие избрав".

СКАЗ 47

СОВЕЩАНИЕ ПРИДОНА, АВТАНДИЛА И ТАРИЭЛЯ У КАДЖЕТСКОЙ КРЕПОСТИ

Нурадин сказал: "Неверной будет речь моя навряд:
Лишь великими войсками можно взять подобный град;
Время ль хвастать? Мы имеем недостаточный отряд,
Коль замкнутся, мы напрасно простоим века у врат.

Хорошо канатоходству я обучен с давних пор,
Научился всем уловкам, стал я ловок, смел и скор,
Как носился по канату, уследить не мог бы взор.
Подражать юнцы пытались, но терпели все позор.

Кто из вас аркан умеет лучше кинуть в высоту,
Тот один конец каната пусть метнет на башню ту.
По нему легко промчусь я и победу обрету.
Вы, войдя, внутри найдете вместо стражи пустоту.

По канату в тяжких латах проскользну я без труда,
Налечу подобно ветру, спрыгнув дерзостно туда.
Всех убью, врата открою; устремитесь-и тогда
Устрашающе протрубят трубы нашего суда".

Автандил сказал Придону: "Для друзей ты не был лих;
Ты надеешься на крепость львиных мускулов своих;
Хоть тверды твои советы, хоть заплачет враг от них,
Но ужели ты не слышишь переключки постовых?"

Зазвонит броня, узнают о прибытии твоём,
Сторожа твою веревку поспешат рассечь мечом.
Брат, подобная попытка не окончится добром.
Твой совет не пригодится, мы другое изберем.

Вы сокройтесь, и в засаду с вами войско пусть пойдёт.
Для купцов не закрывают в этом городе ворот,
В одеянии торговца я сыщу свободно вход.
Мой клинок, шелом и панцирь мул за стены провезет.

Если все войдем – заметят, и немало будет ран.
Я один, переодетый, проберусь во вражий стан;
Тайно латы я надену, сторожей введу в обман,
И утес от вражьей крови станет влажен и багрян.

Быстро с внутренней охраной за стеной расправлюсь я,
Вы, снаружи налетая, извлеките лезвия,
Все затворы и ворота распахнет рука моя.
Если лучшее найдете – будет принято, друзья".

Таризель сказал: "Храбрейших вы, могучие, храбрей;
Сочетаете вы мудрость с непреклонностью своей,
Вам свирепый бой желанен, не бесцельный звон мечей;

Хорошо в разгаре битвы быть среди таких друзей.

Всё же дело изберите вы достойное и мне.

С высоты Нестан увидит, стоя с солнцем наравне,

Вас, врагов мечом разящих, Тариэля в стороне.

Не перечьте! Что поможет посрамленному втроене?

Мой совет скорей повергнет неприятелей во прах,

Мы возьмем по сотне каждый, чуть блеснет на небесах,

Трое с трех сторон к воротам устремимся на конях;

Те отряд увидят малый, но потом узнают страх.

Налетим молниеносно, затворить не смогут врат.

Хоть один вовнутрь ворвется, двое пусть извне разят,

Пусть вошедший не жалеет вражьей крови водопад.

Вновь да славится завтра в дланях дружеских булат!"

Нурадин сказал: "Всё это разъяснилось для меня.

Вряд ли кто у врат задержит Тариэлева коня:

Подарил, когда не снилась мне в Каджетии резня,

Если б знал я, то не отдал, как скупой его храня".

Нурадин шутил, толкуя о подарке дорогом,

И смеялись беззаботно острословные втроем;

Веселясь и забавляясь перед грозным ратным днем,

Скакунов они водили в облаченье боевом.

Мудрой речью услаждаясь и не споря меж собой,

С Тариэлем согласились вознесенные судьбой,

Взяли всадников по сотне, где героем был любой;
На коней воссели братья, каждый шлем скрывая свой.

СКАЗ 48

ВЗЯТИЕ КАДЖЕТСКОЙ КРЕПОСТИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Видел я троих героев; блеск их ярче солнца был,
В световом столбе стояли под опекою светил,
Тариэль на вороного сел и поле осветил.
Враг от вида поражавших падал в прах, лишенный сил.

Мой рассказ необычайный только истиной богат:
Коль обрушится обильный ливень с облачных громад,
То в трепещущих ущельях все потоки закипят,
Но когда вольются в море, только гладь увидит взгляд.

Хоть славны своим геройством и Придон и Автандил,
Нет бойца, чтоб Тариэлю в ратном поле равен был.
Солнце сразу затмевает все созвездия светил.
Люди, слушайте, глядите, что содеет ратный пыл!

Поделили три героя трое вражеских ворот,
Каждый по сто взял из войска емельчаков наперечет
Чтобы всё разведать, ночью быстрый сделали обход.
Рассвело, и со щитами смело двинулись вперед.

Словно странники, сначала шли нестройною гурьбой,
И никто не распознал их, не окликнул часовой.
Встали вольно и спокойно перед вражеской стеной,
Шлемы вовремя надели и сомкнули ратный строй.

Сразу плети засвистели, кони кинулись вперед.
Крик отчаянный раздался из незапертых ворот.
С трех сторон три друга в город сразу врезались вразлет,
И от грома труб их дрогнул вражий прорванный оплот.

Божья кара била каджей, возникая из высот.
Отвратясь от солнца, Кронос сумрак мертвенный несет,
Буйной бурей перевернут и низвергнут небосвод.
Поле павших не вмещает, тяжесть тел его гнетет.

Грозный голос Тариэля без меча людей сражал;
Он срывал с людей кольчуги и метал металл в металл.
У ворот сомкнулись в рубке, час решительный настал,
И ворвались все, и каждый стражу в ужас повергал.

Так ворвавшись, повстречались Автандил и лев-Придон,
Был весь город беспощадно кровью стражи обогрен.
Вскрикнув, радостно обнялись, больше не было препон.
Обернулись – только третий побратим не обретен.

Не узрели Тариэля, и никто не знал о нем.
Не теснимые врагами, к башне двинулись вдвоем,
Где виднелся холм доспехов, перерубленных мечом,

Десять тысяч тел застывших громоздились кругом.

Перебитые лежали перед башнею полки,
На изрубленных останках лат искрошенных куски.
От дверей, разбитых в щепки, не осталось ни доски:
Было видно – это дело Таризелевой руки.

Видят оба: путь расчищен. Вмиг вошли в зиявший зев;
И змея, луну для солнца отпустив, забыла гнев.
Сняв шелом, с челом лучистым он предстал, похорошев.
С грудью грудь и с шеей шея райских двух слились
дерев.

Обнимались и рыдали, в их сердцах огонь был яр,
Словно, встретившись в лазури, к Зуалу прильнул
Муштар;
Солнце розу озаряет, и она горит, как жар.
До поры сердца страдали, днесь даны друг другу в дар.

Обнимались и стояли, шею к шее приложив,
Розы уст разверстых, юных вновь и вновь сливал порыв.
Подошли и побратимы. Был их облик горделив.
Славя солнце, перед светлой стали, головы склонив.

Их приветствовало солнце, блеск улыбки в них проник,
Лик с лобзанием приветным к двум спасителям приник,
Изъявляя благодарность, низко кланялся тростник;
И беседовали дружно, и сверкал речей родник.

Обратились к Тариэлю. Он, как тополь, в землю врос.
Говорили друг о друге, за вопросом шел вопрос.
Враг не тронул их доспехов и увечий не нанес,
Львам они подобны были, а враги их – стаду коз.

Шестьдесят и сто осталось у Придона от трехсот;
Жаль утраченных, но общий в деле радостен исход.
По врагам прошли с мечами: кто не умер – да умрет!
И нашли казну, которой совершить нельзя подсчет.

Много мулов и верблюдов захватили из теснин,
Самоцветами навьючив, в караван свели один.
В каждом выюке каждый камень – яхонт, жемчуг иль
рубин.
Завоеванное солнце усадили в паланкин.

И, в Каджетии оставив славных стражей шестьдесят,
Повезли царевну – трудно отобрать ее назад!
Взяли путь на Гуланшаро. Хоть далек был этот град,
Благодарные решили, что Фатман вознаградят.

СКАЗ 49

ПРИБЫТИЕ ТАРИЭЛЯ К ЦАРЮ МОРЕЙ

И к царю морей с посланьем Тариэль послал гонца:
"Прибыл я, врагов разитель, рассекающий сердца.
Я везу свое светило из каджетского дворца
И тебя спешу увидеть, как родимого отца.

Ныне каджей покоривший, всем владею в тех местах,
Царь, тебе обязан счастьем их повергнувший во прах,
Солнцу став Фатман сestroю, помогла рассеять мрак.
Что же дам тебе в отплату я, посулов лживых враг?

Повидай же нас, покуда не прошли страны твоей,
Забери себе Каджети, всемогущий царь морей,
Завладей твердыней горной, там поставь своих людей;
Я спешу в края иные, выйди встретить поскорей.

От меня скажи Усену, чьи деяния светлы,
Пусть пришлет Фатман утешить солнце, вставшее из
мглы,
Избавительницу видеть жаждет пленница скалы,
Та, что солнце затмевает, как хрусталь – поток смолы".

Был морского государства повелитель изумлен:
Кто не вздрогнет, если будет о подобном извещен!
Вседержителя прославил, был безмерно восхищен,
Из своих чертогов царских не замедля отбыл он.

И, желая справить свадьбу, весь весельем осяян,
Одеяньями и златом нагрузил он караван,
Путешествовал дней десять, взяв с собою и Фатман,
Чтоб увидеть льва и солнце, яркий светоч многих стран.

Далеко навстречу вышли все к властителю морей,
Целовал и обнимал он и спаспета и царей.
Восхваляли Тариэля, он отвечал щедрей.
Увидав Нестан, державный таял в зареве лучей.

Вновь была Фатман сверканьем солнцеликой пронзена,
С причитаньями лобзала ноги царственной она:
"Послужить хочу светилу, тьма отныне не темна.
Злобы краткость я познала, доброта твоя вечна".

У Фатман в объятьях нежных сладко дева изрекла:
"Цвет увядший воскресает – это божию дела;
Днесь я столь же неущербна, как и прежде я была,
Роза снова расцветает возле света и тепла!"

Свадьбу пышную устроив новобрачным дорогим,
Царь семь дней не расставался с амирбаром молодым,
Рассыпающий подарки властелин неистощим,
И, стирая блеск, шагали по монетам золотым.

Там атлас и шелк узорный был кругом нагроможден.
Царь из золота литого подарил герою трон,
И поднес царю индийцев он корону из корон,
Был из яхонта большого дар бесценный сотворен.

Деве дивную одежду дал в подарок царь морей,
Бадахшанские рубины рдели заревом на ней.
Сели юноша и дева, лица – молнии ясней.
Созерцавшие прияли новых множество огней.

Что собратьям подарил он, я едва ли оценю:
По украшенному пышно, необгонному коню,
По одежде в самоцветах, подражающих огню.
И царя благодарили облаченные в броню.

Тариэль владыку славил сладкозвучным языком:
"Стал отрадою богат я, повстречавшийся с отцом,
И щедротами большими был осыпан я притом.
Поступили мы неплохо, что увиделись с царем".

Царь сказал: "О, лев державный и прославленный не раз,
Встреча с вами – воскрешенье, расставанье – смертный
час.

Меж даров земного мира нет достойного для вас.
Как останусь без тебя я, лучезарный светоч глаз?"

Тариэль Фатман промолвил: "Ты сестрой наречена;
Я в долгу навек останусь, ты простить меня должна:

Все богатства, что таила чародейная страна,
О сестра, тебе дарю я, отдаю тебе сполна!"

Благодарность изъявила, низко кланяясь Фатман:
"Властелин, своим отъездом ты наносишь много ран.
Сразу мой затмится разум, лишь умчится стройный
стан.
Тот горюет беспрерывно, кто тобой не осиян!"

И, сияя, возгласили те, достойные похвал,
Что меж раковин пурпурных скрыли искристый
кристалл:
"Хоть без вас неблагозвучны и свирели и кимвал,
Но позвольте нам уехать, ибо срок наш миновал.

Будь родителем ты нашим, о владеющий страной,
Подари корабль скитальцам, быстроходный и большой".
Царь сказал: "Для вас без грусти я покину мир земной.
Ты спешишь. Иди, могучий, предводитель и герой!"

Оснастил корабль властитель, вокруг забегали лады.
Те поднялись. Поморяне застонали в забытии,
Вырывали и бросали в воду бороды свои.
Океан переполняли слез Фатманиных ручьи.

СКАЗ 50

РАССТАВАНИЕ ТАРИЭЛЯ С ЦАРЕМ МОРЕЙ И ПРИБЫТИЕ ЕГО В ЦАРСТВО ПРИДОНА

Быстро море переплыли лучезарные втроем,
Новым словом укрепляли изреченное в былом.
Пели, сведущие в пенье, услаждались торжеством,
И лучи пурпурной розы отражались хрусталем.

С человеком весть оттуда львы отправили к Аснат:
"Нурадин с друзьями вскоре вступит радостно во град;
Вознеслось высоко солнце, и планет затмился ряд,
Замерзавшие доньне позабудут розы град".

Мчались берегом, светило усадивши в паланкин,
Словно юноши резвились, веселились, как один.
Только прибыли в державу, где владетель – Нурадин,
Загремело пенье хора над просторами равнин.

Им навстречу царедворцы Нурадиновы спешат,
И рабынею прекрасный стан владычицы объят.
Так обнявшихся едва ли и мечи разъединят,
Ныне кончила служенье царской дочери Аснат.

Обнимала, целовала госпожа служанку там,
Говоря: "Тебя доселе предавала я скорбям.
Днесь обласканные богом, обратимся к небесам,
Но не знаю, что в награду этой преданности дам".

Говорит Аснат: "О боже, заалел бледневший лал,
Показал нам вседержитель, что до времени скрывал.
В жизнь погибель обратилась, влажный взор
возликовал".
Как прекрасно, если дружат повелитель и вассал!

Раздалась вельмож склоненных неподкупная хвала:
"Остается нам прославить милосердного дела,
Ибо только божья воля вас увидеть помогла.
Им же раненные тяжко исцеляет он тела".

Все прикладывались кротко к мощным дланям удалых.
Царь промолвил: "Братья ваши пострадали за других,
Наслажденье ожидает их в селениях святых.
Славе божьей причастившись, стала вечной слава их.

И хотя кончиной храбрых ныне сердце пронзено,
Но великое блаженство там за доблесть им дано".
Он замолк, заплакал скорбно, дождь и снег смешал в
одно,
И метелью из нарциссов было всё занесено.

Слезы витязя увидев, зарыдали все кругом.

И, утраченных оплавав, робко молвили потом:
"Если мы тебя светилом, вместе с мудрыми, сочтем,
Веселиться, а не плакать должно в обществе твоём."

Кто достоин заморозить несравненной розы цвет?
Ради вас погибнуть лучше, чем скитаться в мире бед".
Нурадин царю промолвил: "В этом горе смысла нет.
Много даст тебе всевышний и отрады и побед".

И спасет предался горю, сожалел о павших он,
Но промолвили другие: "Да прервется плач и стон!
Лик исчезнувшего солнца львом отважным обретен,
И поэтому не должно злой оплакивать урон".

Братья славные вступили в царский город Мулгазар:
Трубы громко зазвучали, веселился млад и стар;
Чудно громы сочетались барабанов и фанфар.
К ним стекались горожане, покидавшие базар.

Толпы зрителей сквозь толпы пробивались впопыхах,
Преграждала доступ стража им с оружием в руках.
Семьи целые толпились, возбудив в охране страх,
Умоляли пропустить их к повергающим во прах.

Пригласил тогда в чертоги их державный побратим.
Опоясанные златом подбежали слуги к ним,
Путь торжественный был устлан аксамитом дорогим;
Тьмы народа проходили по монетам золотым.

СКАЗ 51

СВАДЬБА ТАРИЭЛЯ И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН, ПРИДОНОМ УСТРОЕННАЯ

Для венчаемых поставил достославный царь Придон
Самоцветами покрытый желто-красный царский трон,
Для спасета желтый с черным повелел поставить он.
Был приходом долгожданных каждый зритель восхищен.

Поспевающих на праздник все услышали певцов.
Раздарив немало мягких, драгоценнейших шелков,
Всех Придон гостелюбивый тешил пышностью пиров.
Солнцеравной шла улыбка и сверкание зубов.

Вот с подарками Придона преступившие порог
Девять царственных жемчужин слуги вынесли в чертог
И еще бесценный камень, что сверканием обжег.
С ними ночью живописец написать картину мог.

А еще по ожерелью щедрый каждому поднес
Из граненых самоцветов, от которых блеск возрос.
Автандилу же Придоном, величавым, как утес,
Дан был бережно несомый драгоценнейший поднос.

Тот поднос переполняя, перлы крупные дрожат,
Автандил его приемлет, вознесенный многократ.
Всюду шелк и аксамиты многоцветные лежат.
Тариэль Придона славил за обилие наград.

Так Придон устроил свадьбу побратиму своему.
Не пришлось давать отдарок за подарок никому.
Восемь суток пели арфы и равняли свет и тьму.
Подходил тот витязь деде, дева – витязю тому.

Тариэль сказал Придону, размягчавшему и сталь:
"Брат родной такую службу сослужил бы мне едва ль;
За тебя поГибнуть – мало, и души самой не жаль,
Ибо раненого спас ты, угасив его печаль.

Ради нас арабский витязь не щадил души своей,
Неужели окажусь я бережливей и скупей?
В чем нуждается теперь он, расспросить его сумеи;
Он задул мое Горнило, я воздать хочу скорей.

Передай: "Ты ради друга грудью встретил лезвия,
Знай, что богом не забыта дружба верная твоя.
Если сделать не сумею им желаемого я,
То не надо мне ни дома, ни лачуги для жилья.

Изъясни, чего ты хочешь, как помочь твоим делам?
Я решил, поедем ныне мы в Аравию к царям.
Нет преград речам сладчайшим и воинственным мечам,

Если друга не женю я, не женюсь тогда и сам"".

Нурадином Тариэлев пересказан был совет;
Услыхал и улыбнулся ослепительно спаспет,
Объявил: "К чему помощник? У меня несчастий нет,
Далеко мое светило и от каджей и от бед.

Это солнце волей бога испытало торжество
И на троне восседает, не терпя ни от кого;
Не грозят ему ни каджи, ни другое колдовство.
Что за помощь мне потребна, ваши речи для чего?

День, судьбой определенный, будет милостью чреват,
Небеса пошлют утеху и горнила охладят.
Лишь тогда на это сердце снизойдет лучей каскад,
А дотоле не разрушу на пути моем преград.

Доложи: "Каким бы ни был ты сочувствием влеком,
Но за что платить стремишься, царь, не бывший
должником?
Я с утробы материнской вашим должен быть рабом
И да буду прахом вечно перед блещущим царем!"

Ты сказал: "И я желаю, чтобы ваш свершился брак",
Сострадательное сердце дружбу выказало так.
Но рубить мой меч не будет, там не будет встречен враг.
Лучше буду ждать, доколе небеса мне явят знак.

О своем стремленье давнем, не смущаясь, говорю;

Тариэля на престоле Индостана да узрю,
Чтоб с тобою села рядом излучившая зарю,
Чтобы сдался неприятель всемогущему царю!

Лишь когда осуществляются все желания вполне,
Я в Аравию отправлюсь, поспешу к своей луне.
Исцелить вольна царица истомленного в огне.
Ничего другого ныне от тебя не надо мне".

Передал Придон герою речь спаспетову сполна.
Тот ответил: "Нет, спаспету воля в этом не дана.
Как душа была собратом мертвецу возвращена,
Так и он пускай увидит, что любовь моя сильна.

Мой ответ ему поведай; не скажу я лстивых слов:
Пусть в Аравии увижу облик ласковый царев.
Ведь немало в иступленье я убил его рабов;
Без прощенья Ростевана не вернусь под отчий кров.

Ты скажи ему: напрасно начинать со мною спор.
Завтра в путь я отправляюсь, без сомненья буду скор.
Царь слова мои воспримет, не постигнет нас позор.
Умолю его, и выдаст услаждающую взор".

Передал Придон спаспету речь любезного очам:
"Не останется могучий – умолять напрасно нам".
Автандил таким ответом дымным предан был огням,
Но пристало ратоборцу уважение к царям.

Бил челом спаспет индийцу и ронял жемчужный град,
Говорил, целуя ноги, опуская долу взгляд:
"Я и так царя обидел и раскаяньем объят;
О вторичном вероломстве не проси, высокий брат.

Бог не даст на то согласия, – пылко вымолвил араб, -
Как наставнику изменой отплатить душа могла б,
Как я злом тому отвечу, кто, скорбя по мне, ослаб,
Как на сердце господина сможет меч обрушить раб?

Омрачит ее поступок необдуманый такой,
Опечалится царица и ответит мне враждой,
Не покажется и станет на известия скупой,
И не вымолвит прощенья для меня никто живой".

Таризель, улыбкой солнца золотящий высоту,
Поднял верного спаспета, молвив: "Зла не обрету;
Я, твою неоднократно испытывавший доброту,
Наших радостей слиянье разделению предпочту.

Смелым, ясным, откровенным надо быть в любви своей,
Не терплю я вечно хмурых и задумчивых людей;
Кто любить меня желает, пусть приблизится скорей,
А не то разлука будет этой страсти веселей.

Знаю, ты владеешь сердцем озаряющей парчу,
Вряд ли этим посещеньем я царицу огорчу,
Никогда обиняками я царя не омрачу,
Я хочу лишь поклониться их блестящему лучу.

Знай, почтительно владыку попрошу я без угроз,
Чтоб тебе своею волей дар желанный преподнес.
Как печальную разлуку ты без стона перенес?
Украшайте же друг друга, не теряйте цвета роз".

Увидав, что Тариэля не совлечь с дороги той,
Согласился и оставил пререкания герой.
Нурадин, пересчитавший им же избранный конвой,
В путь отправился с друзьями, восхваленными молвой.

СКАЗ 52

ТАРИЭЛЬ СНОВА

НАПРАВЛЯЕТСЯ К ПЕЩЕРЕ И ВИДИТ СОКРОВИЩА

Нам Дионосом премудрым сумрак тайны озарен:
Не творит создатель злого, милосерд его закон,
Он добро возобновляет, сокращая долгий стон.
В совершенстве беспорочно совершенствуется он.

Вышли в путь из Мулгазара львы, убийцы темноты,
Увозившие с собою то светило высоты.
Над кристаллом нависали черных воронов хвосты,
Бадахшанские рубины не теряли красоты.

Деву-солнце в паланкине увлекая в край иной,
Братья тешились охотой, разливая кровь рекой.
Изо всех краев окрестных к порождавшим блеск и зной
Обитатели навстречу шли с дарами и хвалой.

Путешествовало солнце в окруженье нежных лун,
Путешествовали братья, сладкозвучней лирных струн.
Край открылся недоступный, к валуну припал валун.
Вот скала, где жил тот витязь, что прекрасен, славен, юн.

"В этих скалах я хозяин, – объявляет амирбар. -
Я пойду туда, где прежде ощущал безумья жар;
Нас Асмат копченым мясом угостит в пещерах чар;
Там чудеснейшие ткани поднесу я братьям в дар".

Подошли они к пещере в толще каменных громад.
Там оленина хранилась. Пир устроила Асмат.
Вот в веселье побратимы о минувшем говорят,
За ниспосланную радость небеса благодарят.

Обошли они пещеры, ликовали в недрах гор,
Запечатанных собратом кладов делая обзор;
Тех сокровищ непомерных охватить не мог бы взор,
И от зрелища такого обрывался разговор.

Царь индийский не скупился, потеряв дареньям счет,
Весь Придоном предводимый одарил тогда народ,
Сделал каждого богатым и не знающим забот,
Но, казалось, в море блеска не убавилось красот.

Тариэль сказал Придону: "Я должник твой всё равно,
Но творящему благое быть счастливым суждено;
Всё богатство грозных дэвов, мной добытое давно,
Не считая и не меря, забери – твое оно".

Нурадин, склонясь, восславил нескрывающего благ:
"Неужели ты считаешь, что душою я простак?
Пред тобой соломы мягче и скале подобный враг,

И пока ты мне сияешь, не проникнет в сердце мрак".

И обратно к Мулгазару понеслись гонцы верхом,
Чтоб сокровища доставить из пещер в Придонов дом.
И в Аравию ведущим львы направились путем.
Был спаспет, ущербный месяц, к солнцу яркому влеком.

Через много дней открылся край светлейшей из невест:
Стали частыми селенья многолюдных этих мест.
Вышли в синем и зеленом обитавшие окрест,
Восторгал их Автандилов неожиданный приезд.

К аравийскому владыке Тарнэль послал гонца,
Молвит: "Будет наша встреча встречей сына и отца.
Подхожу я, царь индийцев, к двери вашего дворца
С неоторванным бутоном, не лишенным багреца.

Царь! Тебя при первой встрече омрачить случилось мне.
Повелел меня пленить ты, вслед помчался на коне.
Огорчил я помешавших сердцу плакать в тишине,
И рабов твоих не мало погубил я в той резне.

Чтобы вымолить прощенье, я свой путь оставил сам.
Не гневись, о повелитель, так угодно небесам.
Подношений не имею, это ведомо друзьям,
Только вашего спаспета приношу в подарок вам".

И едва вручил посланец весть, лишавшую кручин,
Был восторгом несказанным преисполнен властелин.

И утроилось блистанье на ланитах Тинатин,
И ресниц упали тени на хрусталь и на рубин.

Вот забили в барабаны, стало шумно и светло,
Много ратников навстречу к победителям пошло.
Лошадь вывел каждый воин, каждый взял свое седло,
Возросло и крепкоруких, смелых воинов число.

Вестник дружбы и отрады, общим счастьем окрылен,
На коня вскочив, помчался к Автандилу лев-Придон;
И спасет не медля прибыл, но известьем был смущен,
И стыдился властелина торжествующего он.

Царь спасету встал навстречу и к себе его привлек,
Тот поднес к лицу смущенье укрывающий платок,
Замораживая розы, сумрак солнце заволок,
Но укрыть необычайной красоты его не мог.

Грусть отрадою сменяя, царь героя целовал,
И, лучи потупив долу, тот к ногам его упал.
"Встань! – сказал ему властитель. – Ты отвагу доказал
И достоин не укоров, а награды и похвал".

Обнимая, говорил он: "Мой огонь ты остудил,
Удалил от сердца горечь; поспеши же, Автандил!
Смелый лев, соединишься со светилом всех светил,
Чье лицо гишерной бровью всемогущий наградил".

Миновали испытанья, груз которых был тяжел.

Обнял царь тогда героя; тот от радости расцвел.
Как приличествовал мужу солнцем блещущий престол!
Только тот блажен, кто в счастье сквозь несчастье
вошел.

Витязь молвил: "Удивляюсь, что же медлишь ты, отец:
Неужель не хочешь видеть ты носящую венец
И ввести ее сердечно и радушно во дворец,
Чтоб, одет ее лучами, заблистал он наконец?"

Доложил и Таризлю. Мчались вместе до шатра.
Рдели щеки голиафов ярким заревом утра,
Все исполнились мечтанья, и судьба была щедра,
И мечи их понапрасну не гремели у бедра.

Спешась несколько поодаль, светом девы осиян,
Вывел царь из паланкина и приветствовал Нестан.
Ослепили властелина и глаза ее, и стан,
И на миг утратил разум престарелый Ростеван.

Он сказал: "о, светоч ясный, при тебе молчат уста!
Нет рассудку от безумья ни ограды, ни щита.
Видя светлую, в которой красота планет слита,
Разве может быть желанной роз, фиалок нищета?"

Ослепляла, расточала всем сияние свое,
Словно молния, сражала, поражала, как копье,
Опаляла, утешала, погружала в забытье.
И сбегались отовсюду любоваться на нее.

На коня воссел властитель, устремились к ним войска,
Приходили и другие, услышав, издалека;
Бога славящее пенье понеслось за облака:
"Доброта твоя и щедрость бесконечно велика!"

Обратился к Тариэлю солнцеликий Автандил,
Нежных слов красу являя, сладкозвучно говорил:
"Погляди, песок взметенный ширь равнинную покрыл;
Потому я погибаю средь пылающих Горнил.

То спешит мой воспитатель, встретить вас желает он,
Я иди туда не в силах, пристыжен и распален.
Ни единый смертный в мире не был более смущен.
Ты же знаешь сам, что делать, это знает и Придон".

Тот в ответ: "Как должно, любишь господина ты, герой.
Не ходи туда, останься, без меня один постой.
Я пойду, скажу владыке: "Скрылся раб усердный твой".
С божьей помощью ты станешь рядом с стройной
пальмой той".

Там в шатре остановился лев, не знающий границ,
И Нестан стояла там же, повергающая ниц;
Ветер северо-восточный веял сладостно с ресниц.
Не таясь, помчался быстро царь индийцев, свет зарниц.

Нурадин за ним поехал. Мчались, точно ураган.
Царь узнал: "Заколыхался Тариэля статный стан".

Слез с коня и поклонился властелин аравитян,
Как отец, почтил героя, чей не меньше славен сан.

Тариэль склонился долу, протянул рубины рта.
Царь, целуя лик светила, услаждал свои уста,
Удивляясь, говорил он, ободряла красота:
"Лишь исчезнешь ты, о солнце, – разольется темнота".

Был красою Тариэля созерцавший восхищен,
Восхвалял он ратоборца, чей клинок не побежден.
И Придон перед Ростеном сотворил земной поклон.
Жаждой встречи с Автандилом воспитатель был
пронзен.

От хвалений Тариэля царь, смутясь, поник челом.
Тариэль сказал: "Отныне я покорствую во всем.
Как сумел найти ты радость в созерцании моем?
Как владыке Автандила красоту найти в другом?"

Он замешкался немного, но придет на твой призыв.
Здесь, о царь, пока присядем – луг приятен и красив.
Отчего не с ним явился, расскажу, – не буду лжив;
Должен я просить о деле, разрешенье испросив".

Сели рядом; вокруг пестрела аравийских ратей тьма.
Вспыхнул витязь, как лампада, что зажгла себя сама.
Был он так хорош собою, что людей сводил с ума.
К Ростевану обратился он изысканно весьма:

"Перед вами недостойн говорить об этом я,
Но пришел молить смиренно – за него мольба моя:
Просит он, подобно солнцу согревающий края,
Свет очей, рассвет сердечный, мощь целебного питья.

Мы вдвоем с мольбою слезной прибегаем ныне к вам,
Мне, больному, солнцеликий дал целительный бальзам;
О себе забыл для друга, хоть страдал не меньше сам.
Я боюсь обеспокоить, ибо нет конца речам.

Ваши связаны любовью витязь тот и ваша дочь.
Помню я, слезами витязь обливался день и ночь.
Я молю: не дай, владыка, распаленным изнемочь.
Непреклонному герою вы отдайте вашу дочь!

Кроме этого, властитель, не прошу я ни о чем".
Шею белую прекрасный обвязал тогда платком
И, колена преклоняя, говорил, как сын с отцом.
Слыша солнце, удивлялись обступившие кругом.

Царь смутился, видя в прахе запылившийся алмаз,
Отдалился он от солнца и на землю пал тотчас,
Возгласил: "Державный, в сердце отблеск радости погас,
Ужаснулся я, увидев столь унизившимся вас.

Как же смертный не исполнит всё желательное вам?
Вам и в вечные рабыни дочь я радостно отдам.
Даже зло от вас приемля, не предамся я слезам.
Не сыщу ему подобных и взлетая к небесам.

Разве лучше Автандила для меня возможен зять?
Царство дочери я отдал, самому не совладать.
Розе время распускаться, мне – тускнеть и увядать;
Я отказывать не в силах, должен дочь ему отдать.

Я б тебе позволил даже обвенчать ее с рабом,
Ведь с тобою станет спорить лишь расставшийся с умом!
Коль спасета не люблю я, то зачем к нему влеком?
Боже, это подтверждаю я в присутствии твоём!"

Тариэль услышал это, дрогнул черный строй ресниц,
Перед славным Ростеваном пал могучий витязь ниц.
Старец снова поклонился самой яркой из зарниц,
И цари не гнев, а радость умножали без границ.

И Нестан, что затмевала семь блистающих планет,
Чьей красе непостижимой меры не было и нет,
Понесли в носилках дальше, а герои шли вослед
К цитадели Ростевана, где царил он много лет.

Шла порфира восседавшей на престоле Тинатин,
Чьих томящих душу взоров не избегнул ни один;
И вошли в ее сиянье царства новый властелин
И отважный царь индийский, солнцеликий исполин.

Поклонились ей супруги, как источнику зарниц,
Восторгались все улыбкой и беседою цариц;
И, чертоги озаря, брызнул пламень их зениц,

И ланит пылали лалы, и чернел гишер ресниц.

Приглашен царицей к трону, Тариэль сказал: "Сперва Сядь сама на трон высокий – это воля божества. Ты корону заслужила и достойна торжества; На престол, светило мира, посажу с тобою льва".

Царь индийский и царица свой исполнили обет, И, желаньем уязвленный, был посажен с ней спаспет, Побледнел пред их союзом и луны и солнца свет, И союз Рамина с Висой, что в сказаниях воспет.

Видя рядом Автандила, восприявшего венец, От стыда бледнеет дева, но промолвил ей отец: "Не стыдись, дитя родное: неспроста изрек мудрец, Что прекраснейшее чувство ждет счастливейший конец.

Дети! Счастья вам желаю, как желал уже давно, И да будет вам навеки благоденствие дано. Чтоб ясны, как небо, были, неизменны, как оно, Чтоб земле Ростена тело было вами отдано",

И к присяге Автандилу он привел свои войска: "Это царь ваш – указывает вседержителя рука! Дан ему отныне трон мой, мне – предсмертная тоска, И ему, как мне, да будет ваша верность велика!"

И ответствовало войско: "Царь божественный, внемли Будем пылью тех, что, смертных, подобрали нас в пыли,

Возвеличили покорных, а строптивых низвели
И спасли от поражения храбрецов родной земли".

Таризель могучий также прославленью отдал дань:
"Лев красивейший с тобою, о стыдливейшая лань!
Твой супруг мне брат названный, ты сестрой моею стань,
И тебе отрадой будут этот меч и эта длань!"

СКАЗ 53

СВАДЬБА АВТАНДИЛА И ТИНАТИН, ЦАРЕМ АРАБОВ УСТРОЕННАЯ

На престоле восседает Автандил, сразивший зло,
Рядом радостью сияет Тариэлево чело,
С Тинатин Нестан блистает, всем от этого светло.
Подружились два светила, небо на землю сошло.

Суетились хлебодары, насыщавшие войска,
Пали овцы и коровы – многочисленной песка.
Не скудела по значенью одарявшая рука,
И на пир от лиц прекрасных потекла лучей река.

Чаши все из гиацинта, а стаканы – ценный лал,
Разноцветною посудой пир торжественный блистал.
Эту свадьбу восхвалявший сам добился бы похвал.
Здесь навеки бы остаться каждый зритель пожелал!

Бадахшанские рубины были свалены горой,
Цимбалисты новобрачных громкой тешили игрой,
У ключей вина толпились простолюдин и герой,
И до самого рассвета шел в чертоге пир горой.

Одаряли и слепого и увечного друга
И раскидывали жемчуг, и катился он, скользя,
Утомились гости, золото и атласы увозя.
Тариэль был верным дружкой, и вернее быть нельзя.

День спустя, владыка молвит, духом светел и высок:
"Тариэль! Твоя супруга – пламенеющий восток.
Ты, властитель, ей – владычицы венки;
Подобает целовать нам отпечатки ваших ног.

Высшим с низшими не должно находиться наравне!"
И престол четы индийской он поставил в вышине.
Ниже – троны приготовил Автандилу и жене,
И дары царям горами громоздили в стороне.

Угощал их царь арабский, как товарищ дум и дел,
И служил им, забывая венценосный свой удел,
И, подарки раздавая, он на цену не глядел.
Нурадин близ Автандила по достоинству сидел.

Выражал свое почтение Тариэлю и Нестан,
Словно зятя и невестку одарил их Ростеван.
Он короны подарил им и алмазы дальних стран.
Кто считал их – становился бессловесен, бездыхан.

Подарил он им порфиры, их достойные венца,
Драгоценные камни, украшение дворца,
И жемчужины, что больше голубинового яйца,

А отборными конями он дарил их без конца.

Девять кубков с жемчугами получил тогда Придон,
Девять коней и в придачу девять седел и попон.
Царь индийский вел беседу, и, хоть был уже хмелен,
Говорил с Ростеном мудро и величественно он.

Что могу еще сказать я? Миновало тридцать дней;
Торжества их становились всё шумнее и хмельней,
Тариэлю подарили много огненных камней,
И сверкали те камни солнца яркого сильней.

Тариэль сиянье сеял, освещая всё окрест.
У царя через спаспета стал проситься он в отъезд:
"Мне с тобою быть отрадно, нет желательнее мест,
Но, я знаю, враг – в отчизне; как шакал он всё поест.

Я раздумьем неразумных уничтожу без труда.
Знаю, вас бы огорчила Тариэлева беда,
Поспешу я, опасаясь наихудшего вреда.
Вновь наступит и свиданий и лобзаний череда".

Царь ответил: "Странно медлить, если царство грабит
тать.

Будь решительным и зорким, чтоб беды не испытать.
Автандил пойдет с тобою, взяв бесчисленную рать,
И врагов своих коварных сможешь быстро покарать.

Передал слова владыки другу витязь молодой,

Но ответил царь индийский: "Жемчуга свои прикрой!
Как уехать может солнце, обрученное с луной?"
– "Не поддамся я соблазну!" – возразил ему герой.

"Порицать меня ты станешь и подумаешь: "Каков?!"
Из любви к своей супруге он забыть меня готов".
Как могу тебя оставить одного среди врагов?
Брата в горести покинуть – самый тяжкий из грехов".

Царь индийский засмеялся, розы сыпали хрусталь:
"Тариэлю с Автандилом разлучиться было б жаль.
Если твердо ты решился, поспеши со мною вдаль".
И по зову Автандила облачилось войско в сталь.

Он собрал полки арабов, не теряя даже дня.
И сошлись, вооружением и доспехами звеня,
Копий восемьдесят тысяч, хорезмийская броня.
И заплакал царь арабский, и заплакала родня.

Тариэлеву супругу провожая в дальний путь,
Аравийская царица прошептала: "Не забудь!"
Обнялись они, как сестры, шея к шее, грудь на грудь.
Кто бы мог, прощанье это созерцая, не вздохнуть?

Если с утренней звездой бледный луч луна сольет,
То тогда одновременно светят оба нам с высот,
Но вращенье сфер небесных их друг с другом разведет.
Кто увидать их захочет – на вершину пусть взойдет.

Как небесные светила разлучает бог один,
Разлучаются лишь небом и Нестан и Тинатин,
Розы с розами сливаются и томят сердца мужчин,
И не рады больше жизни ни бедняк, ни властелин.

И Нестан сказала: "Если б не была ты солнцем, знай:
Разлученная с тобою не утратила бы рай,
Говори со мною в письмах, как вернусь в родимый край.
По Аравии сгораю, ты по Индии сгорай!"

Тинатин ей отвечала: "Светозарная, поверь,
Для меня разлука будет самой тяжелой потерей.
Пусть затворится за мною гроба сумрачная дверь!
Столько лет живи, царица, сколько слез пролью теперь!"

Расставаясь, обменялись поцелуями опять,
Тинатин бессильна очи от ушедшей оторвать,
А Нестан, огнем палима, обращает взоры вспять.
Только тысячную долю я способен описать.

Царь Аравии терзался, как лишившийся ума,
Говоря тысячекратно: "Горе мне! На сердце тьма".
И с лица струились слезы, как ручьи текут с холма;
А ланиты Тариэля скрыла белая зима.

Царь прощался с Тариэлем, не сводя с героя глаз,
Говоря: "Твое явленье грезой кажется для нас.
Стало горе наше злее и сильнее в двадцать раз.
Оживляли нас доселе – убиваете сейчас!"

На коня вскочил индеец, отъезжая в край родной.
Люди плакали, прощаясь с покидаемой страной.
И сказал он; "Был счастливец даже Сал передо мной!"
И с печалью отвечали: "Солнце, следуй за луной!"

С гордой ратью и поклажей трое двинулись за ней,
Тариэля, Автандила и Придона – нет сильней!
С ними восемьдесят тысяч ратоборцев и коней,
И вперед скакали трое, всех отважней и дружней.

Несравненны были-бога я в свидетели беру;
Преграждать им путь боялись: не вело оно к добру.
У хребта остановившись, пировали ввечеру
И вина не разбавляли на торжественном пиру.

СКАЗ 54

СВАДЬБА ТАРИЭЛЯ И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Венценосцы получили их могущества оплот -
Семь подвластных царских тронов, умножающих почет,
Испытали утешенье и забвение невзгод.
Только муки переживший наслаждение поймет!

Было больно оку смертных на блистающих смотреть.
Загремела, загудела оглушающая медь,
И народ индийский славу не устал царю греметь
И просил: "Распоряжайся, царь, сокровищами впредь!"

Автандилу и Придону трон поставили тотчас.
В честь героев своды зданья крик приветственный
потряс.
Зрелищ не было чудесней и отраднее для глаз.
Об изведенных невзгодах снова вспомнили не раз.

Пили весело, и челядь приумножил государь,
И отпраздновал он свадьбу так, как праздновали встарь.
В равной мере всем дарил он безоары и янтарь,
Подаяньем для убогих не один был полон ларь.

Заслужили поклоненье и Придон и Автандил.
"Избавители вы наши!" – каждый в Индии твердил,
Исполнял владык желанья, как царям, хвалу кадил
И для дружеской беседы, словно к братьям, приходил.

Тариэль Асमत заметил и сердечно молвил ей:
"Клятву дам, что всех наставниц и служанок ты верней,
Возвышайся и седьмою частью Индии владей,
И да будет это царство вечной вотчиной твоей!"

Царствуй славно и супруга по желанью избери,
И служите нам отныне, как вассальные цари!"
Но Асमत ему сказала: "Отсвет утренней зари!
Быть рабыней вашей – счастье. Об ином не говори!"

В шумных пиршествах герои провели немало дней,
На охоте и в забавах братьев не было дружной,
Им дарили редкий жемчуг и отборнейших коней;
Но тоска овладевала Автандилом всё сильней.

Тариэль увидел: витязь о жене затосковал,
И сказал: "Печалью сердца ты мне сердце пронизал.
Горе мне, твои страданья семикратно я познал,
Ты уедешь – рок желает, чтобы я один вздыхал".

Вслед за другом отпросился и Придон к себе домой:
"Как вассал, служить готов я Тариэлю всей душой,
И по первому же зову я знакомою тропой
Устремлюсь к тебе, как серна к роднику в палящий

зной".

И ответил царь индийский: "Омрачились торжества.
Возвращайся же скорее, помни, друг, свои слова".
Автандилу же промолвил: "Вновь душа моя мертва,
Но удерживать не смею, ибо солнце манит льва".

Царь отправил с Автандилом ряд сосудов золотых,
Много кубков ограненных и нарядов дорогих:
"От меня отдай Ростену ты почтительнейше их!"
И ответил тот: "Не знаю, как останусь я в живых!"

А Нестан сестре послала платье царское и шаль, -
Стан и лик не столь прекрасный тем украсить было б
жаль.

И карбункул драгоценный, отгоняющий печаль,
Что, сияя словно солнце, освещал ночную даль.

Попрощавшись с Тариэлем, сели оба на коней,
Всех троих тоска терзала всё острее и больней.
Все индийцы наблюдали расставание друзей,
Автандил воскликнул: "Снова яд разлуки жжет
сильней!"

Вместе ехали недолго, час прощанья наступил,
И слезами на распутии каждый землю оросил.
Был поход благоприятен для сверкающих светил,
И в Аравию спокойно возвратился Автандил.

Был он подданными встречен и в чертоги был введен,
Он свое увидел солнце, скорбь исчезла, словно сон.
С Тинатин при громких кликах он воссел на царский
трон
И священною короной был от бога награжден.

Властелины дружны были и удачливы во всем,
В дружелюбные чертоги как в родной входили дом,
Преступавшего законы усмиряли, как в былом,
И расширили владенья благодетельным мечом.

Всех подвластных одарили, царский выполнили долг,
Вдов и сирот защитили, плач обиженных умолк.
Покарали злодеянье и нагих одели в шелк,
Жили мирно в их владеньях и коза и хищный волк.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРОФЫ

Так окончилась их повесть, словно смутный сон ночной,
И ушли они. Смотрите на коварство жизни злой:
Мнится долгой, но промчится лишь минутою одной.
Месх безвестный из Рустави, написал я сказ простой.

Царь Давид наш солнцеликий, славный в думах и делах,
От Восхода до Заката на врагов наводит страх,
Двоедушного сражает, хвалит преданность в сынах, -

И сложил ему в усладу я предание в стихах.

Недостойный петь Давида, преисполненного сил,
Я нашел преданье это и в стихи переложил.
Иноземных государей и судьбу, и бранный пыл,
И обычаев старинных справедливость восхвалил.

Мир обманчив и неверен; мчится жизненный ручей
Быстротечнее миганья человеческих очей.
Упования напрасны: рок – жесточе палачей
И, царя в мирах обоих, не щадит главы ничьей.

Амирана восхваленье у Хонели мы найдем,
Славных дел Абдул-Мессии сам Шавтели был певцом,
Диларгета пел Тмогвели, неустанный языком,
Тариэля же – Руствели, вечно плачущий о нем